

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК****Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Ленц С. (Герма-
ния); член-корр. РАН, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); проф.
Кришьяне З. (Латвия); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Мо-
сква); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н.,
проф. Пирожник И.И. (Беларусь); д.г.н., проф. Федо-
ров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров
В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Бильчак В.С. (Кали-
нинград); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва);
д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); к.г.н., доц. Кова-
лев Ю.П. (Смоленск); д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Мо-
сква); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н. Потockая
Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Мо-
сква); проф. Розите М. (Латвия); д.г.н., проф. Смирня-
гин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь);
д.э.н., проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н., проф. Ша-
рыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 17.10.12 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 3 (37), 2012

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЛЮДИ НАУКИ	3
Лейзерович Е.Е. О Николае Николаевиче Баранском	4
Leyzerovich E.E. About Nikolai Nikolaevich Baranski	4
ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	12
Гладкий А.В. Методика и методы оценки региональной экономической эффективности предприятий	12
Gladkey A.V. Methods and techniques of enterprises' regional economic efficiency estimation	12
Елацков А.Б. Категориальный аппарат современной геополитики	20
Elatskov A.B. Categorical framework of modern geopolitics	20
Кузнецова О.В. Система макрорегионов в экономическом пространстве России	33
Kuznetsova O.V. System of macro regions in Russian economic space	33
Голубчиков Ю.Н., Тикунов В.С. Гуманитарно-географические следствия дестабилизаций демографических градиентов и констант	44
Golubchikov Yu.N., Tikunov V.S. Humanitarian and geographical consequences of destabilization of demographic gradients and constants	44
Фирсова А.В. Литературное картирование пространства	53
Firsova A.V. Literary map making (literary space cartography)	53
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	61
Голицhev В.Д., Голицева Н.Д. Население смоленской губернии в Отечественной войне 1812 года	61
Golichev V.D., Golicheva N.D. Population of Smolensk province in the War of 1812	61
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	65
Симагин Ю.А., Глушкова В.Г. Динамика численности населения и социально-экономическое развитие регионов России	65
Simagin Yu.A., Gushkova V.G. Population dynamics and the socio-economic development of the regions of Russia	65
Кирпичев В.В. Численность сельского населения как детерминанта социально-экономического развития сельских территорий	69
Kirpichev V.V. The rural population as a determinant socio-economic development of rural areas	69
Крейдено Т.Ф., Миронова М.Н., Умерова И.А. Роль малых инновационных предприятий в развитии науки и инноваций России: региональный аспект	74
Kredenko T.F., Mironova M.N., Umerova I.A. Role of the small innovative enterprises in development of russian science and innovations: regional aspect	74
Розанова Н.Н. Репутация региональной власти: сущность, содержание, оценка	83
Rosanova N.N. Reputation of the regional authorities: the essence, content, evaluation	83
Щитова Н.А. Постсоветские трансформации образа жизни сельского населения Ставропольского края	88
Shchitova N.A. The post-Soviet transformation of rural life of the Stavropol Territory	88
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	94
Марашов Д.И. Этапы формирования транспортной системы Турции	94
Marakhov D.I. Evolution's stages of Turkey's transport system	94
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	104
Жданова А.М. География сети ресторанов быстрого питания «Макдоналдс» в мире	104
Zhdanova A.M. The geography of fast-food restaurants «McDonalds» in the world	104
Панкратов И.Н. Международная торговля промежуточными товарами ключевых торговых регионов	110
Pankratov I.N. International trade in intermediate goods of the key trading regions	110

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	117
Белозеров В.С., Чихичин В.В., Панин А.Н., Коржов И.Ю. Российско-казахстанское пограничье: теория и практика исследования социально-демографических процессов	117
Belozerov V.S., Chihichin V.V., Panin A.N., Korzhov I.J. Russian-kazakhstan border region: the theory and practice of research on the socio-demographic processes	117
Данилюк Е.С. Методология и принципы организации трансграничного сотрудничества регионов европейского союза	127
Daniiliuk E.S. Methodology and principles for organizing the cross-border cooperation of the regions of the european union	127
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ	142
Алексеев А.И. Каким может быть «идеальное» общественно-географическое исследование? (предварительные замечания)	142
Alekseev A.I. What can be «Ideal» social-geographical study? (preliminary observations)	142
Пилясов А.Н. Ответ на заметки П.Я. Бакланова по поводу статьи А.Н. Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России»	146
Pilyasov A.N. Response to a note by P.Ya. Baklanov on the article of A.N. Pilyasov «The New Economic Geography (NEG) and its potential for the study of the productive forces of Russia»	146
Сведения об авторах	151
Требования к оформлению материалов	152

Е.Е. Лейзерович (Москва)

О НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ БАРАНСКОМ

Leyzerovich E.E.

ABOUT NIKOLAI NIKOLAEVICH BARANSKI

С Николаем Николаевичем Баранским мне довелось общаться сначала в качестве его дипломника, а затем аспиранта-заочника в те годы (1952–1953 и 1958–1963), когда ему было уже за семьдесят. И поэтому из всех исторических лиц, кого я вижу ныне на экране своего телевизора, больше других мне напоминает Николая Николаевича (НН) германский фельдмаршал Гинденбург. Прежде всего, огромной фигурой и большой головой с опущенным подбородком. Также тяжёлой походкой, овалом лица, большими усами. Правда, у НН лицо было менее суровым, чем у фельдмаршала. На мой взгляд, лучшая фотография немолодого НН – в 65-м сборнике «Вопросов географии».

Вспоминая свой переход от подпольной революционной деятельности к учёбе в Коммерческом институте, НН всегда подчёркивал, что пойти в 30 лет в студенты его буквально заставила мать («ведь она у меня была немкой», – непременно добавлял он), настойчиво повторявшая: «Коленька, в нашей семье все имели высшее образование». В том, что у матери НН были немецкие корни, я до сих пор не уверен, так как он любил в разговоре причислять людей к какой-либо национальности по особенностям их характера и поведения. Так, свою вторую жену – мать сына Константина, русскую женщину, обязательно называл француженкой, людей энергичных и немногословных – американцами.

С отцовской стороны проще. Я был свидетелем того, как Н.Ф. Думитрашко спросила НН (за чаем в его квартире), не из поляков ли он. НН очень спокойно ответил, что дед его был священником при дворе Николая I.

Все братья отца тоже пошли в священники. Лишь отец – в учителя. «Так что поляки здесь не при чем», – констатировал НН.

О своём отце НН при мне вспоминал очень часто. Судя по описанию внешности отца в неопубликованных до настоящего времени мемуарах «О пользе мордобоя», свою могучую фигуру НН унаследовал именно от него. Рассказывать мне об отце стал уже при первой встрече и не раз возвращался к этой теме. Отец НН дослужился до чина статского советника, следовательно, получил право на дворянство, но тяготел к анархизму, более всего любил свободу и говорил, что «всякое начальство есть подлец». Впрочем, если какой-нибудь молодой человек «зарывался», добавлял НН, то отец мог поставить его на место, сказав: «Я Государя моего статский советник, а Вы кто?». С интересом читал большевистскую литературу, которую приносил ему сын: «Искру», листовки. Подгонял: «Давай, давай Николай, ещё, ещё». Однако, прочтя ленинскую книгу «Что делать», сказал сыну разочарованно: «Знаешь, Николай, тебе виднее, но, по-моему, ваши чиновники будут ничем не лучше царских». «Каково?», – заключил НН свой рассказ вопросом, хитро глядя мне в глаза и как бы призывая отдать должное прозорливости его отца. По моему наблюдению, НН любил глядеть собеседнику в глаза.

Либеральные ценности НН ставил выше традиционных. Неоднократно говорил мне, что очень не любит националистов. Но при этом обязательно добавлял, что национализм – это большая сила. Не раз говорил мне и о том, что как марксист свою национальность считает предрассудком.

Священников иначе как попами не называл. Вместе с тем, возмущался тем, что известный исследователь Байкала Г.Ю. Верещагин (1889–1944) подвергся гонениям за религиозность. Само чудо-озеро произвело на НН очень большое впечатление. Он вспоминал, как в тяжёлые дни 1905 года по пути из Иркутска в Читу, несколько часов, проведенных на берегах Байкала, принесли ему большое облегчение. То, что в послевоенные годы Иркутскую ГЭС строили без шлюза, нарушив, тем самым, транспортную связь между Байкалом и Ангарой, называл хулиганством.

Николай Николаевич постоянно подчёркивал свою нелюбовь к чиновникам. Среди преподанных им мне уроков был и такой. В Амурской области, по одному из районов которой я писал под руководством НН дипломную работу, в те годы сокращалось сельскохозяйственное производство. Я «затуманил» этот процесс (как-никак на дворе стоял «чёрный» 1952 год). Читая соответствующую часть моей рукописи, НН был сбит с толку и попросил объяснений. Я признался в камуфляже. Тогда, помахая огромным пальцем своей руки у меня перед самым носом, сказал возмущенно: «Какие вы все умные. Хорошие из вас чиновники получатся».

У НН было много жен. В разговорах со мной он, естественно, о них говорил не часто. Достаточно подробно рассказывал лишь о совместной революционной работе с будущей первой женой. Однажды вдруг пожаловался, что в 1927 году бросил хорошую жену («французенку?») и сделал себя несчастным на всю оставшуюся жизнь. В другой раз вспомнил как жена из аспиранток (Т.А. Соловцова?) всё бегала с молодым человеком на каток, да и убежала. Но главной женщиной в разговорах НН была Мадам География. О ней говорил часто и обычно торжественно, хотя будучи в плохом настроении мог называть жеэжопией. И эту даму НН очень ревновал: и к политической экономии, и к философии, и к идеологии.

О том, как НН сражался с политэкономией тех времён, в большинстве своем «леваками», достаточно хорошо известно. Не раз слышал от НН, что своей основной заслугой в науке он считает то, что победил «леваков». «Если бы я не победил, – говорил НН, – то география была бы сейчас совсем другой». «Борьба была ужасная, – продолжал НН, – и

боролся я в одиночку. Правда, обычно добавлял он, – со мной был ещё Каминский, но он был «беспартошный» (то есть беспартийный – Е.Л). Сегодня я спросил бы: «А где были Витвер и Колосовский?». Но тогда я никаких вопросов, кроме как по дипломной работе или по диссертации, НН не задавал. Зря. Думаю, что он, проводя большую часть дня в одиночестве, был «открыт» для собеседника. Нередко после окончания обсуждения вопросов моей диссертации предлагал: «Если Вы не спешите, посидите еще немного». После чего начинал – нет, не беседовать (я сидел тихо, как мышь), – а обращаясь ко мне, рассуждать вслух. Содержание этих монологов – основа моего «сочинения». Мой отец советовал мне записывать рассказы НН. К большому сожалению, я этого не делал и помню, разумеется, далеко не все.

Не раз я был свидетелем того, как он, читая какой-нибудь текст, восклицал, осуждая: «Это уже не география, а философия». И часто добавлял: «Многогласие, в коем нет спасения». Правда, любил повторять слова Гегеля о том, что истина всегда конкретна. И сам был очень конкретен в высказываниях. Если они носили общий характер, то, как правило, тут же подтверждались примерами.

Теперь об идеологии. Когда в 1954 году скончался Н.Н. Колосовский, НН на гражданской панихиде не был. Он прислал письмо, которое я вижу как сейчас, приколотым к фанерному щиту среди других соболезнований. В этом, ставшем историческим, письме НН назвал Николая Николаевича Колосовского человеком, знавшим все: от геологии до идеологии. Однако сам НН, проповедовавший карту как альфу и омегу географии, насколько я знаю (может быть, не всё знаю), идеологию в круг прямых интересов экономической географии никогда не включал.

Весной 1952 года на защите А.А. Минцем дипломной работы по Западному Казахстану НН, бывший оппонентом, упрекнул очень нравившегося ему студента в том, что он не пишет ничего о том, что едят местные колхозники в те годы, когда собирают урожай зерновых в 3 центнера с гектара. Считал, что этот вопрос важен для экономико-географического исследования. А вот вопрос о том, что разные люди думают, считал для экономической географии, как мне кажется, лишним.

За те годы, когда я был вхож к НН (в Гагаринском переулке, на Ленинских горах, в

любимом им санатории «Отрадное»), при мне разговоры об общественном устройстве и экономическом состоянии советского общества велись редко. А вот на отсутствие свободы слова НН жаловался мне очень часто. Особенно сурово осуждал доноительство. Не раз детально рассказывал о том, как в годы своей революционной деятельности трижды убивал шпики.

С удовольствием вспоминал как будучи лидером студентов социал-демократов «вспарывал животы» преподавателям в Коммерческом институте. При этом особо подчёркивал, что никто из преподавателей не сделал доноса. «Преподавателя NN так довёл, что он даже выбежал из аудитории, а доноса не сделал», – торжественно сказал НН.

Вспоминал свободные дискуссии между преподавателями и студентами в Коммерческом институте. Один из преподавателей отличался, по словам НН, тем, что на его лекциях можно было говорить «все что угодно». На юбилее этого преподавателя НН выступил с благодарностью от лица студентов социал-демократов. Рассказы о дискуссиях в Коммерческом институте он часто сопровождал восклицаниями: «Ну разве в наше время это возможно?!».

Б.И. Шлифштейн, человек, в своё время близкий к Л.Я. Зиману, рассказывала мне, что в 1930 году НН открыто и громко выражал своё негодование в связи с арестами Рыбникова и Бернштейн-Когана.

Разговаривая со мной на разные темы, НН особенно часто возвращался к вопросам экономического районирования. Рассказывал не раз о том, по какой причине Сталин одобрил госплановское районирование («21 область – это хорошо. Столько крепких большевиков у меня найдётся»), а затем о том, по какой причине он же заменил это районирование областным делением («Приехала комиссия ЦК на Урал, а первый секретарь крайкома Кабаков выставил её за дверь»). При этом НН непременно с большим уважением вспоминал Н.Н. Колосовского, болезненно пережившего отказ от использования госплановского районирования для организации управления народным хозяйством.

Я был свидетелем того, как Колосовский на лекции, вспоминая о госплановском районировании, сказал: «Тогда, с высоты революционной волны было видно далеко. А когда спустились с вершин и зашли в ущелья...».

В 1952 году за такие слова мог Колосовский жестоко поплатиться. Но обошлось.

Говоря о Н.Н. Колосовском, НН постоянно повторял: «Этот человек – кремль». При этом сдвигал свои большие ладони, как бы сжимая большой камень. А заканчивал каждый раз как-то странно: «Спрашиваю: почему не в партии?». Вместо ответа выражением лица НН изображал молчание. Для меня так и осталось загадкой: неужели он не знал причин, по которым Колосовский не вступил в партию? Мне об этих причинах стало известно лишь недавно из вводной статьи Н.Н. Казанского к книге Н.Н. Колосовского «Избранные труды» (Смоленск: Ойкумена, 2006). На странице 17 этой книги написано: «В 1939 году кандидатура профессора Н.Н. Колосовского была выдвинута на очередных выборах членов в АН СССР. Однако начавшееся рассмотрение этого вопроса на заседании Комиссии по выборам Экономического отделения было прервано, а затем отложено в связи с отводом «по политическим и деловым качествам». Николаю Николаевичу пришлось защищаться против весьма опасных по тем временам клеветнических наветов».

Осенью 1952 года я, лишь студент пятого курса, не помню почему, оказался в группе «взрослых» экономико-географов (человек пятнадцать), собравшихся в Московском филиале Географического общества. Собрал их Н.Н. Колосовский, чтобы познакомить с проектом письма, которое он решил направить в президиум XIX съезда КПСС. В этом письме он выражал открытое недовольство тем, что в очередном пятилетнем плане, который должен был утвердить съезд, отсутствовал, в отличие от предыдущих пятилеток, специальный раздел, посвящённый экономическим районам. Колосовский сказал, что поскольку можно ожидать в связи с отправкой письма всяких неприятностей, он решил подписать письмо только сам. Даже Старику (понимай – Баранскому) не предложил (или даже не показал, точно уже не помню).

В те дни научная общественность Москвы бурно обсуждала появившееся в газетах сообщение об очередном вражеском «заговоре». Группа руководящих коммунистов Грузии якобы решила отделить республику от СССР и передать в состав Турции. Когда я пришёл в Институт экономики АН СССР, в экспедиции которого летом проходил преддипломную практику на Дальнем Востоке,

мой руководитель – доктор экономических наук И.М. Михеев с ходу набросился на меня с этой «новостью». А закончил словами: «А вот ваш Колосовский со своим районированием всячески способствует всяким сепаратистам!». Подобные высказывания в адрес Колосовского я слышал в то время и от других учёных.

Баранский заметно гордился победным шествием разработанной им схемы экономико-географической характеристики района. В 1959–1960 годах, когда я долго выбирал тему кандидатской диссертации, он предложил: «Написали бы Вы лучше хорошую экономико-географическую характеристику. Только объект должен быть интересным. Вот Сдасюк написала диссертацию по Иркутску. Это интересно. А Скляр написал по Саратову. Так там интересно только то, что ничего интересного нет».

Я сначала думал писать по Бурятии, так как будучи сотрудником Гидроэнергопроекта несколько лет подряд участвовал в разработке схемы гидроэнергетического использования реки Селенги. НН это не понравилось... Вскоре я сменил место работы и стал заниматься Киргизией. Хотел писать диссертацию по этой республике. НН снова выразил свой скепсис. Узнав, что я в конце концов решил писать диссертацию об экономико-географическом положении как понятия (ЭГП), НН сказал мне: «Не знаю, напишете ли Вы диссертацию по этой теме, не говорю, что не напишете (не написал – Е.Л.), но работая над ней, Вы станете умнее». Потом рассказал, что хотя и написал большую статью по ЭГП (давшую жизнь этому понятию – Е.Л.), считает это понятие настолько сложным, что все еще сомневается в возможностях каких-либо обобщений по этой теме. В процессе моей работы над темой постоянно указывал мне на то, что ЭГП это только возможность, а его реализация – дело истории.

Всё это происходило в те годы, когда ВАК уже наложил «табу» на диссертации по отдельным городам и районам.

А вот Н.Н. Колосовский к экономико-географическим характеристикам, как темам дипломных работ и диссертаций, относился несколько иначе. В 1953 году на защите дипломной работы моим однокурсником Виктором Горовым «Экономико-географическая характеристика Быковского района Сталинградской области» я был свидетелем

того, как Колосовский выразил недовольство темой. По его словам, с тех пор как студенты начали проходить производственную практику вне Университета, их дипломные работы стали походить на полевые отчёты. В них отсутствует научный поиск. Впрочем, после весьма резкого выступления, даже напугавшего дипломника, Колосовский проголосовал за отличную оценку.

В 1951 году на торжественном заседании, посвящённом 70-летию Баранского, И.А. Витвер во вступительном слове особо подчеркнул, что Николай Николаевич – небанальный человек. Действительно я никогда не слышал от НН банальностей. Если он не повторялся (частая беда всех стариков), то всегда находил новые краски в рассказе о каком-либо событии или явлении. НН был очень небанальным человеком и в своём поведении. Я был свидетелем того, как он, рассказывая на лекции о том, как в XIX веке Австралия пыталась вслед за Канадой стать доминионом и, получив резкий отпор метрополии, отступила, буквально грохнувшись на колени перед первой партией, сложив руки на груди и устремив глаза к потолку, изображая кающуюся Австралию.

В 1952 году, узнав, что я пришёл к нему писать дипломную работу по Ивановскому району Амурской области, сразу спросил: «Есть ли там кулаки?» Увидев, что у меня от удивления и страха отвисла челюсть, поправился: «ну, крепкие хозяйственные мужики».

Часто каламбурил: «не издательство, а издевательство», «не американоведение, а американоедение».

Иногда вспыхивал подобно вулкану. На следующий день после дискуссии по книге Анучина сказал мне: «Был бы я моложе, поехал бы в Ленинград и набил морду Олегу Аркадьевичу Константинову». Между тем «немца» Константинова уважал – прежде всего, за деловитость и обязательность.

Все рукописи, которые Николаю Николаевичу приносились или присылались в те годы, даже малознакомыми ему людьми, он обязательно прочитывал. Ставил на полях «кругляки» и писал к ним замечания на отдельных листках, которые разными путями старался довести до сведения авторов.

Нередко НН с большой теплотой вспоминал А.А. Борзова. Рассказывал что Александр Александрович, сам так и не написавший учебника и шутливо оправдывавшийся

тем, что студенты перестанут ходить на его лекции, призывал НН отложить в сторону три «Р» (редактирование, реферирование, рецензирование) и написать большую хорошую книгу. Говорил, что ему очень льстило, когда при этом Борзов уверял, что у него наверняка получится.

Когда в 1952–1953 гг. НН работал над книгой «Исторический обзор учебников географии (1876–1934)», университетский партийный функционер (хотя и известный ученый) К.А. Салищев обвинял его в саботаже. В процессе этой работы, возвращаясь из Ленинки, НН упал на обледеневшем тротуаре и сломал ключицу.

Николай Николаевич не раз говорил мне, что мечтает о приходе в географию крупного ученого из молодых. Рассказал, как после кандидатской защиты Кирилла Зворыкина в лифте крепко прижал его к себе и громко спросил: «Когда из тебя Борзов получится?». Закончив короткий рассказ, печально констатировал: «Не получается».

В те годы, когда НН занимался со мной, его любимыми учениками были Виктор Варламов, Николай Казанский и Галина Сдасюк. О Викторе Сергеевиче Варламове нежно говорил мне: «люблю Варламчика как маленького». Николая Николаевича Казанского на неопубликованных страницах «Моей жизни...» НН характеризовал как человека прекрасного и внешне и внутренне. Про Галину Васильевну Сдасюк сказал мне: «Есть у меня такая замечательная аспирантка Галочка Сдасюк, о которой даже Андрей Николаевич Ракитников, который к женщинам относится чересчур строго, очень хорошо отзывается». Не раз говорил мне, что более всего ценит из своих учеников молодого Бориса Борисовича Родомана. Разъяснял: «Конечно, Веня Гохман знает больше, но у Родомана голова по-особенному устроена».

Как-то я провожал НН с факультета домой. Проходя через университетский двор, он заметил: «Много жуликоватых лиц. Я бы таких в университет не брал». Читая нам лекции (1951 год) время от времени повторял: «Вот я читаю вам лекции, а вижу, что не в коня корм».

Не один раз в конце моего посещения НН интересовался: «Что-то Вы сегодня плохо выглядите. Может быть, одолжить Вам денег?». Знаю от друзей, что действительно многим одалживал и о долге не напоминал.

Врезался в память эпизод похорон НН в скорее осенний, чем зимний, декабрьский день. Когда тележка с гробом двинулась из зала, где прошла панихида, к парадному выходу из МГУ, за ней следовали только Ю.Г. Саушкин и В.А. Анучин. Они шли за гробом почти вплотную, лиц их не было видно. Но их спины в черных костюмах создавали подобие щита и были так выразительны (не отдадим Баранского никому!), что все стоявшие вокруг прижались к гардеробам и не двинулись за ними. А последовали за гробом только тогда, когда катафалк выехал на улицу. Минута, в течение которой тележка пересекала опустевшую середину большого зала, показалась мне вечностью.

На Новодевичьем кладбище, перед тем, как гроб под звуки «Интернационала» был опущен в могилу, состоялся короткий митинг. Выступили В.А. Анучин, Ю.К. Ефремов, С.Н. Рязанцев. Запомнились вещи слова Сергея Николаевича о том, что знавшие Николая Николаевича будут счастливы и тем, что были с ним знакомы.

Ю.Г. Саушкин и В.А. Анучин, несмотря на возникшие вскоре между ними серьезные противоречия, внесли самый заметный вклад в сохранение научного наследия НН тем, что незадолго до своего ухода из жизни выпустили в 1980 году, перед столетием со дня рождения НН, двухтомный сборник его главных статей. При участии С.Н. Рязанцева и К.Н. Баранского.

В одно из последних моих посещений НН пожаловался на то, что забывает иностранные языки, а затем, перейдя к рассуждениям о своей приближающейся смерти, сказал, что хочет, чтобы после нее о нем была написана книга. Как я понял, книга о нем не только как об ученом, а как об исторической личности, каковой он и был на самом деле. По-моему, он имел в виду нечто более внушительное, чем книги В.И. Быкова, А.И. и М.Г. Соловьевых, З.Г. Фрейкина.

Если бы я обладал публицистическим даром Б.Б. Родомана или В.А. Шупера и храбро сел бы писать книгу-повесть об НН, то начал бы с того, что в жизни НН было несколько переломных моментов, то есть событий, резко менявших ее цели и образ.

В школьные годы НН убил по неосторожности товарища, после чего поклялся прожить жизнь за двоих. Приделал к своей школьной парте замок, и выполнив ещё на

уроках домашние задания, после их окончания запирали парту, и остальное время посвящал исключительно самообразованию.

В юношеские годы, будучи студентом, принял участие в политической забастовке, был исключён из Томского университета и стал вести жизнь профессионального революционера.

И подобных «бифуркаций» было в его жизни еще много. Однако две важнейших, о которых мы узнаем лишь из его воспоминаний (биографы старательно их обходят), сыграли в жизни НН роль особую. Это выход весной 1917 года из большевистской партии, в которой состоял с 1902 года, и перенесённый в 1946 году тяжелый инфаркт.

О причинах своего отхода от большевиков (после «апрельских тезисов») НН рассказывает в книге «Моя жизнь в экономгеографии» (М., 2001) весьма туманно. К этому обязывало время написания этой части воспоминаний: Сталин был еще жив. Полагаю, что просто НН видел весной 1917 года немного дальше своих товарищей по партии. Этот поступок «светил» ему в 1937 году подвалами Лубянки. И уцелел он не только потому, что в дальнейшем полностью отстранился от политической деятельности, но и потому, что подобно Коллонтай, Мехлису, Капице, Пастернаку, оберегался самими Сталиным.

Они познакомились в 1905 году на Таммерфорской конференции РСДРП и возвращались поездом из Финляндии в одном купе. НН рассказывал мне (думаю, не только мне), что Сталин понравился ему своей искренностью. Судя по тому, что произошло в дальнейшем, и Сталину тогда понравился молодой могучий красивый сибиряк.

После Октября НН не получил тех высоких постов, на которые, благодаря своему большому партийному стажу, мог бы рассчитывать, оставаясь в рядах победителей. Через несколько лет он уехал к «себе» – в Сибирь. Здесь заново в 1920 году вступил в РКП(б). И здесь его нашёл и вернул в Москву Сталин. Довелось мне слышать в середине 50-х годов выступление НН, в котором он отвечал на критику со стороны Волобуева-Артемова (харьковского профессора, только что опубликовавшего книгу, что было в то время событием, и потому недолго претендовавшего на роль «властителя дум» в нашей науке), обвинявшего НН в геттнерианстве и

отходе от марксизма-ленинизма. НН в своем выступлении спокойно, но с «нажимом», напомнил аудитории, что работал с Лениным и Сталиным.

О встречах НН с Лениным широко известно лишь то, что они беседовали в 1923 году на предмет назначения НН на пост заместителя наркома РКИ, и Ленин довольно легко отнесся к его отказу. Недавно стало известным, что Ленин в то время плохо относился к сестрам НН. Любовь Николаевну он даже зачислил в число «злейших врагов большевизма» и предлагал выслать за границу (см. «Вопросы истории», 2000, №10, с.45). Потому трудно представить, что Ленин мог симпатизировать их брату. Если Сталин сажал в тюрьму Николая Вавилова и одновременно назначал его братом президентом Академии наук, довел до самоубийства Михаила Кагановича и держал до конца жизни в своем ближайшем окружении его брата Лазаря, то Ленин, который в отличие от Сталина рос в большой дружной семье, к семейным привязанностям относился серьезно.

Можно смело предположить, что беседа НН с Лениным состоялась по инициативе Сталина, который, как любил часто вспоминать НН, отпускать его из НКРКИ не хотел и угрожал ему словами: «Вигоним из партии!». В книге приёмов Ленина о встрече с НН осталась странная, на мой взгляд, запись: «Беседовал с географом Баранским». НН был в это время штатным работником НКРКИ и обсуждался в беседе ведомственный вопрос. Причём здесь география? Остается пофантазировать и представить, что на выходе из кабинета Ленина НН был спрошен секретарем, кто он. И ответил: «географ».

На стр.78 своей книги «Н.Н. Баранский и советская экономическая география» (М.: Просвещение, 1978) супруги Соловьевы пишут, что НН рассказывал им о встречах с Лениным. Только одна фраза. Без конкретных фактов.

Александр Иванович Соловьёв в историю нашей науки вошел уже в 1929 году, когда был среди тех комсомольцев, которые пошли приглашать НН в МГУ. В моей памяти А.И. ещё единственный экзаменатор, оценивший мой ответ как выдающийся (по истории географии). М.К. Бандман рассказал мне, что летом 1953 года А.И. буквально спас его. В партбюро Геофака пришел донос о посещении Бандманом в Сибири ссыльных родственников его жены. Бандман выходил на защиту кандидатской дис-

сертации, и ему была нужна характеристика от партбюро. Только благодаря А.И., уломавшему «расколовшееся» во мнениях партбюро, он её получил.

Увы! В 60-х годах на вопрос моего друга Е.И. Вохмянина: «Когда Ракитникову дадут профессора?», А.И. Соловьёв ответил: «Подождет. Он советскую власть признал после Англии». «Каково?» – говорил в подобных случаях НН.

Скудные сведения об отношениях НН со Сталиным, наводят на мысль, что он был близок к «команде» Сталина. В 20-е годы Сталин выдвинул НН на очень важный в то время пост ректора Коммунистического университета трудящихся Востока. Впоследствии делал, судя по воспоминаниям НН, и другие предложения. Однако после 1930 года связи между Сталиным и НН не прослеживаются. Остается загадкой, которую предстоит разгадать историкам нашей науки, почему это произошло. Ничего не пишет в своих воспоминаниях НН и о том, какую роль сыграл Сталин в появлении в 1934 году постановления ЦК о преподавании географии и статьи на эту тему в газете «Правда» – партийных документов, обозначивших победу в борьбе с «леваками». Без участия Сталина такие документы на свет не появлялись.

О связке Сталин – Баранский в 1930-е годы известны, от самого НН, лишь исторические для экономической географии слова Сталина – «Баранского не трогать», решившие его судьбу. НН узнал об этих словах от своего друга по сибирскому большевистскому подполью Емельяна Ярославского, видного партийного деятеля 1920 – 30-х годов. А.А. Минц, хорошо информированный, благодаря родственнику, близкому к партийной верхушке, рассказывал мне, что пока был жив Ярославский (он умер в 1943 году), НН «был вхож» в ЦК. Родной брат Ярославского – М. Губельман, выступал от имени старых большевиков на гражданской панихиде НН.

Важно отметить, что основная часть мемуаров НН писалась при жизни Сталина, когда лишнее слово могло дорого стоить. И НН это прекрасно понимал. Стоит обратить внимание на примечание 54 в «Моей жизни...».

Однажды НН поведал мне, что работая в НКРКИ, Сталин велел сделать для себя отдельный вход. На вопрос НН: «Зачем? Ведь сотрудники не будут Вас видеть?», Сталин ответил: «Зато будут больше бояться». Рассказа-

зывал мне НН и о других негативных, по его мнению, действиях и высказываниях Сталина. Как-то сказал: «В войну народу стало тяжело, и Сталин дал ему попов и антисемитизм». Пошутил, что если бы он (НН) был тогда в Москве, то именно его сделали бы патриархом.

Крепко остался в моей памяти такой эпизод. В 1960 или 1961 году, НН во время консультации вдруг вышел из-за стола, походил по комнате, а затем, опустившись на стул рядом со мной, положил свою большую ладонь мне на запястье, и тихо, как бы доверительно, но безапелляционно, сказал: «Пока Сталин не стал пробиваться наверх (изобразил рукой винтообразное движение к потолку), он был вполне приличным человеком».

Где-то в 1959–1961 гг. НН достаточно выразительно продемонстрировал мне свое отношение к партийной элите того времени. Однажды с раздражением сказал: «В 20-е годы я был знаком почти со всеми членами партийно-государственной верхушки. Не менее ста из них имели литературное имя. Вы понимаете, что такое литературное имя? А теперь. Возьмите-ка ... том БСЭ». Я взял большой том 2-го издания. «Найдите-ка статью о Кириченко (2-ой секретарь ЦК КПСС, недолго проработавший на своем посту, но, несмотря на это, успевший попасть в БСЭ – Е.Л.)». Я нашел статью, сопровождавшуюся большой, на всю страницу фотографией. НН предложил: «Посмотрите на фотографию. Ведь это только породистый бык!».

В те годы НН пишет в Дополнении к своим мемуарам: «Советское начальство никакой власти фактически не имеет, а существует только для того, чтобы было кому нести ответственность; власть же имеют те, кто звонит этому начальству по телефону» («Моя жизнь...», с. 150). И далее: «Не знаю, кому пришла в голову такая гениальная мысль отделить власть от ответственности, но поскольку я знаю – никаким правоведам это в голову ещё не приходило; они до этого не додумались и совсем ещё не изучили того, что получится от осуществления этой гениальной мысли на практике» («Моя жизнь...», с. 187).

К важнейшему повороту в жизни НН привел тяжелый инфаркт, который он перенес в 1946 году. В первый год после окончания войны инфаркт в Москве был довольно частым «гостем» у людей его возраста

и положения. В течение двух лет НН ждал смерти (см. стр. 12 «Моей жизни»). Заметно сократил нагрузки – до этого, по его словам, двадцать лет работал за троих. Отказался от многих должностей, в первую очередь связанных с публичными лекциями. Стал намного больше времени проводить за письменным столом дома. Правда и в последующие годы НН опубликовал ряд значительных работ, читал лекции, вел аспирантов. Однако инфаркт оказался своеобразным «перевалом». Тема смерти стала постоянно присутствовать в его разговорах. Чуть опоздал к началу лекции, вбегает в аудиторию со словами: «Так спешил, что чуть не умер». Спускаюсь с ним в лифте из его университетской квартиры, а он спрашивает у лифтерши: «А гробы Вы возите?».

Однажды, когда я сидел у НН, приехал Воробьев, чтобы отвезти его на свадьбу Варламова. Стали «наряжать» НН. На мою долю досталась задача натянуть на огромную спину пиджак. Я натягивал этот пиджак с чувством, подобным тому, которое, вероятно, испытывает католик-простолюдин, целуя руку папе римскому. Это чувство при мне и сегодня. Помню, что близкие чувства по отношению к НН испытывали, судя по их рассказам, многие из моих ровесников и ровесниц экономико-географов. Был свидетелем того, как Олег Константинович Замков после успешной кандидатской защиты, уходя из квартиры НН, попросил разрешения поцеловать его. НН сначала очень удивился, но потом улыбнулся и разрешил. Замков осторожно поцеловал НН в щеку.

Апрель 2012 года

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В. Гладкий (Киев)

МЕТОДИКА И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Gladkey A.V.

METHODS AND TECHNIQUES OF ENTERPRISES' REGIONAL ECONOMIC EFFICIENCY ESTIMATION

***Аннотация.** Рассмотрены основные методические подходы к определению экономической эффективности размещения предприятий. Проанализированы основные показатели эффективности функционирования предприятий. Предложена методика оценки экономической эффективности размещения предприятий на территории с использованием рыночного подхода.*

***Annotation.** The main methodical approaches to definition of enterprises' location economic efficiency are disclosed. The general indices of enterprises functional efficiency are analyzed. The market-based methodic of economic efficiency estimation of enterprises' territorial location is proposed.*

***Ключевые слова:** региональная эффективность, промышленные предприятия, методы оценки, рыночный подход.*

***Keywords:** regional efficiency, industrial enterprise, estimation methods, market-based approach.*

Размещение предприятий, групп производств и отраслей на территории страны всегда требует научного обоснования. Для этого существуют специальные методы, с помощью которых выбираются варианты размещения, оценивается эффективность производства и территориальной организации предприятий. Достижение высокой эффективности производства – главная задача науки и практики. В советские времена критерием эффективности размещения и территориальной организации производства всегда считались затраты, точнее минимизация суммарных затрат при достижении заданных объемов производства в стране. Однако в рыночных условиях, экономическая эффективность размещения предприятия оценивается не только по затратному принципу, но также и по уровню его прибыльности, в основе которой лежат показатели рентабельности, производительности труда, фондовооруженности и фондоотдачи, т.д. Эти показатели существенно различаются в зависимости от места расположения предприятия, поэтому

разработка методики оценки доходности местоположения выступает одной из наиболее актуальных задач современной региональной экономики и общественной географии.

Оценке доходности местоположения предприятий посвящены труды многих ученых. Исследования эффективности размещения производства в условиях плановой экономики имеются в трудах В.Г. Давидовича, Г.М. Лаппо, Л.Э. Лимонова, А.Е. Пробста, А.Т. Хрущева, М.Д. Шарыгина, Л.М. Корецкого, М.М. Паламарчука и др. Рыночные механизмы формирования доходности местоположения предприятий проанализированы в работах С.И. Ищука, В.И. Захарченко, Ю.Н. Палеха, Г.П. Подгрушного, А.В. Степаненко, Д.Н. Стеченко, И.В. Пилипенко, а также в трудах зарубежных ученых (С. Джонс, М. Энрайт, Н. Калдор, Г. Кларк, А. Маршалл, К. Матсияма, Е. Миль, М. Портер, Д. Старрет, Ж.-Ф. Тисс, М. Фельдмен, П. Кругман, М. Фуджита, Р. Холл).

Эффективность предприятия определяется двумя составляющими: эффектом про-

изводственной деятельности и затратами на его достижение. При плановой экономике считалось, что главным условием эффективности предприятия выступает максимум эффекта при минимуме затрат сырья, энергии и материалов и т.п. Советская школа экономической и социальной географии, учитывая особенности хозяйственной модели социализма (ее замкнутости на административно-структурных, нерыночных методах получения прибыли), определяла эффективность предприятия преимущественно на основе показателей приведенных затрат. Так, в работах Э.Б. Алаева, А.Т. Хрущева, М.Д. Шарыгина, М.М. Паламарчука, А. Воротилова дополнительный экономический эффект развития предприятий основывался на выгоды компактного расположения предприятий и широком развитии взаимосвязей между ними, что способствовало экономии затрат на инженерное и инфраструктурное обустройство, утилизацию и переработку отходов, налаживание замкнутых энергопроизводственных циклов, устранение нерациональных транспортных связей и др.

Зарубежные ученые определяли эффективность размещения предприятия с помощью стандартных показателей экономического эффекта функционирования фирмы (мы рассмотрим их ниже), представленных в классических работах по экономической теории и региональной экономике. Это нашло отражение в работах ряда зарубежных исследователей: У. Изарда (Izard, W.), А. Маршалла, (Marshall, A.), М. Фуджиты и Ж.-Ф. Тисса (Fujita, M., Thisse J.-F.), П. Кругмана (Krugman, P.R.) [7].

В настоящее время, в среде отечественных и зарубежных ученых бытует мнение, что эффективность размещения предприятия сводится к минимизации затрат капитала, живого и овеществленного труда при **максимизации прибыли**, следовательно, она может быть раскрыта с помощью классической системы экономических показателей: производительности труда, рентабельности, фондовооруженности, фондоотдачи и т.д. [6;7]

Одним из таких показателей является рентабельность. Она определяется как процентное соотношение чистой прибыли предприятия и суммы его расходов. Учитывая то, что показатели чистой прибыли предприятия зачастую не регистрируются в статистических ведомостях стран СНГ, в

научных исследованиях целесообразно использовать показатели чистого дохода. Они отличаются от показателей прибыли на сумму его расходов, однако для сравнительного анализа эффективности функционирования предприятий территории являются достаточно репрезентативными. По мнению ряда ученых-экономистов (С. Мочерный, К. Кривенко и др.), показатели рентабельности предприятия, рассчитанные на основе чистого дохода, а не прибыли, следует называть доходностью. Однако четкого мнения по этому поводу пока не разработано. Формула, по которой производится расчет рентабельности (доходности) предприятия, имеет следующее написание:

$$R = \frac{P}{S} \times 100\%$$

где R – рентабельность (доходность) предприятия, P – чистый доход от реализации продукции (товаров, работ, услуг), S – себестоимость реализованной продукции (товаров, работ, услуг), которая определяется по формуле:

$$S = MC + LC + SC + AC + OC + IC + UC + TC,$$

где MC – материальные затраты, LC – расходы на оплату труда, SC – отчисления на социальные нужды, AC – амортизация, OC – операционные расходы, IC – другие обычные расходы, UC – чрезвычайные расходы, TC – налоги на прибыль.

Чистый доход от реализации продукции также можно описать следующим показателем:

$$P = G + OG + IG + UG - UT,$$

где G – доход (выручка) от реализации продукции (товаров, работ, услуг), OG – прочие операционные доходы, IG – прочие обычные доходы, UG – необычные доходы, UT – косвенные налоги и прочие вычеты из дохода. Если рентабельность (доходность) предприятия превышает 100%, оно работает с прибылью.

Иногда, вместо чистого дохода используют другие показатели экономической деятельности предприятия, в частности объемы реализованной продукции, валовую прибавочную стоимость и т.п. Однако первый индекс не в полной мере воспроизводит особенности

формирования экономической эффективности предприятия, а второй зачастую не рассчитывается государственной статистикой на локальном уровне в разрезе отдельных видов экономической деятельности.

С экономической эффективностью предприятия тесно связан показатель производительности труда, в основе которого лежит соотношение объемов произведенной (реализованной) продукции и затрат рабочей силы. Измеряется производительность труда количеством продукции или услуг, произведенных работником в единицу времени:

$$LP = \frac{V}{L}$$

где LP – производительность труда, V – объем реализованной продукции (товаров, работ, услуг), L – численность производственного персонала. Для расчета этого показателя используются материалы, которые включают в себя общую отчетность предприятий. Причем, численность производственного персонала рассчитывается только по количеству штатных работников, поскольку в официальной статистике воссоздан только этот показатель. Показатель производительности труда характеризует эффективность использования рабочей силы на предприятии, уровень трудоемкости и развития унификации, автоматизации, роботизации, информатизации и т.п.

Большое значение для определения экономической эффективности предприятия имеют показатели фондовооруженности и фондоотдачи. Фондовооруженность, или вооруженность основными средствами производства представляет собой объем основных средств в стоимостном выражении, приходящийся на одного рабочего (единицу производственного персонала). Рассчитывается делением среднегодовой балансовой стоимости действующих основных средств на среднегодовое количество сотрудников:

$$F_a = \frac{\bar{F}}{\bar{L}}$$

где F_a – фондовооруженность труда, \bar{F} – среднегодовая балансовая стоимость действующих основных средств, \bar{L} – среднегодовая численность работников (производственного персонала). Показатель используется для

экономического анализа обеспеченности предприятия основными средствами производства, которые выступают основой повышения производительности труда, выявления резервов, разработки мероприятий по повышению эффективности предприятия и т.п.

Фондоотдача, или отдача основных средств производства отражает производственные отношения формирования экономической эффективности использования средств производства. Качественный аспект этих отношений соответствует критерию экономической эффективности – получению максимального эффекта при наличии существующих или меньших ресурсов. Количественное выражение фондоотдачи сводится к соотношению объемов реализованной продукции (товаров, работ, услуг) к объему использованных для их получения производственных средств:

$$F_r = \frac{V}{F}$$

где F_r – фондоотдача производства, V – объем реализованной продукции (товаров, работ, услуг) за определенный промежуток времени, F – стоимость основных средств, используемых для получения продукции за определенный промежуток времени.

Использование приведенных выше показателей для оценки экономической эффективности предприятия, по мнению многих ученых, позволяет наиболее комплексно раскрывать механизмы формирования прибыли на территории и полноценно учитывает все аспекты производственной деятельности. Их использование в научных исследованиях эффективности размещения предприятий является научно-обоснованным и методично целесообразным.

Основываясь на предыдущих разработках, мы пришли к выводу, что наиболее эффективной методикой оценки экономической эффективности размещения предприятия является анализ пространственного распределения указанных выше показателей рентабельности, производительности труда, фондовооруженности, фондоотдачи и т.д., промодулированных на основе матрицы конфигурации территории исследования и кластеризованных современными компьютерными методами (например, методом нейросетей Кохоннена). Эта идея основывается

на разработках ряда отечественных (М.Т. Агафонов, С.И. Ищук, В.И. Захарченко) и зарубежных ученых (М. Портер и М. Энрайт, Д. О'Донохью, Б. Глэйв, М. Фуджита и Ж.-Ф. Тисс (Fujita M., Thisse J.-F.) [5;7]) и запатентована нами в 2009 году [4].

Итак, процесс определения экономической эффективности размещения предприятий определенной территории (административной области, края, автономной республики или страны в целом) целесообразно разделить на несколько этапов. Первым этапом является сбор и обработка необходимой статистической информации по развитию производства в разрезе отдельных локальных административных районов, городов, поселков (если такие материалы есть в наличии). Источником информации могут служить материалы областных и городских статистических ежегодников и данные статистических управлений на местах. Такими данными, по нашему мнению, могут служить абсолютные показатели развития производства (объемы реализованной продукции, численность производственного персонала, стоимость основных средств производства, чистый доход от реализации продукции, себестоимость реализованной продукции и т.д.), которые потом станут основой для расчетов качественных характеристик эффективности функционирования предприятия.

На основе первичных статистических данных рассчитываются показатели эффективности функционирования производства: производительность труда (как доля объемов реализованной продукции и численности производственного персонала), общая рентабельность (доля чистого дохода в себестоимости реализованной продукции в процентном выражении), фондовооруженность (доля стоимости основных средств и численности производственного персонала) и фондоотдача (доля объемов реализованной продукции и стоимости основных средств).

На втором этапе исследования каждый показатель экономической эффективности в разрезе отдельных районов и/или населенных пунктов территории должен быть промодулирован с помощью матрицы кратчайших расстояний между ними. Воспользуемся для этого формулой гравитационной модели поля потенциалов, которая была впервые предложена Джоном Стюартом (Stuart John), 1958 г., а затем дополнена и развита в рабо-

тах отечественных ученых (Ю.В. Медведков, А. Евтеев, С.А. Ковалев):

$$H_i = V_i + \sum_{j=1}^n \frac{V_j}{R_j}$$

где H_i – гравитационный модулятор i -го района (города) территории, n – общее количество районов (городов) исследования, V_i – качественный признак развития предприятия района (города) и V_j – качественный признак развития предприятия других районов (городов), которые включены в исследование, R_{ij} – расстояние от i -го района (города) до других районов (городов).

Этот метод, по мнению ряда ученых [1;3;5], наиболее адекватно отражает уровень сформированности региональной экономической эффективности предприятия в разрезе локальных административных районов (в качестве опорных точек для расчета расстояний целесообразно взять административные центры районов и неадминистративные города (городские советы)). На основе этого метода можно выделить территории высокого уровня экономической эффективности размещения предприятий, которые сформировались именно благодаря действию специфических факторов размещения и выгодного местоположения.

Следующим (третьим) этапом исследования является определение на основе промодулированных данных отдельных кластеров территорий разного уровня экономической эффективности. Как показали проведенные нами исследования, использование классического кластерного анализа, являющегося производной из стандартизированного набора статистических функций, имеет низкую эффективность применения, поскольку в нем не учитываются возможности существования нелинейных зависимостей между входными данными и эмерджентность региональных систем.

Более эффективным методом кластеризации, по нашему мнению, должно быть построение так называемых «карт самоорганизации» Кохоннена, основанное на группировке определенного массива данных с помощью нейросетей. Этот метод осуществляет группировку показателей на основе изучения их взаимосвязанности не за счет механического сопоставления данных, а в результате установления сложных нелиней-

ных зависимостей между входными и выходными параметрами. Построение кластеров «карт самоорганизации» Кохоннена является эффективным инструментарием для анализа процессов пространственной взаимодействия и взаимозависимости различных процессов и явлений определенной территории, особенно в условиях их эмерджентности и развития синергетических свойств. Компьютерное обеспечение этого процесса разработано компанией BaseGroup Labs и представлено пакетом программ Deductor Studio 5.5.

Обработка промодулированных данных экономической эффективности производства (в разрезе отдельных административных районов и горсоветов) методом нейросетей Кохоннена позволяет выделить несколько групп кластеров, характеризующихся различным уровнем экономической эффективности производства. Причем, как показали проведенные исследования, наиболее целесообразно выделять пять кластеров: высокодоходных, среднедоходных, недостаточно доходных, низкодоходных и убыточных территорий.

Для уточнения уровня экономической эффективности размещения предприятия на исследуемых территориях целесообразно провести дополнительную оценку указанных показателей в разрезе отдельных городов. Методика проведения такого исследования полностью совпадает с предыдущей. На ее основе выделяются группы городских поселений по предварительно охарактеризованным уровням доходности (5 кластеров), что существенно дополняет и уточняет все предыдущие исследования.

Последним этапом исследования является нанесение выделенных кластеров экономической эффективности производства на картосхему территории с последующей ее интерпретацией.

Предложенная нами методика оценки экономической эффективности размещения предприятий базируется на передовом опыте отечественной и зарубежной школы экономической и социальной географии и теории региональной экономики. Ее апробация на примере ключевых регионов Украины дала положительные результаты и подтвердила познавательную ценность предложенных подходов [1]. Применение данной методики для оценки экономической эффективности размещения промышленных и непромыш-

ленных видов деятельности может стать эффективным средством оценки доходности размещения различных предприятий и хозяйствующих субъектов и послужит повышению эффективности функционирования предприятий на основе оптимального использования преимуществ местоположения на территории.

В завершение, рассмотрим практическое применение данной методики на примере города Киева и Киевской области Украины. Эти территории в наше время обладают, благодаря столичному статусу и ряду исторических, экономико-географических, общественно-коммуникационных факторов, наиболее мощным хозяйственным потенциалом в Украине. Город Киев в наши дни представляет собой ядро крупнейшей в стране столичной агломерации, который характеризуется высоким уровнем развития синергетического эффекта, имеет значительную зону урбанизации и социально-экономического воздействия на окружающие территории. В Киеве сформировались пионерные, инновационные, прогрессоопределяющие, репрезентативные, международно-ориентированные виды деятельности. Он характеризуется бурным развитием коммерчески ориентированного предпринимательства на основе формирования многогранной рыночной среды, которая дает значительные конкурентные преимущества развития различных видов хозяйственной деятельности на прилегающих территориях. Именно поэтому Киевская область является всесторонне развитой и диверсифицированной. На ее территории формируется специфический экономический эффект размещения предпринимательской деятельности, развития различных предприятий коммерческой и деловой направленности.

Кластеризация показателей экономической эффективности производства (предварительно промодулированных матрицей расстояний до каждого центра системы) с помощью методов нейросетей Кохоннена позволила выделить в пределах Киевской области пять групп локальных административных районов по уровню их доходности (рис. 1).

В группу высокодоходных территорий попали Киево-Святошинский, Вышгородский, Броварской, Бориспольский, Обуховский, Васильковский, Фастовский и Кагарлык-

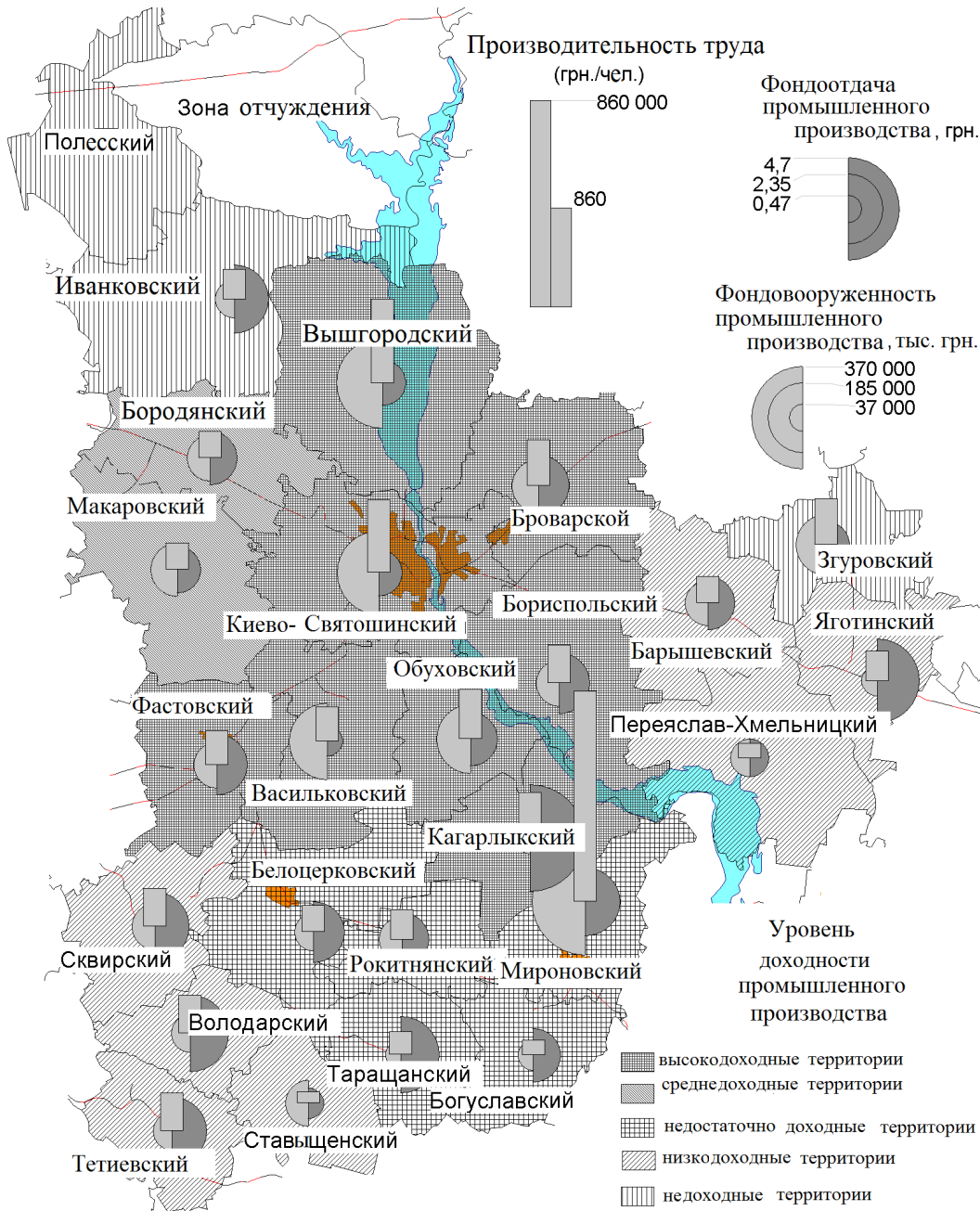

Рис. 1. Уровень экономической эффективности промышленного производства Киевской области

ский районы. Они характеризуются высоким уровнем урбанизации и индустриального освоения территории. Их предприятия, как показали предыдущие исследования, имели тесные производственные, технологические, инфраструктурные и организационно-управленческие связи с промышленными объектами Киева, а сейчас тесно связаны с Киевом

в рыночно-инфраструктурном, финансово-кредитном, научно-инновационном, трудоворесурсном, снабженческо-сбытовой плане [1;2]. Они эффективно используют преимущества своего размещения, близость к очагам прикладной науки и образования, внешнеэкономической деятельности, бизнеса и финансовой активности, предприниматель-

ской инициативности и т.п. Именно поэтому на данных территориях сформировались высокие показатели производительности труда, рентабельности промышленного производства и фондовооруженности. В каждом из этих районов сформировались мощные индустриальные города (несколько городов в Киево-Святошинском районе), которые усиливают тенденции формирования зон повышенной доходности и способствуют быстрой и комплексной адаптации социально-экономического влияния Киева. Принадлежность этих территорий (в ряде исследований – отдельных их частей) к поясу повышенной экономической эффективности подтверждается в разработках других ученых [1;2].

Среднедоходными территориями являются Бородянский и Макаровский районы. Их размещение в этом кластере обусловлено значительно более низкими показателями урбанизации (в пределах этих районов отсутствуют городские поселения) и индустриального освоения территорий [1]. Преимущественное развитие здесь получили агропромышленное производство пригородного типа (Макаровский район), а также рекреационная и лечебно-оздоровительная деятельность (Бородянский район). Промышленные предприятия этих территорий характеризуются высокими показателями эффективности производства, что связано с распространением на них зоны влияния Киева.

Недостаточный уровень доходности сформировался в регионах, примыкающих к Белоцерковскому промышленному узлу (Белоцерковский, Рокитнянский, Таращанский районы), что подтверждается рядом авторов и в предыдущих исследованиях [2]. В этот кластер попали также территории, значительно отдаленные от Киева и развивающиеся на основе местных ресурсов труда и привлеченного извне капитала (Мироновский район). Влияние столицы на эти территории теряет свое решающее значение из-за снижения уровня их урбанистической адаптивности (кроме Белоцерковского района), что стимулирует рост доли локальных производств, ориентированных на местных потребителей. Однако, Белоцерковский узел оказывает положительное влияние на рост экономической эффективности промышленного производства окружающих территорий, которые вместе с ослабленным влиянием Киева, усиливают их уровень доходности.

Мироновский район попал в этот кластер из-за значительного роста экономических показателей высокорентабельного промышленного производства (пищевой промышленности) за счет привлечения иностранного капитала и внедрения современных основных средств производства. Уровень производительности труда на промышленных предприятиях района один из самых высоких в области. Этому способствовали: относительная близость региона к киевскому рынку сбыта продукции и масштабная комплексная организация деловых, финансовых, инновационных и информационных ресурсов, низкая земельная рента, наличие высокодифференцированного рынка рабочей силы со значительным количеством мест приложения труда.

Низкодоходными являются территории Барышевского, Переяслав-Хмельницкого, Яготинского, а также Сквирского, Володарского, Ставищанского и Тетиевского районов. Их объединение в этот кластер обусловлено периферийным положением по отношению к ядру области и, соответственно, низким уровнем экономической эффективности производства. Некоторые исследователи считали Барышевский район перспективным в отношении развития внутреннего экономического потенциала [1;2], однако невысокий уровень его индустриального развития и экономических показателей хозяйственной деятельности свидетельствуют лишь о наличии в районе тенденций к эффективному экономическому развитию, которые в будущем могут способствовать формированию более высокого уровня доходности.

Убыточными в промышленном плане следует считать территории Згуровского, Полесского и Иванковского районов. Они имеют низкий индустриальный потенциал и невысокие показатели урбанизации, что значительно ограничивает их возможности по формированию эффективной системы производства.

Проведенные нами уточняющие исследования уровня доходности промышленного производства на основе анализа экономической эффективности в разрезе отдельных городов Киевской области подтвердили ранее выдвинутые положения (табл. 1). Так, в группу высоко- и среднедоходных поселений попали города, расположенные в административных районах

Ранжирование городов Киевской области по уровню доходности с использованием нейросетей Кохоннена

Высоко-доходные	Средне-доходные	Недостаточно доходные	Низко-доходные	Убыточные
Киев, Ирпень, Вишневое, Боярка, Буча.	Вышгород, Бровары, Борисполь, Васильков, Украинка, Обухов, Фастов, Кагарлык.	Белая Церковь, Ржищев, Мироновка.	Березань, Переяслав-Хмельницкий, Яготин, Узин, Богуслав, Тараща.	Сквира, Тетиев, Припять, Чернобыль.

первого и второго кластера, т.е. на ближайших к Киеву территориях. Именно они определяют высокий уровень доходности указанных регионов, рост экономической эффективности производства. Остальные города являются преимущественно низко- и недостаточно эффективными. Они характеризуются относительно мощным промышленным потенциалом, однако не достигают значительных показателей экономической эффективности производства из-за значительной удаленности от Киева. Среди них выделяются города, которые значительно удалены от Киева и имеют слаборазвитые промышленные функции (Сквира, Тетиев),

а также города, которые не имеют постоянного населения и находятся в зоне отчуждения в результате техногенной катастрофы (Припять, Чернобыль).

Таким образом, нами была проведена оценка экономической эффективности производства Киевской области по предварительно разработанной методике. Использование ее результатов в сфере предпринимательства и бизнеса, а также при разработке программ и планов социально-экономического развития территории будет существенно способствовать повышению уровня доходности хозяйственных функций и развитию социальной сферы региона.

Библиографический список

1. Гладкий О.В. Наукові основи суспільно-географічних досліджень промислових агломерацій: Монографія / за ред. С. І. Іщука. Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К.: ВГЛ „Обрії”, 2008. – 360 с.
2. Іщук С.І. Територіально-виробничі комплекси і економічне районування. – К.: Українсько-Фінський інститут менеджменту і бізнесу, 1996. – 244 с.
3. Мезенцев К.В. Суспільно-географічне прогнозування регіонального розвитку: Монографія. – К.: Видавничо-поліграфічний центр „Київський університет”, 2005. – 253 с.
4. Пат. 41038 Україна, МПК (2009) G 06 F 17/00. Спосіб використання інформаційного середовища під час розроблення проектно-конструкторської документації для будівництва промислового підприємства в умовах промислової агломерації / Гладкий О.В.; винахідник і власник Гладкий Олександр Віталійович. – № u 2009 00579; заявл. 26.01.2009; опубл. 27.04.2009, Бюл. № 8.
5. Пилипенко И. В. Принципиальное различие в концепциях промышленных кластеров и территориально-производственных комплексов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2004. – № 5. – С. 3–9.
6. Портер М. Конкуренция: Учебн. пособие. – СПб.: Вильямс, 2000. – 495 с.
7. Fujita M. Economics of Agglomeration: cities, industrial location and regional growth / Fujita M., Thisse J.-F. – Cambridge, Cambridge University Press, 2004. – 466 p.

А.Б. Елашков (Санкт-Петербург)

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ
СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Elatskov A.B.

CATEGORIAL FRAMEWORK OF MODERN GEOPOLITICS

Аннотация. В статье рассмотрены способы образования геополитических понятий, проблема их нечеткости и возможности логических операций с ними. Обсуждаются соотношения атрибутов «*de facto*» и «*de jure*», возможности и способы типологии и систематизации категорий. Предложены интерпретации категорий «геополитический процесс», «геополитический интерес» и «геополитическая проблема».

Annotation. Ways of formation of geopolitical notions, as well as the problem of geopolitical fuzzy concepts and possibility of logical operations with them, are considered in this article. The relations between “*de facto*” and “*de jure*” attributes, and methods of categorial framework systematization are discussed. Interpretation of the concepts “*geopolitical process*”, “*geopolitical interest*”, and “*geopolitical problem*” is proposed.

Ключевые слова: геополитика, категории геополитики, геополитические понятия, *de facto*, междисциплинарный пентабазис, семантическая сеть.

Key words: geopolitics, geopolitical categories, geopolitical concepts, *de facto*, interdisciplinary pentabasis, semantic network.

Введение. Важным аспектом становления любой науки является создание и развитие ее специализированного языка, что является также одним из признаков ее перехода из эмпирической стадии в теоретическую. Это в полной мере касается и геополитики. Однако до сих пор значительная часть ее понятийного словаря недостаточно разработана. В нем явно не выделяются системообразующие понятия, генетические связи установлены лишь между отдельными терминами, нет общего теоретического основания. В любой области знания формирование новых и переосмысление старых научных понятий происходит постоянно, хотя и неравномерно исторически. В эпохи научных революций этот процесс идет быстрее. Но для категорий геополитики столь же существенное значение имеют геополитические революции и смена геополитических эпох.

Понятие *как форма мысли* «есть результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса – и в совокупности отличительных для них – признаков... Наибольшую ценность в познании представляют собой понятия, в которых предметы обобщаются по существенным признакам» [3, с.91]. Сформированные таким образом понятия «представляют определенные “узлы” в познании, вокруг которых концентрируются

все наши знания» [3, с. 102]. Среди признаков понятий выделяют родовые (которые могут заменяться указанием на родовое понятие), отличительные, существенные, несущественные, производные (выводимыми из других признаков), случайные, факультативные и видообразующие (образуют подвиды), а также положительные и отрицательные. Совокупность всех возможных признаков (основных и всех выводимых из них, в том числе с помощью дополнительных знаний) можно именовать полным содержанием понятия. В этом смысле понятие уже может рассматриваться как *система знания*, то есть «совокупность известных нам как основных, так и производных признаков, мыслимых в понятии предметов, а также знания о том, в каких конкретных формах существуют в действительности эти обобщаемые в понятии предметы» [3, с. 159].

В настоящей статье мы рассмотрим общие принципы генезиса геополитических категорий, их логико-гносеологические особенности, статусную двойственность и различные возможности систематизации. В заключение обсудим некоторые дискуссионные аспекты отдельных категорий.

Генезис геополитических понятий. Понятия, отражая предметную область науки, формулируются на определенном этапе ее развития и изменяются исторически. Какие-

то из них возникли еще на донаучном этапе развития геополитического знания, а какие-то еще только оформляются. Большинство понятий далеко не сразу обретают свои термины и словесные формы. Слово-термин для обозначения такого понятия подбирается позже, иногда в спорах (благодаря чему появляются синонимы), когда уже есть начальные представления о некоем явлении, которое уже выявлено, и должно быть названо и определено [10, с. 20]. Любое определение содержания понятия обобщает исторический опыт познания объективной геополитической реальности. Обогащение этого опыта в исторической перспективе неизбежно приводит к уточнению и переопределению содержания геополитических понятий и терминов. Можно также разграничивать геополитические понятия разных порядков по степени общности. Обычно различают *понятия* и *категории*. Последние представляют собой наиболее важные или общие понятия предметной области. Но четкой границы между понятиями и категориями нет. Иногда считается, что категории – это понятия, которые не могут уже быть обобщены в рамках данной науки и обобщают в себе более частные.

При разворачивании некоторой геополитической концепции (модели) используются определенные базовые для нее геополитические понятия, вписываемые в ее структуру и рассматриваемые в различных формах. Привлекаются также общенаучные понятия и понятия смежных наук. Для формирования собственно геополитических понятий есть два основных пути.

1. Многие понятия образуются в результате пересечения области определения геополитики с областями иных или более общих процессов и явлений. Геополитика берет за основу общенаучные понятия, понятия смежных наук, и наполняет их геополитическим содержанием. Геополитические понятия становятся видами общенаучных. Так, категории «экспансия» и «регион» имеют довольно широкий спектр значений. В области геополитики они обретают специфические уточняющие характеристики (признаки), преобразуясь в понятия «геополитическая экспансия» и «геополитический регион». Далее для их обозначения могут использоваться уже термины «экспансия» и «регион», которые в данном контексте обретают геополитический смысл. Однако это вовсе

не означает, что такие видовые понятия входят на периферии понятийной системы: ряд важнейших категорий имеют ближайшие родовые понятия за пределами сферы геополитических исследований. Кроме образования видов, категории могут формироваться путем синтеза из других понятий как своих частей (то есть, находящихся в мериологических отношениях), некоторые из которых не являются геополитическими.

2. Большинство понятий образуется на основе других геополитических понятий. Это относится в основном к понятиям, менее общим, чем основные геополитические категории. Но и для последних этот способ образования имеет большое значение. Образование понятий происходит либо на основе родовидовых отношений, либо путем синтеза из других геополитических понятий. Также возможно деление геополитических понятий на понятия-части.

Здесь важно отметить, что центральной категорией геополитики является, по нашему мнению, «*геополитическое отношение*» (*ГПО*) как выражение субстанции геополитической реальности и «кирпичика» любых геополитических концепций. Именно данная категория положена в основу деятельностно-геопространственного [13, с. 84] и геореляционного [12, с. 15] подходов к геополитике. Это означает, что общенаучные понятия и понятия смежных наук только тогда становятся геополитическими, когда включают ГПО в свое содержание или выражают одну из сторон ГПО. Что касается синтетических понятий, то именно ГПО, как правило, выступают связующим звеном составляющих их частей, не считая того, что сами исходные понятия (за исключением общенаучных) образованы через ГПО. В результате возникает иерархическая структура генезиса геополитических понятий. Учитывая двойственность категории ГПО, можно предположить и двойственность системы формируемых геополитических понятий, когда ведущей выступает та или другая сторона ГПО (геопространственная или политическая) или их единство.

Вместе с тем, по нашему мнению, при определении системы понятий желательно не столько формулировать новые, сколько как можно шире задействовать традиционные термины и устоявшиеся отдельные понятия, но интерпретируя их с точки зрения

единой концепции. Тем более, что геополитические понятия используются не только специалистами по геополитике. Общественные категории, преобразовавшись в геополитические, как бы «возвращаются» обратно внешним областям знания, приобретая определенную двойственность. Так, «геополитический риск» важен не только для геополитики, но и для коммерческой деятельности, для туризма и т.д.

Контекстуальная зависимость понятий. «...Характерной чертой большинства геополитических разработок, – пишет П.Я. Бакланов, – остается... слишком расширительное толкование объекта и предмета геополитики, недостаточно строгое выделение и определение ее основных категорий» [1, с. 8]. Однако, на наш взгляд, создание единого и строгого понятийного аппарата геополитики – утопия. Этого возможно добиться разве что в рамках той или иной конкретной геополитической концепции или теории (в лучшем случае – в рамках национальной геополитической школы). Как отмечает Е.Б. Черняк, «общественные науки используют массу неясных, нечетких, рыхлых понятий. В них оказывается неясным набор существенных и несущественных признаков, например, “феодалный строй”, “переходная эпоха”, “Возрождение”, “религиозные войны” и т.п. ... Рыхлость понятий во многом связана с тем, что ученые различных школ по-разному представляют себе состав существенных и несущественных признаков...» [17, с. 131]. А.П. Горкин же считает изначально «релятивными» большинство общественно-географических понятий, таких как «развитая страна» [7, с. 13–15].

Всё дело в том, что понятия возникают и функционируют не сами по себе, а в рамках той или иной геополитической теории, концепции или парадигмы, которые определяют общие принципы и аксиоматику исследований. От теории и методологии зависит как содержательное наполнение понятий, так и соотношение их друг с другом [10, с. 138]. Одно и то же исходное понятие, развиваемое в разных теориях, приобретает в них разный смысл. И чем более абстрактным является понятие, тем отчетливее прослеживается такая зависимость. (Хотя для концепций прикладной направленности значительную роль играет также разница геополитических

интересов.) Вместе с тем, взаимосвязь понятий в рамках целостной теории или концепции приводит к тому, что семантическое изменение одного понятия сказывается как на содержании других понятий, так и на логических корреляциях между ними. Одно и то же высказывание может оказаться как истинным, так и ложным, в зависимости от семантического изменения включаемых понятий (их интерпретации) [10, с. 182]. Это означает, что, изменив содержание одного понятия, мы изменяем несколько связанных с ним понятий или даже концепцию в целом.

Тем не менее, следует стремиться если не к объединению, то хотя бы к сближению терминологии разных геополитических концепций. Но возможности для такого сближения различны на разных уровнях абстракции. Если на наиболее обобщенном уровне незначительно влияние противоречивых геополитических интересов авторов концепций, а на эмпирическом уровне возможна верификация посредством наблюдения конкретных явлений, то понятия среднего уровня и любые оценочные понятия представляют наибольшую трудность для достижения консенсуса. В этих рамках можно попытаться прийти к некоторому соглашению относительно предельно абстрактных геополитических категорий, таких как ГПО, но уже их конкретизация неизбежно сталкивается с различной интерпретацией в разных концепциях, имеющих разную аксиоматику и ангажированность. Однако и на высшем уровне абстрагирования возникают трудности согласования, начиная с неоднозначности перечня ключевых категорий. Здесь важно отметить, что разночтения в небольшом количестве базовых категорий влияют на противоречия между теориями куда больше, чем разночтения даже в большем количестве понятий эмпирического уровня [17, с. 133]. Тем не менее, проблема касается не только абстрактных понятий, но и классификации, и разграничения конкретных наблюдаемых объектов (в том числе географических). Так, стоило японской стороне захотеть, и Южно-Курильские острова в одночасье перестали быть в их представлении Курильскими (яп. Тисима). А значит, соглашение об отказе от Курильских островов их якобы не касается. Подобного рода манипуляций с географическими названиями в мировой истории можно привести множество. Наконец, надо отме-

тить, что многие, если не большинство, авторов очень нестрого относятся к понятийному аппарату своих же собственных исследований – содержание понятий строго не определяется, а разные понятия смешиваются как синонимы (например, «сила» и «мощь»).

Проблема нечеткости понятий. На наш взгляд, помимо влияния конкуренции геополитических школ и авторской субъективности, нечеткость геополитических понятий имеет также объективные основания. Нечеткость понятий может характеризоваться с двух сторон. Во-первых, их объемы можно охарактеризовать как нечёткие множества явлений, а сами понятия – как приблизительные. Во-вторых, нечеткость понятий может задаваться тем, что одним общим термином называются разные, хотя и близкие по смыслу, пересекающиеся понятия. Рассмотрим эти формы подробнее.

1. Уровень приблизительности понятия зависит от уровня абстракции и четкости определения (понятия, не имеющие только четкого определения, вернее именовать расплывчатыми или рыхлыми [17, с. 74]). Чем выше абстракция, тем понятие становится более точным и внутренне непротиворечивым (сродни абстрактным понятиям математики), на высшем уровне к нему можно спокойно применять законы формальной логики. Однако оно менее точно отражает разнообразие реальной действительности. При попытке применить к последней выводы, сделанные для предельной абстракции, мы сталкиваемся с приблизительностью: выводы могут оказаться неверными (хотя именно они часто применяются в целях политической пропаганды). «Допущение, – пишет Е.Б. Черняк, – что приблизительные категории гуманитарных наук можно считать точными понятиями, приводит к рассмотрению проблем на слишком высоком уровне абстракции. Происходит упрощение действительности в столь крупных масштабах, что обесценивает... практическую полезность делаемых выводов» [17, с. 129]. Приблизительное понятие и суждение невозможно сделать точными, но можно и нужно добиваться приемлемого (для конкретной задачи) уровня приближенности и достоверности. В данном аспекте можно было бы использовать элементы теории нечетких множеств, но она требует ясного количественного вы-

ражения функции принадлежности элементов (должна принимать значения от 0 до 1), что часто невозможно в геополитических исследованиях, требующих не столько количественной, сколько качественной оценки. Причем в разных концепциях сама функция принадлежности была бы разной.

2. Вместе с тем, в формальной логике предполагается, что объекты, включенные в объем некоторого понятия, обладают всеми его отличительными и существенными признаками. Но в действительности это выполняется не всегда: понятие образуется путем обобщения множества объектов (или видовых понятий), в результате чего весь набор отличительных признаков становится характерным для совокупности объектов в целом, но не для каждого объекта (или вида) в отдельности. Тем более, что обобщение может проходить в рамках разных, порою противоречивых, концепций. Так, в объем понятия «государство» могут входить объекты (отдельные государства), не обладающие всеми существенными и отличительными или обладающие «лишними» признаками. Данную проблему можно рассматривать с помощью логической теории семейных сходств Л. Витгенштейна [см. 14, с. 186–192]. «Семейное сходство» означает наличие схожих признаков у пересекающихся подклассов объектов в классе с ограниченным объемом, при отсутствии признаков, общих сразу всем объектам класса («семье» понятий). В этом случае родовое понятие (класс) может определяться либо через перечисление видов, либо определением их генетических связей. Сложилось, например, целое семейство понятий биосферы [10, с.246]. А.А. Сергунин отмечает, что в современном регионоведении популярна точка зрения Л. Рэмкельда, что «регион» – это «супертермин» с набором основополагающих признаков, и выбор того или иного признака (а следовательно, содержания понятия) зависит от характера решаемых исследователем задач [16]. Возможен вариант, что понятие находится лишь в стадии формирования, и поэтому общие абстрактные признаки родового понятия еще не определены. В этом случае дизъюнктивное (перечислительное) определение – лишь временный паллиатив, свидетельствующий о незрелости теории.

Нечеткость понятий также может быть связана с тем, что в ряде случаев признаки

могут менять свой статус в зависимости от ситуации, связей предмета с другими предметами и связей признаков между собой. Существенный признак, в зависимости от контекста, может стать несущественным, случайный – существенным и т.д. В таких случаях, возможно, следует различать относительно-существенные признаки от качественно-существенных [10, с. 65–66; 3, с. 128]. В понятийном аппарате геополитики, особенно для неоднозначных понятий оценочного типа (друг/враг, выгода/угроза и т.п.), такие случаи достаточно часты. Проявляется эта особенность и в ряде объектных понятий. Так, относительный признак «международное признание» в понятии «государство вообще» является несущественным и факультативным, но в условиях современной мировой политики становится одним из определяющих. Вместе с тем надо отметить, что нечеткость понятий имеет и определенные преимущества: во-первых, для политических целей и, во-вторых, для научной дисциплины, находящейся в стадии становления.

Логика геополитических понятий. Соответственно, оперировать такими приблизительными понятиями надо осмотрительно. «...Исследователь, – отмечает Е.Б.Черняк, – никогда не решится осуществить над историческими категориями логические действия, которые постоянно практикуют в операциях над различными видами математических понятий» [17, с. 72]. Важно отметить, что все суждения и умозаключения, оперирующие приблизительными понятиями, сами становятся приблизительными. Однако надо учитывать, что геополитика оперирует не только социально-историческими, но и естественнонаучными понятиями, которые имеют значительно более точно определяемое содержание. Чтобы приблизительные понятия стали сопоставимы для анализа, здравый смысл требует разделения их на части или работы с отдельными признаками, что нашло отражение в специальных логических концепциях.

Одна из них – *историческая импликационная логика* (импликация обозначает логическую конструкцию «если... то...») [17, с.73–130]. Ее исходная посылка, в общих чертах, состоит в разбиении понятий на две части: точно определенной (признаки груп-

пы А) и не точно определенной (признаки группы В, от наличия или отсутствия которых абстрагируются при определении понятия, а также внешние условия существования явления). Так, понятие «военно-морской флот XIX века» содержит в группе В признаки «парусный» и «паровой», относящиеся, соответственно, к началу и концу века, и не участвующие в определении самого понятия (признаки А). Это значит, что понятие может оказаться, например, не равно самому себе при сопоставлении, что для формальной логики недопустимо. Потому логические операции над двумя частями понятий производятся последовательно в два этапа: сначала над А, потом полученный результат модифицируется: «если учесть В, то...». Здесь говорится и то обстоятельство, что признаки А могут зависеть от игнорируемых формальной логикой признаков В. Таким образом, можно даже считать, что диалектическая логика (если признавать ее существование) является частью логики импликационной. Отношения между А и В во многом строятся на законах диалектики: взаимного перехода количественных и качественных изменений, единства противоположностей, отрицания отрицания [17, с. 80].

В логике действует *закон обратного отношения объема и содержания понятий* [3, с. 136]. Он является основным для семантической теории информации: информативность некоторого высказывания тем больше, чем сильнее ограничение исходных возможностей [3, с. 142]. Так, ГПО, будучи предельной абстракцией, почти ничего не говорит о конкретных особенностях множества его разновидностей. Эту задачу призваны выполнять различные подчиненные понятия. Надо отметить, что данный закон ограничен родовидовыми отношениями между понятиями в рамках формальной логики [10, с. 33; 3, с. 136], и может ставиться под сомнение в иных логиках. Например, в диалектической или импликационной. В последней закон обратного отношения действует только для части А понятий, тогда как для части В объем и содержание находятся в прямом отношении [17, с. 105]. Так, если мы переходим от понятия «современные ВМС Финляндии» к более общему понятию «современные ВМС», то часть А становится меньше. Но для части В содержание расширяется: она теперь включает авианосцы и подводные лодки. В диа-

лектической логике теоретическому (иначе – «конкретно-всеобщему») понятию также пытались приписать нарушение закона обратного отношения. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что авторами в этом случае неправильно понимались объем и содержание понятий [см. 3, с.151–158; 10, с.54], или путалось понятие как форма мышления с понятием как системой знания.

В отличие от содержаний, объемы понятий, выражаемых одним и тем же термином, в разных концепциях могут отличаться меньше. Так, с точки зрения разных подходов, наличное количество государств может быть одним и тем же, но их содержательные признаки могут интерпретироваться по-разному. При включении или исключении того или иного признака, незначительно (с общетеоретической точки зрения) может измениться и объем понятия: к почти двум сотням государств может быть «прибавлено» (или «исключено») еще одно-два. Однако манипуляция с признаками понятий зачастую происходит не в соответствии с научными критериями, а по логике геополитической целесообразности: признак будет учтен (или проигнорирован) таким образом, чтобы изменения затронули идентификацию данного конкретного объекта или процесса геополитики и, по возможности, не коснулись других. Далее одно и то же геополитическое явление может быть подведено под различные оценочные понятия. Таков один из механизмов возникновения феномена «двойных стандартов».

Статусная двойственность понятий. Интересным аспектом является смысловая двойственность многих геополитических понятий и категорий, что увеличивает их нечеткость. Дело в том, что для большого ряда геополитических явлений и ГПО требуется различать виды понятий, образуемые атрибутами *de jure* и *de facto*. Они описывают разные феномены, которые могут совпадать или нет. Так, «граница *de facto*» и «граница *de jure*» – разные видовые понятия, а «геополитический союзник *de jure*» может быть таковым также и *de facto*, но может таковым и не быть. В международном праве, однако, эти атрибуты часто разводятся как несовместимые: признание государства может быть либо *de jure*, либо *de facto* (то есть *de jure* априори означает окончательное и полное

признание). Хотя, например, Пакистан признает *de jure* независимость государства Азад Кашмир, но *de facto* подчиняет его своему суверенитету [8, с. 3]. Индия, в свою очередь, считает его незаконно оккупированной Пакистаном территорией. Надо отметить, что существует множество вариантов определения состояния «*de facto*», зависящих от точки зрения наблюдателя и смысловых оттенков. В частности, государственная граница *de jure*, фактический контроль над которой потерян обоими граничащими государствами (так называемая «серая зона»), всё равно является «границей *de facto*» в некотором отношении, так как остается реальным фактором международных отношений, разграничивает геополитические поля и районы. Но при этом существует еще как минимум одна граница *de facto*, определяющая реально контролируемое государством пространство. Также есть множество вариантов интерпретации состояния «*de jure*», зависящих от того, правовые нормы какого субъекта или международного органа берутся за точку отсчета. Дискуссионным вопросом может быть также признание норм обычного права в качестве определяющего для атрибута «*de jure*».

Таким образом, рассматриваемые два атрибута, по нашему мнению, не являются взаимоисключающими (по крайней мере, в сфере геополитики). Многие словари, однако, трактуют их как антонимы, что исключает возможность их совпадения, что с системной точки зрения сомнительно. Потому в случае отсутствия расхождений эти уточняющие выражения (атрибуты) не используются вовсе, а упоминается просто «союзник» или «государственная граница». Предположим, что противоположностью для «*de jure*» может являться выражение (атрибут) «*extra jus*» (лат. – за пределами права, то есть вопрос не регулируется законом), которое действительно несовместимо с первым. Другой формой противоположности является атрибут «*contra jus*» (лат. – против права, противозаконно). Своеобразным переходным состоянием является процесс юридического рассмотрения (*sub judice*) до окончательной правовой оценки. Статус такого объекта становится неопределенным.

Соответственно, для атрибута «*de facto*» противоположностью будет не «*de jure*», а нечто другое. Здесь можно говорить о разных вариантах в зависимости от детальности

рассмотрения вопроса. Например, можно выделить специфические атрибуты понятий: мнимый, инвентивный (от лат. *inventio* – изобретение, открытие), потенциальный, возможный и т.п. Это и не правовое, и не фактическое, а некое концептуальное представление об объекте или ГПО. Например, «инвентивная/потенциальная граница» может отражать экспансионистские представления субъекта о «естественных границах». Наконец, можно говорить о квазиобъектах (лат. *quasi-* – будто бы), представляющих собой реально существующие объекты, но совсем иной природы, чем они фиктивно объявляются. Так, например, реликтовая государственная граница уже ни *de facto*, ни *de jure* не является государственной границей, хотя может сохранять свои следы на местности.

В итоге, соотношение всех названных атрибутов можно выразить матрицей, представленной в таблице. Впрочем, варианты заполнения ячеек в поле данных приведены в качестве примера и могут быть иными в зависимости от контекста. Однако данная одномерная матрица относится только к одной правовой системе L_i ($i = 1 \dots n$) из целой серии вариантов $L_1 - L_n$ (возможно, конкурирующих). В некоторых случаях следует рассматривать группу подобных матриц. Так, Египет с 1882 по 1914 год *de jure* про-

должал принадлежать Турции (хотя фактический суверенитет был мнимым), а *de facto* составлял часть Британской империи. В действительности мы здесь говорим о двух разных явлениях, описываемых в разных матрицах: «британский суверенитет над Египтом» и «турецкий суверенитет над Египтом». Если же в матрице рассмотреть понятие «чей-либо суверенитет над Египтом», то «британский» и «турецкий» надо вписать в разные ячейки. Другой пример – непризнанные и частично признанные государства, существующие *de facto*, но имеющие «внешний» статус *extra jus, contra jus* или *de jure*, в зависимости от точки зрения L_i . Иногда, особенно за рубежом, они именуются псевдогосударствами (*pseudo-state*). Здесь интересно отметить разночтения по поводу понятия «квазигосударство» (*quasi-state*), в результате которого оно может быть отнесено к разным ячейкам нашей матрицы. Так, с одной точки зрения (В.Колосов, Дж.О'Локлин), квазигосударство – это своеобразная «серая» зона, контролируемая разрозненными криминальными кланами и местными вооруженными формированиями (т.е. не являющееся государством ни *de jure*, ни *de facto*). С другой же (Р.Джэксон) – это международно-признанное государство, испытывающее проблемы с основами государственности [см. 19, pp.152, 172].

Таблица

Статусная матрица геополитических понятий

Правовой статус L_i	Фактическое наличие		
	<i>de facto</i>	мнимый, потенциальный	фиктивный, квази-
<i>de jure</i>	действительный (по умолчанию)	заявленный	демонстративный, фиктивный
<i>extra jus</i>	непризнанный, неопределенный	образный, предполагаемый	реликтовый, фиктивный
<i>contra jus</i>	опротестованный, незаконный	запрещенный, отвергнутый	опротестованный фиктивный

Группировка и типология понятий. Все понятия и термины образуют единую, хотя и находящуюся в стадии формирования, систему. Ее многоуровневость предполагает, что понятия высшего порядка должны конкретизироваться и интерпретироваться с помощью понятий низших порядков. Все понятия можно сгруппировать по различным уровням и типам. К исходным понятиям (I порядка) или категориям относятся такие, без которых невозможно или затруд-

нительно дать полноценное определение объекта и предмета геополитики. Однако в данном контексте надо признать проблему, связанную с существующей множественностью подходов к определению самой геополитики. В данной работе мы опираемся на геореляционный подход как интегративный. С этой точки зрения ключевой категорией становится, как уже отмечалось выше, «геополитическое отношение». В число основных понятий (понятийного ядра) также

входят понятия, определяющие структуру и цели геополитики как науки и практики. Это «геополитика», «геополитическое отношение», «геополитическая реальность», «геополитический субъект», «геополитический объект», «объект геополитического исследования», «предмет геополитического исследования», «геополитическая мысль (сознание)», «геополитический процесс», «геополитическое пространство».

Среди прочих базовых понятий можно отметить такие, как: *геополитические* акт, баланс интересов, баланс, блок, буфер, вектор, взаимоупоры, враг, градиент, дезинтеграция, деятельность, дисбаланс, дуга нестабильности, естественная граница, зона, интеграция, интерес, код, контрбаланс, концепция, лидерство, линия, метод, модель, мощь, ось, поле, политико-территориальное деление, положение, полярность, потенциал, проекция силы, противник, противоборство, регион, римленд, сателлит, сверхдержава, сила, символический капитал, ситуация, союзник, статус, стратегическое затенение, сфера влияния, сфера интересов, сценарий, талассократия, теллутократия, территория-ворота, факт, фронтальное соперничество, хартленд, центр силы, экспансия. И здесь названы далеко не все геополитические понятия. Большинство из них может быть интерпретировано как специфические совокупности ГПО различных типов. Далее, почти каждое из них является родовым для множества видовых понятий или частями синтетических понятий. Используются и такие общенаучные понятия и понятия смежных дисциплин как государство, управление, международная организация, государственная граница, политический режим, национальная идентичность, цивилизация, территория, природные ресурсы, ресурсообеспеченность и др.

Приведенные выше термины, понятия и категории выделяются по своей устойчивости или значимости для геополитических исследований и концепций. Множество прочих понятий находятся на понятийной периферии геополитики, разбитой на функционально-смысловые группы. При ранжировании понятий по степени важности следует учитывать, что у разных концепций и подходов складываются разные «привилегированные» понятия, причем общий понятийный набор может оставаться одинаковым. Так, для военно-геостратегического анализа наиболь-

ший интерес представляют понятия, отражающие распределение сил (разного типа полярности, баланс сил, национальная безопасность и т.п.). В геоэкономических же теориях преобладают понятия глобализации, интеграции, потоков капитала и т.п. Свои «привилегированные» категории имеют геоидеологический (демократия, ось зла, экспорт революции и т.п.), цивилизационный (цивилизация, символический капитал культуры) и другие геополитические подходы, концепции и школы. Процесс развития понятийного аппарата сопровождается и своего рода гносеологическими «диверсиями», когда в научный оборот вводятся неоправданные метафоры, псевдонаучные или даже эзотерические термины и понятия (вроде геополитического «номоса огня», «бегемота» [11], «демонов провинциализма» [9] и т.п.).

Всё это многообразие понятий можно разбить на три больших блока: онтологический, гносеологический и аксиологический. В гносеологический (теоретико-методологический) блок входят такие понятия как: *геополитические* объект исследования, предмет исследования, метод исследования, экспертиза, прогноз, концепция, мифология, модель, аналогия и т.п. Их особенность в том, что сами по себе они не интегрируют ГПО, но отражают их взаимосвязь с познающим субъектом. Тем не менее, они могут порождать реальные ГПО идеологического типа. Однако некоторые понятия этой группы двойственны. Так, понятие «геополитический миф» с одной стороны интерпретируется как гносеологическое, отражающее способ познания геополитической реальности (и относящееся к названному блоку), а с другой – как реально существующий у некоторого сообщества образ мира, воплощающий ГПО идеального типа (то есть, относящееся к онтологическому блоку).

Многие из понятий являются полярными, вроде союзник – противник, баланс – дисбаланс, внешняя политика – внутренняя политика, мощь – уязвимость и т.п. Вообще, научные понятия часто появляются парами, отражающими некоторое явление и его противоположность. Действительно, чтобы выделить из окружающего мира некоторое явление (А) с определенным признаком, надо его противопоставить явлениям без этого признака (контрадикторная противоположность – не-А) или с полярным, взаимоисключо-

чающим признаком (контрарная противоположность – анти-А, как крайний случай не-А, но принадлежащий той же сущности, что и А). Спутывание этих двух типов противоположностей приводит к недоразумениям, а в политике (и геополитике) может выступать инструментом целенаправленного манипулирования смыслами. Однако далеко не все понятия поддаются жесткой дихотомии. Так, кроме союзника и противника субъект может быть также нейтральным или иметь разную степень выраженности союзнических или враждебных отношений.

Систематизация категорий. Рассмотрение отдельных геополитических понятий и категорий и их группировка по типам – важный, но недостаточный шаг для их систематизации. Требуется также рассмотрение взаимосвязи отдельных понятий между собой. Такая связь существует между всеми основными понятиями и отражает принцип определенности: каждое вводимое понятие логически вытекает из предыдущих. Исключением является только центральная категория ГПО, целиком опирающаяся на внешнеполитическое знание.

Один из способов упорядочивания понятий в связанные группы – использование некоторого сквозного базиса или шаблона, фрейма, группы семантических множителей. Так, В.А.Ганзен предложил использовать для этих целей *общенаучный пентабазис* СПВЭИ (Субстрат, Пространство, Время, Энергия, Информация), в котором субстрат объекта является интегратором остальных его характеристик (рис. 1) [5, с. 44–46]. По Ганзену, характеристики СПВЭИ являются основными для объекта любой природы. При этом тетрада ПВЭИ распадается на две естественные диады: «пространство – время» и «энергия – информация». Пентабазис допустимо применять и для группировки понятий, но результат этого может быть многовариантным.

Однако данный подход хорошо разработан и апробирован в основном в психологических исследованиях. Перенос его в другие области знания, в том числе в область геополитики, требует неоднозначной и дискуссионной адаптации. Если мы принимаем, как уже говорилось выше, ГПО за субстрат геополитических явлений и центральную, интегрирующую, категорию,

то дальнейшее ее разворачивание в подчиненные геополитические понятия можно проводить по-разному. Наиболее простым и очевидным вариантом было бы разложение ГПО на имманентно присущие ему географические, политические и хронологические отношения (рис. 2).

Однако такой подход позволяет выделить используемые в геополитике географические, политические и исторические понятия лишь по отдельности, что расщепляет ГПО на негеополитические аспекты и понятия смежных дисциплин. Поэтому более продуктивным может быть разложение ГПО на синтетические аспекты и понятия, сохраняющие геополитический смысл. Выделенные таким образом понятия в свою очередь могут быть подвергнуты дальнейшему расщеплению способом пентабазиса. Получается иерархически организованная система понятий (рис. 3). Однако вариантов расщепления понятий и уровней иерархии может быть несколько, и представленная схема не является единственно возможной.

Заметим, однако, что при использовании метода пентабазисов трудно добиться такого положения, чтобы понятие могло быть определено только при использовании понятий более высокого ранга, находящихся в той же «ветке». Дело в том, что их переплетение настолько сильно и многопланово, что не обойтись без учета понятий в «параллельных» группах. Понятия же, которые образуются не расщеплением на аспекты, а их синтезом, вообще «выпадают» из единой схемы. Их можно рассматривать на основе отдельных пентабазисов. Таким образом, метод пентабазисов хотя и полезен для анализа отдельных близко расположенных понятий, не может охватить весь понятийный аппарат геополитики сразу. Также невозможно составить схему связи всех понятий на основе только родовидовых или только мериологических отношений между ними.

Другим вариантом решения задачи является выявление семантических сетей геополитических понятий и категорий. Составленная нами на основе статьи акад. П.Я. Бакланова [1] схема представлена на рисунке (4). На ней есть и спорные моменты. Так, мы не можем согласиться с мнением, что ключевой категорией геополитики является «географический фактор» [1, с. 9]. Во-первых,

Рис 1. Вербально-графическое представление общенаучного пентабазиса по В.А. Ганзену [5]

Рис 2. Разворачивание геополитического отношения на основе пентабазиса

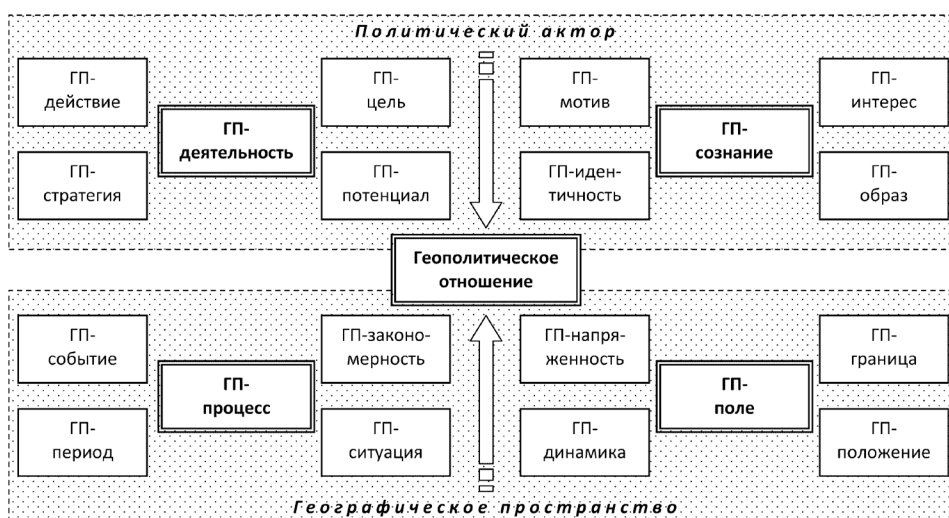

Рис 3. Разворачивание геополитических категорий на основе пентабазиса

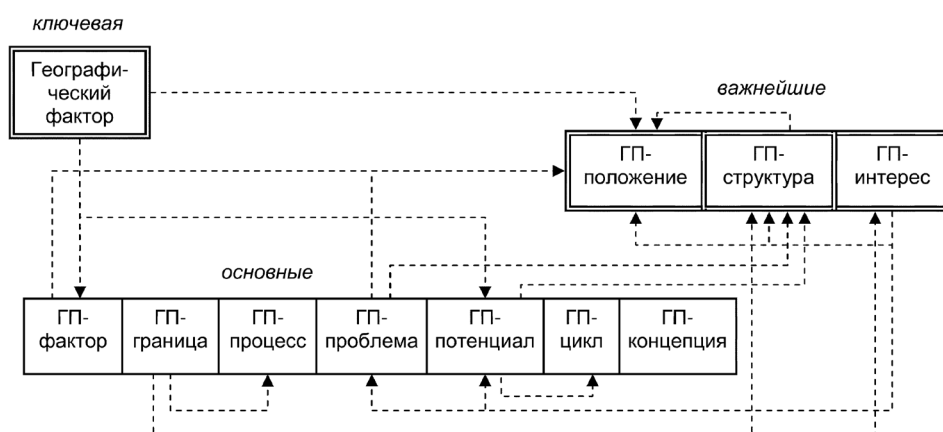

Рис. 4. Категории геополитики (ГП) и их основные связи по П.Я. Бакланову (сост. автором по [1])

потому, что сам по себе он не геополитичен. И в таком ключе более полно может быть представлен категорией «географическое пространство». Как отмечает Н.В. Каледин, именно «геопространство –... многогранный географический фактор разнообразных видов деятельности...» [13, с. 81]. Во-вторых, некое явление становится фактором (то есть влияющей силой), только вступив в определенные отношения с субъектами или другими явлениями. В данном случае эти отношения – геополитические. Об этом мы уже говорили выше, предполагая категорию ГПО в качестве центральной. В-третьих, геополитический фактор не может выводиться только из географического фактора, пусть и после «преломления через призму политической системы страны» [1, с. 10]. Он интегрирует множество факторов различной природы, включая технологические и психологические. Есть на данной схеме и другие спорные моменты.

Однако очевидно, что без определенной идеализации взаимоотношения понятий на подобных схемах не обойтись. Попытки подобной систематизации категорий необходимы, и будут тем совершеннее, чем более развитой будет общая теория геополитики. Надо также учитывать, что в разных концепциях связи между понятиями, выражаемыми одними и теми же терминами, могут быть различны. Однако такая сеть связей может быть представлена как частный случай или вид сети, представленной в более общей концепции. Кроме того, выявление связей между понятиями и категориями важно для определения последовательности их изучения в тематических университетских курсах. Так, в приведенной схеме (рис.4), изучение должно разворачиваться от категорий «географический фактор», «геополитический фактор» и «геополитическая граница» к интегрирующим категориям «геополитическая структура» и «геополитическое положение».

Другой, более развернутый вариант семантической сети геополитических категорий предложен на следующей схеме (рис.5). Так как на ней представлены не родовидовые отношения, то и однозначной иерархической подчиненности понятий нет. Конечно, на схеме можно найти некоторые нестыковки, особенно если учитывать тесные взаимосвязи категорий и то, что их содержание мо-

жет иметь разные интерпретации. Каждое из представленных понятий имеет видовое и мериологическое разнообразие, имеет подчиненные понятия. В частности, геополитическая экспансия должна рассматриваться как один из множества видов понятия геополитическая деятельность, а геополитическая мощь – как одна из характеристик геополитического субъекта или геополитического потенциала (в зависимости от интерпретации). Геополитические образ и цель можно рассматривать как понятия, подчиненные категории геополитического сознания, а геополитические эпоху и цикл – как понятия, подчиненные категории геополитического времени/периода.

Данная схема, конечно же, не является моделью геополитического процесса, которая выглядела бы совсем по-другому, если вообще возможна в целостном графическом представлении. Категории на схеме разделены на шесть уровней, но только первые три-четыре уровня выстраиваются более-менее четко. Ранжирование и взаимосвязь остальных во многом зависит как от методологических позиций автора, так и от той геополитической концепции, в рамках которой понятия определяются и функционируют. В данном случае мы попытались выявить некоторый усредненный вариант, но опирались на реляционно-геополитический подход. С этой точки зрения, категория ГПО участвует в образовании не только непосредственно использующих ее понятий (категорий), но прямо или косвенно участвует в формировании всего понятийного аппарата геополитики как единица геополитической информации. Далее надо отметить, что сама категория ГПО здесь опирается на внешнеполитическую категорию «геоадаптационное отношение» (подробнее об этом см. [12]). В ряду категорий уровня (I) размещены, наряду с ГПО, «географическое пространство (геопространство)» и «политический субъект», которые отражают стороны, между которыми ГПО и складывается.

Обсуждение категорий. Определению и обсуждению массива геополитических понятий и категорий посвящено относительно немного публикаций. Во-первых, это специализированные словари [6; 9 и др.], которые, в целом, трудно назвать очень удачными. Значительное место в них от-

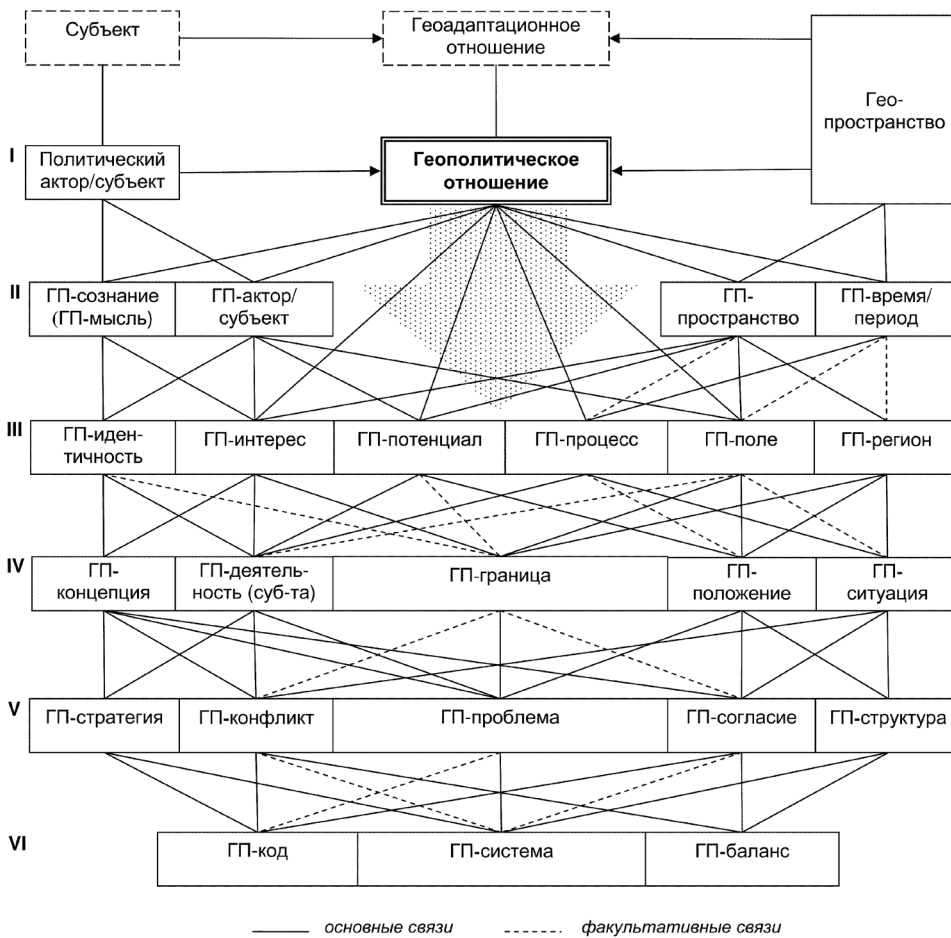

Рис 5. Категории геополитики (ГП) и их основные связи

ведено не относящимся к геополитике терминам, многие термины проигнорированы, не выявлены ключевые категории, определения часто эклектичны и носят отпечаток публицистического («дугинского») крыла геополитических исследований. Широко известный за рубежом словарь под редакцией Дж.О’Локлина [18] также имеет скорее политико-исторический, чем теоретический акцент. Во-вторых, публикуются аналитические работы, посвященные, как правило, анализу важнейших категорий или отдельных понятий [1; 2; 4; 13, с. 88–104; 15 и др.]. Они представляют значительно больший интерес для дискуссий, но, как правило, отражают приоритеты той или иной геополитической концепции. Не имея возможности обсудить в данной статье все 24 выделенные геополитические категории, остановимся только на трёх из них.

Геополитический процесс. Представляет собой любые направленные изменения ГПО. Как количественные, так и качественные, как в результате деятельности отдельных геополитических акторов или общества в целом, так и заданные природными или геоэкологическими явлениями. Также выступает индикатором и мерилom течения геополитического времени. С этой точки зрения представляется слишком узким определение геополитических процессов как тех, которые связаны только «с изменением государственных границ отдельных государств и географических (пространственных) сфер их влияния, а также с изменением границ военно-политических и экономических блоков государств и географических сфер их влияния» [1, с. 10]. Такое определение игнорирует, в частности, возможность качественной трансформации

геополитических пространств, и потому может быть принято только как частный случай. Совокупность же геополитических процессов вместе с их результатами может рассматриваться как геополитическая самоорганизация общества [13, с. 91].

Геополитический интерес. Ключевая разновидность ГПО идеологического (ментального) плана [13, с. 92]. Отражает как объективную, так и субъективную степень (не)соответствия между политическими (в том числе идеалами и целями) и геопространственными сторонами прочих ГПО субъекта, их противоречия и возможности изменения. Является ключевой категорией для интерпретации многих других ГПО, их «системой координат» и мерилom. В целом, геополитический интерес служит своеобразным средством перевода объективных характеристик геопространства в соответствующие цели и задачи деятельности субъекта. В этом смысле интерес может пониматься как «осознанная потребность», подкрепленная побудительным мотивом к ее реализации [6, с. 212]. Вместе с тем, вряд ли можно утверждать, что главным фактором формирования таких интересов являются физико-географические условия, причем лишь потому, что они «в наименьшей степени подвержены изменениям» [4, с. 35]. Ведь сами по себе эти условия нейтральны и не несут геополитического смысла. Лишь вступая в ГПО, они его обретают, причем для разных субъектов геополитический смысл одних и тех же природных явлений может быть разным. Разнообразие геополитических интересов весьма велико и многопланово, поэтому любая попытка определить их через перечисление отдельных видов является, по нашему мнению, значительным упрощением (которое, возможно, соответствует отдельно взятой концепции). Так, мы не можем согласиться с мнением, что «...геополитические интересы – это те интересы, которые связаны с целями доминирования, господства либо в мире в целом, либо в крупных регионах мира, а также интересы, связанные с противодействием попыткам утвердить собственное доминирование за счет принижения или ослабления другой стороны» [2, с. 14]. Или что это те интересы, которые позволяют «решать задачи по пространственной экспансии государ-

ства» [15, с. 3]. Подобные геополитические интересы действительно имеют место, но складываются в специфических условиях, не повсеместны и представляют лишь один из множества реальных вариантов. Столь же ограниченной нам представляется привязка геополитических интересов лишь к сохранению или изменению границ (государств, блоков, сфер влияния и т.п.) [1, с. 11].

Геополитическая проблема. Серьезное, требующее разрешения противоречие в ГПО, в комплексе ГПО или между ГПО с точки зрения геополитической деятельности (то есть снижающее или могущее снизить эффективность последней). Вместе с тем, именно наличие проблем стимулирует и в значительной степени направляет саму геополитическую деятельность. Имеет субъективный и объективный аспекты, зачастую трудно разделимые. Подчиненными понятиями выступают: узловая геополитическая проблема, геополитическая задача, геополитический риск, геополитическая угроза и т.п., а также геополитическая выгода и геополитическое преимущество. В последних двух случаях проблема выступает как соотношение потенциальных и реальных выгод и потерь, как проблема реализации возможностей. Учитывая сказанное, можно отчасти согласиться с мнением, что геополитическая проблема – это «устойчивое состояние неудовлетворенности определенных геополитических интересов, в том числе наличие факторов, препятствующих их реализации» [1, с. 11], но только в случае, если сами интересы понимать достаточно широко (см. выше).

В заключение следует отметить, что в условиях роста геополитической конкуренции отдельные понятия и понятийный аппарат в целом может играть роль идеологического оружия. Некритически приняв «чужую» интерпретацию того или иного понятия, субъект может попасть в логическую «ловушку»: дальнейший анализ и выводы будут делаться исходя из неявно принятой аксиоматики оппонента, его идеологической системы координат. Поэтому исследование теоретических вопросов геополитики, включая выработку научно обоснованного понятийного аппарата, становится одной из важных задач отечественных геополитических исследований.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я. О категориях современной геополитики // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2003. – № 2. – С. 7–16.
2. Белашов И.И. Геополитические интересы в структуре современного политического процесса. Автореферат... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2004. – 25 с.
3. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 239 с.
4. Волынчук А.Б. Категориально-понятийный аппарат геополитических исследований // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2008. – № 2. – С.28–38.
5. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. – Л., 1984. – 176 с.
6. Геополитика / Авт.-сост. В.Баришполец, Д.Баришполец, В.Манилов; Под ред. В.Манилова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – 624 с. (Популярная энциклопедия)
7. Горкин А.П. О релятивности показателей и понятий в социально-экономической географии // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2011. – № 1. – С. 8–16.
8. Горохов С.А. Кашмир // География. – 2003. – № 12. – С.3–8.
9. Дергачев В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. 2010 [электронный ресурс] // Институт геополитики профессора Дергачева. Аналитический и образовательный портал. URL: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/index.html> (дата обращения 09.03.12).
10. Диалектическая концепция понятия / М.К.Буслова [и др.]; Ред. А.П.Шептулин. – Минск: Наука и техника, 1982. – 352 с.
11. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.
12. Елацков А.Б. Геоадапционный контекст геополитических отношений // Региональные исследования. – 2011. – № 3 (33). – С.15–27.
13. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 164 с.
14. Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. – М.: Логос, 2007. – 224 с.
15. Маруев А.Ю. Военные аспекты формирования геополитических интересов и геостратегии России // Военная мысль. – 2009. – №1. – С. 2–8.
16. Сергунин А.А. Проблемы и возможности регионалистики // Полис. – 1994. – № 5. – С.149–150.
17. Черняк Е.Б. Цивилиография: наука о цивилизации / ИВИ РАН. – М.: Международные отношения, 1996. – 384 с.
18. Dictionary of Geopolitics / Ed. by J. O'Loughlin. – Westport: Greenwood Press, 1994. – 304 p.
19. Kolosov V., O'Loughlin J. Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR) // Boundaries, Territory and Postmodernity / Ed. by D.Newman. Frank Cass: – London, 1999. – pp. 151–176.

О.В. Кузнецова (Москва)

СИСТЕМА МАКРОРЕГИОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Kuznetsova O.V.

SYSTEM OF MACRO REGIONS IN RUSSIAN ECONOMIC SPACE

***Аннотация.** В работе рассмотрены вопросы роли макрорегионов России в оптимизации управления, планирования, статистического учета, а также реализации региональной политики и осуществления межрегионального взаимодействия в стране.*

***Abstract.** The paper deals with the role of macro-regions of Russia to optimize the management, planning, statistics, and the implementation of regional policy and the implementation of inter-regional cooperation in the country.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация, макрорегионы, оптимизация управления, территориальное планирование, региональная политика*

***Key words:** Russian Federation, macro-control optimization, spatial planning, regional policy*

Российская Федерация, как и все другие крупные по территории и численности населения государства, имеет довольно сложную многоуровневую систему территориального

устройства. В соответствии с Конституцией России, основной уровень территориального деления страны представлен субъектами Российской Федерации. Территориальные

основы местного самоуправления предусматривают деление субъектов Федерации на муниципальные районы и городские округа, муниципальные районы, в свою очередь, делятся на городские и сельские поселения, а также межселенные территории (Москва и Санкт-Петербург являются исключениями)¹.

Вместе с тем, как показал опыт, трех базовых уровней территориального членения страны оказалось недостаточно, и стала возникать потребность в формировании еще одного уровня территориального деления, предусматривающего более крупные по сравнению с субъектами Федерации территориальные единицы. Такие территориальные образования, включающие в себя несколько субъектов Федерации, стали называть макрорегионами, хотя закрепления в нормативно-правовых актах этот термин не получил. Невозможно найти определение термина и в экономических или географических словарях, хотя понятие «макрорегион» довольно прочно закрепилось в научной литературе². Появление в России макрорегионов неизбежно ставит вопрос о возрождении экономического районирования, которое утратило свою роль с началом рыночных реформ. В любом случае, на наш взгляд, интересно посмотреть на сложившийся за последние 20 лет опыт выделения макрорегионов и использования их в практической деятельности органов власти.

Наиболее простое объяснение «спроса» на макрорегионы – довольно большое число субъектов Российской Федерации, даже несмотря на предпринятые в 2000-е годы шаги по их укрупнению (на момент принятия Конституции России в 1993 году было 89 субъектов Федерации, в настоящее время – 83)³. Федеральным органам власти довольно сложно взаимодействовать с таким числом субъектов Федерации, представлять картину межрегиональных различий, заниматься территориальным планированием. Поэтому вполне логично стремление разработать сетку макрорегионов для оптимизации управления, планирования, статистического учета, а также реализации региональной политики,

осуществления межрегионального взаимодействия. Именно в разрезе этих целей и задач макрорегионов мы и будем рассматривать их ниже.

Макрорегионы как способ оптимизации управления

Наиболее известная и распространенная на сегодняшний день сетка макрорегионов России – федеральных округов – формально возникла как способ оптимизации управления в стране. Созданы федеральные округа России были Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», и в этом указе говорилось о преобразовании появившегося еще в самом начале 1990-х годов института полпредов Президента РФ в регионах в институт полпредов в федеральных округах. Нетрудно предположить, что для российского президента регулярно взаимодействовать напрямую с каждым из почти 90 полпредов было практически нереальной задачей, да и вряд ли в каждом субъекте Федерации нужен был отдельный полпред. По крайней мере теоретически сокращение числа полпредов Президента РФ на местах должно было привести к сокращению расходов на финансирование этого института власти.

Собственно сетка федеральных округов была утверждена тем же названным указом Президента РФ. Изначально было образовано 7 федеральных округов, почти полностью совпадавших с сеткой военных округов (разница была в наличии Калининградского особого района). Сформированная сетка федеральных округов просуществовала в неизменном виде почти 10 лет, до тех пор, пока в январе 2010 года Южный федеральный округ не был разделен на два округа, один из которых сохранил название Южный, а второй стал Северо-Кавказским⁴.

Основными задачами полпредов в президентском указе были названы:

- организация в федеральных округах работы по реализации органами го-

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

² В качестве иллюстрации сказанного можно привести книгу под редакцией академика А.Г. Гранберга «Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации», вышедшую в 2004 году в издательстве «Наука» в серии «Экономическая наука современной России».

³ Для сравнения: в США на примерно 250 млн. человек – 50 штатов, в Германии на 80 млн. человек – 16 земель (субъектов федерации), в России же 83 субъекта Федерации на менее чем 145 млн. чел.

⁴ Указом Президента РФ от 19 января 2010 г. № 82.

сударственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом РФ;

- организация контроля за исполнением в федеральных округах решений федеральных органов государственной власти;
- обеспечение реализации в федеральных округах кадровой политики Президента РФ;
- представление Президенту РФ регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральных округах, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральных округах, внесение Президенту РФ соответствующих предложений.

Как видим, на полпредов Президента РФ в федеральных округах возложен целый ряд политических задач. Считается, что в начале 2000-х годов полпреды сыграли важнейшую роль в приведении регионального законодательства в соответствие с федеральным. Дело в том, что в 1990-е годы нормотворческий процесс шел параллельно на федеральном и региональном уровнях, и региональные нормативно-правовые акты по тем или иным вопросам принимались зачастую до появления аналогичных федеральных актов. Подчас в регионах просто считали нужным формировать свои правовые нормы. В результате и появилась проблема противоречий федерального и регионального законодательства, актуальная именно в тот период времени.

В последующие годы, с отменой прямых выборов глав регионов, важнейшей функцией полпредов Президента РФ в федеральных округах стало внесение предложений по кандидатурам высших должностных лиц субъектов РФ⁵. Такие полномочия были у полпредов в период 2005–2009 годов, в дальнейшем кандидатуры глав регионов стали предлагать политические партии, занявшие лидирующие позиции на выборах в региональные парламенты⁶.

Преимущественно политические функции полпредов Президента РФ определяются их местом в системе федеральных органов власти. Аппараты полпредов входят в структуру Администрации Президента РФ, тогда как федеральная социально-экономическая политика, в том числе в отношении регионов, разрабатывается и реализуется Правительством РФ, профильными министерствами и ведомствами. Прямая роль Администрации Президента РФ в экономике в последние годы крайне ограничена, соответственно, и полпреды Президента РФ не могут напрямую влиять на выработку федеральных решений в социально-экономической сфере⁷.

Тем не менее, попытки задействовать полпредов и их аппараты для решения вопросов социально-экономического развития регионов предпринимались и предпринимаются. Среди изначально сформулированных функций полпредов в чистом виде экономической можно считать разработку совместно с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия субъектов РФ программ социально-экономического развития территорий в пределах федерального округа. Дело в том, что к середине 2000-х годов в регионах стал набирать обороты процесс разработки стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации, тогда как на федеральном уровне в тот период времени активное развитие долгосрочного стратегического планирования еще не начиналось. Иначе говоря, региональные органы власти при разработке стратегий развития своих регионов не имели каких-то общих ориентиров, и весьма насущной стала задача координации региональных стратегий (в части увязки планов по развитию инфраструктуры, привлечения новых производств и т.п.). Полпредства могли бы стать площадкой, на которой развивалось бы межрегиональное сотрудничество. Однако на практике этого не произошло, скорее всего, в силу уже указанного отсутствия реальных полномочий в экономической сфере.

Необходимо также отметить, что решаемые на практике полпредами Президента РФ

⁵ В соответствии с Указом Президента РФ от 27 декабря 2004 г. № 1603.

⁶ Федеральным законом от 5 апреля 2009 г. № 41-ФЗ были внесены соответствующие дополнения в федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях».

⁷ Подробнее этот вопрос рассматривается в: Туровский Р.Ф., Кузнецова О.В., Хорват Д. Роль федеральных округов при разработке стратегий регионального развития // Актуальные проблемы развития федеративных отношений в Российской Федерации. Сборник материалов проекта «Институциональный, правовой и экономический федерализм в Российской Федерации». – М., 2006.

и их аппаратами задачи не являются постоянными. В разные периоды развития страны на первый план выходят совершенно разные задачи, причем утрата актуальности тех или иных решаемых задач ведет к поиску новых. В 2011 году для института полпредов была предложена новая задача – распоряжением Президента РФ от 3 августа 2011 года № 535-рп за заместителями полпредов Президента в федеральных округах был закреплен статус инвестиционного уполномоченного.

Попытки определить место полпредств Президента РФ в экономической жизни регионов предпринимались и путем организационных решений. Полпреды Президента РФ должны были приглашаться на заседания Правительства РФ с правом совещательного голоса, а также на различные заседания и совещания в Правительстве РФ по затрагивающим интересы соответствующих федеральных округов вопросам, Правительству РФ было предписано реагировать на обращения полпредов Президента РФ и т.д. Гораздо более значимое решение было принято по Северо-Кавказскому федеральному округу (СКФО): полпред Президента РФ в этом округе стал одновременно и вице-премьером Правительства РФ, получив тем самым реальные полномочия в социально-экономической сфере. Однозначно оценить принятое по СКФО решение сложно. С одной стороны, пока серьезных сдвигов в улучшении ситуации в этом округе не видно. Более того, в конце 2010 года было принято решение о создании Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития СКФО, возглавляемой уже не вице-премьером, а самим премьером. С другой стороны, ситуация на Северном Кавказе настолько непростая, что ожидать от организационного решения кардинального ее улучшения вряд ли было можно.

Таким образом, мы рассмотрели политические и экономические функции полпредов Президента РФ в федеральных округах, но далее мы будем еще неоднократно возвращаться к федеральным округам, поскольку эта сетка макрорегионов стала основой не только для оптимизации управления, но и для решения целого ряда других задач. Воз-

вращаясь же к сетке военных округов, можно сказать, что на самом деле это не единственный пример существующей в стране отраслевой сетки макрорегионов. Например, у прокуратуры есть своя сетка транспортных прокуратур. Есть межрегиональные органы власти и, следовательно, свои сетки макрорегионов у ряда экономических ведомств (например, у Федерального агентства водных ресурсов, Федерального агентства по рыболовству). Рассмотреть все эти сетки в рамках данной статьи, конечно, не представляется возможным, но сам по себе факт существования таких сеток стоило упомянуть.

Макрорегионы как объекты территориального планирования. Еще одна задача (наряду с оптимизацией управления), которая решается с помощью создания сетки макрорегионов, – это совершенствование системы территориального планирования. В этом случае необходимость сетки макрорегионов обуславливается прежде всего целесообразностью территориального планирования в границах объективно существующих экономических районов, а не единиц административно-территориального деления, границы которых чаще всего не совпадают с границами районов.

Унаследованная с советских времен сетка 11 экономических районов формально отменена не была. До сих пор действует «Общероссийский классификатор экономических регионов. ОК 024-95», утвержденный Постановлением Госстандарта РФ от 27 декабря 1995 года № 640 и введенный с 1 января 1997 года. В этом классификаторе одним из видов экономических регионов являются как раз экономические районы⁸. Однако реальное значение сетки экономических районов было утрачено.

В 2000-е годы стали предприниматься попытки реанимации экономического районирования. Примером является работа над Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (так называемой Стратегии-2020), работа над которой началась во второй половине 2006 года⁹.

⁸ Считать «Общероссийский классификатор экономических регионов» классификатором макрорегионов нельзя, поскольку введенное классификатором понятие «экономические регионы» шире понятия «макрорегионы» (к экономическим регионам относят, к примеру, особо охраняемые природные территории).

⁹ Концепция была утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. В 2011 году началась работа над обновлением этой Концепции, связанная прежде всего с необходимостью учета последствий экономического кризиса, уже сделанных шагов по реализации Концепции и новых вызовов времени.

Стратегия-2020 готовилась довольно длительный период, появлялось несколько существенным образом отличающихся версий ее раздела по региональной проблематике. Одна из идей, которую в ходе Стратегии-2020 пытались реализовать, – определение перспектив развития территорий страны в разрезе макро-регионов. Эта идея оформилась с приходом осенью 2007 года в Министерство регионального развития РФ Д.Н. Козака (ставшего главой этого ведомства) и была озвучена публично В.В. Путиным (тогда Президентом РФ) на заседании президентского Совета по науке, технологиям и образованию¹⁰.

Как говорилось в одной из версий проекта Стратегии-2020, новая сетка макрорегионов должна была быть разработана, во-первых, для мониторинга социально-экономической дифференциации российского пространства, во-вторых, в качестве основы для территориального планирования. Соответственно, встал вопрос о том, какую сетку макрорегионов использовать для регионального стратегического планирования. Эксперты пришли к мнению о том, что советская сетка экономических районов устарела, а федеральные

округа не могут считаться экономическими районами и, соответственно, их сетка является далеко не лучшей для целей территориального планирования.

Вообще оптимальность сетки федеральных округов с точки зрения соответствия их границ границам объективно сложившихся к началу 2000-х годов экономических районов стала обсуждаться экспертами сразу после принятия решения об образовании федеральных округов. Конечно, стали сопоставлять состав федеральных округов и прежних экономических районов, хотя о заимствовании сетки военных округов было хорошо известно (табл. 1). Сомнения вызывало прежде всего отнесение Тюменской области, географически расположенной в Западной Сибири, к Уральскому федеральному округу. Напротив, к Уралу традиционно относятся Башкирия и Пермский край. Неоднозначно отнесение Астраханской и Волгоградской областей к Югу, а не Поволжью. Кроме того, ряд экспертов и чиновников считал сетку федеральных округов в принципе слишком укрупненной, к моменту создания округов звучали предложения о создании 10–15 макрорегионов¹¹.

Таблица 1

Сопоставление границ федеральных округов и экономических районов

Федеральные округа	Экономические районы
Центральный федеральный округ	Центральный и Центрально-Черноземный экономические районы
Северо-Западный федеральный округ	Северный и Северо-Западный экономические районы, Калининградская область
Южный федеральный округ в границах 2000 года	Северо-Кавказский экономический район, Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская области Поволжского экономического района
Южный федеральный округ в границах 2010 года	Республика Адыгея, Краснодарский край, Ростовская область Северо-Кавказского экономического района, Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская области Поволжского экономического района
Северо-Кавказский федеральный округ	Северо-Кавказский экономический район без Республики Адыгея, Краснодарского края, Ростовской области
Приволжский федеральный округ	Волго-Вятский экономический район, Поволжский экономический район без Республики Калмыкия, Астраханской, Волгоградской областей, Уральский экономический район без Курганской, Свердловской, Челябинской областей
Уральский федеральный округ	Курганская, Свердловская, Челябинская области Уральского экономического района, Тюменская область, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа Западно-Сибирского экономического района
Сибирский федеральный округ	Западно-Сибирский экономический район без Тюменской области, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов, Восточно-Сибирский экономический район
Дальневосточный федеральный округ	Дальневосточный экономический район

¹⁰ <http://lenta.ru/news/2007/11/30/regions>.

¹¹ Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

В ходе работы над Стратегией-2020 группа экспертов разработала новую сетку макрорегионов, в основу которой была положена немного видоизмененная сетка экономических районов. Вместо 11 районов было предложено 10 макрорегионов – в качестве самостоятельного макрорегиона не стали выделять Волго-Вятский, поскольку объективное существование такого экономического района вызывало большие сомнения; регионы бывшего Волго-Вятского экономического района были включены в Поволжский макрорегион. Кроме того, Орловская область была отнесена к Центральному Черноземью, а не Центру, Вологодская область – к Центру, а не Северу, регионы Нижнего Поволжья (Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области) – к Югу, а не Поволжью, Курганская область – к Западной Сибири, а не Уралу.

Формально критерии выделения макрорегионов были названы следующие:

- общность факторов социально-экономического развития, включая природно-климатические условия, субъектов РФ, включаемых в один макрорегион;
- общность экономико- и транспортно-географического положения субъектов РФ, включаемых в один макрорегион;
- наличие объективно складывающихся точек роста на территории макрорегиона, выполняющих роль центров развития макрорегионов и влияющих на социально-экономическое развитие остальных территорий макрорегиона;
- историческая общность регионов, самоидентификация регионов как части единого макрорегиона.

При этом использовался принцип «плавающих» признаков, предложенный для выделения районов Л.В. Смирнягиным¹², т.е. для выделения отдельных макрорегионов ключевыми решено было считать разные принципы (критерии) или их сочетания. Так, например, для одного макрорегиона ключевым критерием включения в него субъектов РФ может являться общность отраслевой структуры экономики и объективные факторы формирования этой структуры, для другого макрорегиона – наличие единого центра, вокруг которого выстраиваются центр-периферийные отношения, для третьего макрорегиона –

общие проблемы развития инфраструктуры. Примером типично узлового района можно считать Центральный макрорегион, типично однородного района – Центрально-Черноземный макрорегион. Многие макрорегионы были выделены на основе экономико-географического положения, которое определяет многие особенности социально-экономического развития входящих в состав макрорегионов субъектов Федерации.

Несмотря на продекларированное желание начать стратегическое планирование в разрезе макрорегионов, в окончательной редакции Стратегии-2020 новой сетки макрорегионов не оказалось (от этой идеи отказались вообще в начале 2008 года). Причин тому было несколько. Начнем с того, что разработка сетки макрорегионов велась на протяжении очень короткого промежутка времени узким кругом экспертов, тогда как серьезное экономическое районирование требует гораздо больших трудозатрат. Важно также учитывать, что границы экономических районов никогда не могут быть выделены однозначно, всегда есть спорные случаи. Один из очевидных примеров – уже называвшееся Нижнее Поволжье. Так, Калмыкия, Астраханская и Волгоградская область по выходу на Волгу близки регионам Поволжского макрорегиона, по своему южному положению – регионам Южного макрорегиона. Другой пример – Нижегородская область, тяготеющая одновременно к Центральной России и Поволжью. Тяжело однозначно провести границу между Поволжьем и Уралом, спорно отнесение Курганской области к Сибири – географически это Западная Сибирь, но экономические связи гораздо более развиты с уральскими регионами. Возникает вопрос о более детальном районировании Дальнего Востока с выделением приморских и глубинных регионов, а также об отнесении к последним субъектов Федерации Забайкалья (Бурятии и Забайкальского края).

Вместе с тем, с точки зрения принятия практических решений, гораздо более значимую роль в отказе от сетки макрорегионов сыграли не названные выше проблемы, а политические и управленческие. В частности, неизбежно возникал вопрос, как будет новая сетка макрорегионов соотноситься с существующей сеткой федеральных округов – ограничатся ли федеральные власти только

¹² Смирнягин Л.В. Районы США. – М.: Мысль, 1989.

решением задач территориального планирования или же будет осуществлена перекройка федеральных округов. Если перекройка будет – то вопрос в том, зачем России подобная административная реформа. Если перекройки федеральных округов не будет – как полпреды Президента РФ будут работать с новыми макрорегионами. Кроме того, как это было и при образовании федеральных округов, стал обсуждаться вопрос о том, а не является ли образование макрорегионов очередной попыткой федеральных властей запустить широкомасштабную реформу укрупнения субъектов Федерации. В общем, в СМИ стали появляться публикации с предположениями, что на самом деле может означать идея федеральных властей по созданию макрорегионов¹³.

Таким образом, федеральным органам власти надо было либо выносить идею создания макрорегионов на публичное обсуждение с привлечением широкого круга экспертов и чиновников, либо отказаться от идеи. В итоге пошли более простым путем и в утвержденной версии Стратегии-2020 слово «макрорегион» вообще не используется. Является ли принятое решение правильным, вопрос далеко не однозначный. С одной стороны, мотивы решения вполне корректны (действительно, сетка макрорегионов была не до конца проработана, возникали вопросы о месте новых макрорегионов в системе территориального деления России). С другой стороны, в принципе отказаться от территориального стратегического планирования в разрезе макрорегионов (т.е. крупных частей страны) невозможно, и лучше такое планирование проводить в разрезе реальных экономических районов, а не условно выделенных федеральных округов.

О невозможности отказа от территориального стратегического планирования в разрезе макрорегионов свидетельствует начавшийся после утверждения Стратегии-2020 процесс разработки и утверждения стратегий социально-экономического развития федеральных округов (макрорегионов), курируемый Министерством регионального развития РФ. С конца 2009 года и до конца 2011 года были утверждены 8 стратегий, причем, что

важно, как по федеральным округам, так и по произвольно очерченным макрорегионам. Так, была разработана стратегия развития не Дальневосточного федерального округа, а Дальнего Востока и Байкальского региона. Правда, при этом Стратегия развития Сибири разработана для всех регионов Сибирского федерального округа, т.е. распространяется в том числе и Байкальский регион. Кроме того, в ряду стратегий развития макрорегионов разрабатывается Стратегия развития Арктической зоны. Таким образом, при отказе от официального утверждения новой сетки макрорегионов, на практике потребность в новых макрорегионах возникает, причем возникающие макрорегионы «накладываются» друг на друга.

К сожалению, качество утвержденных стратегий социально-экономического развития федеральных округов вызывает большие сомнения. Стратегии являются довольно формальными документами, в них сложно найти какие-то прорывные идеи. Стратегии представляют собой обобщение известных фактов и закономерностей, а также уже сложившихся направлений социально-экономической политики органов власти разных уровней. Некоторым исключением является только Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, поскольку время ее разработки совпало с разработкой новых направлений федеральной поддержки Северного Кавказа в целом.

Названные недостатки стратегий развития федеральных округов нельзя считать основанием для того, чтобы говорить о том, что стратегии развития федеральных округов вообще не нужны. Но качество стратегий очевидно требует своего повышения.

Макрорегионы как объекты федеральной региональной политики. Третья задача, которая решается с выделением макрорегионов, – это разработка и реализация различных мер федеральной поддержки проблемных территорий. Такая поддержка, как и стратегическое территориальное планирование, является одной из составляющих федеральной региональной политики (но

¹³ В качестве примеров таких публикаций можно назвать статьи «Мирная оккупация» – интервью С. Артоболевского, опубликованное в «Эксперт Урал» 5 мая 2008 г. (http://www.expert.ru/printissues/ural/2008/18/qa_okkupaciya); «Макрорегионы могут отпугнуть инвесторов» – интервью А.Скопина РИА Новости 3 июля 2008 г. (<http://www.hse.ru/news/2752899.html>).

все-таки самостоятельной по отношению к территориальному планированию). Причем, как показывает и зарубежный опыт, и существующий российский, в рамках региональной политики вовсе необязательно опираться на существующие границы макрорегионов и разрабатывать при этом сетку макрорегионов для всей территории страны. В предельном варианте может быть выделен один макрорегион исключительно для разработки отдельно взятой федеральной программы его развития¹⁴.

Наиболее очевидным примером использования макрорегионов в федеральной региональной политике России являются федеральные целевые программы (ФЦП). Первая ФЦП по макрорегиону – Дальнему Востоку и Забайкалью – была утверждена в 1996 году, и вплоть до настоящего времени эта программа продолжает действовать, хотя с 1996 года она неоднократно продлевалась и изменялась¹⁵. Действие программы, как следует из ее названия, распространяется не только на дальневосточные регионы, но и Бурятию и Забайкальский край. Таким образом, это уже третий называемый нами вариант макрорегиона по Дальнему Востоку и прилегающим территориям: одни границы и состав имеет Дальневосточный федеральный округ, стратегия социально-экономического развития была разработана для Дальнего Востока и Байкальского региона, федеральная целевая программа – для Дальнего Востока и Забайкалья. Насколько разумен такой подход – вопрос открытый.

Следующим примером ФЦП для макрорегиона стала программа «Сибирь», утвержденная в 1998 году¹⁶. Правда, к реализации этой программы практически не приступили.

Третья ФЦП по макрорегиону, появившаяся в 2001 году, – «Юг России»¹⁷ стала реально действующей. Делалась она для Южного федерального округа и сначала охватывала все субъекты Федерации округа, потом объектами программы стали только республики.

Как и программа по Дальнему Востоку и Забайкалью, программа «Юг России» неоднократно обновлялась и продолжает действовать в настоящее время.

Наличие двух действующих на протяжении многих лет ФЦП для двух макрорегионов – Дальнего Востока и Забайкалья и республик юга Европейской части России – вполне объяснимо. Эти два макрорегиона являются самыми проблемными в России, и федеральные власти регулярно предпринимают попытки подъема их экономики и социальной сферы, причем разными способами, включая принятие особых управленческих решений. Одно из них мы уже называли – это придание особого статуса полномочному представителю Президента РФ в СКФО. Но это не единственная попытка создать особый институт, занимающийся проблемами социально-экономического развития макрорегиона.

Сначала такая попытка была предпринята в отношении Дальнего Востока: был подписан Указ Президента РФ от 27 января 2007 года № 87 «О Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области». Фактически эта комиссия курируется федеральным правительством, возглавляет ее первый вице-премьер. Считается, что благодаря работе этой комиссии был принят целый ряд важных решений, позволивший заметно улучшить ситуацию в восточной части страны (в частности, было введено субсидирование авиаперевозок на Дальний Восток, при участии Внешэкономбанка был запущен ряд инвестиционных проектов). Положительный опыт «дальневосточной» комиссии было решено распространить на Северный Кавказ – 8 декабря 2010 года было подписано Постановление Правительства РФ № 1003 «О Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа».

¹⁴ Примеры такого рода из зарубежного опыта рассмотрены в: Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480 «Об утверждении федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы» с многочисленными последующими изменениями и дополнениями. В настоящее время Постановление называется «Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года».

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1998 г. № 1510 «О федеральной целевой программе «Сибирь» (основные направления экономического и социального развития Сибири на период до 2005 года)».

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 8 августа 2001 г. № 581 «О федеральной целевой программе «Юг России».

Конечно, ФЦП и особыми организационными решениями федеральная поддержка Дальнего Востока и Северного Кавказа не ограничивается. Можно привести еще целый ряд примеров, иллюстрирующих масштабную федеральную финансовую поддержку рассматриваемых макрорегионов, но детальное их рассмотрение – это скорее предмет исследований в рамках федеральной региональной политики, а не макрорегионов.

Макрорегионы как единицы статистического учета. Рассматривая макрорегионы, нельзя не сказать об их использовании в качестве единиц статистического учета.

Эта функция макрорегионов обусловлена тем, что формировать представление об особенностях социально-экономического развития страны гораздо проще в разрезе примерно десятка макрорегионов, а не более чем 80 субъектов Федерации. Да и группировать регионы удобнее по географическому принципу, а не по алфавиту.

С распадом Советского Союза российское статистическое ведомство (сначала Госкомстат, в настоящее время Росстат) продолжило публикацию статистических данных по экономическим районам. Такие данные приводились и во многих официальных аналитических материалах, в том числе разного рода мониторингах федеральных министерств и ведомств. При этом об экономической сущности районов, увы, никто особо не задумывался (прежде всего не вникали в вопрос о том, сохранились ли реальные экономические районы в своих старых границах или нет).

Исчезли экономические районы из российской статистики и официальной аналитики с появлением в стране в 2000 году федеральных округов. В статистических сборниках Госкомстата/Росстата последние статистические данные в разрезе экономических районов датируются 1999 годом, данные за 2000 год были опубликованы уже в разрезе федеральных округов¹⁸. Причем постепенно Росстат рассчитал статистические данные по федеральным округам и за 1990-е годы, были проведены дополнительные расчеты и по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам.

Макрорегионы как группы взаимодействующих субъектов Федерации. Макрорегионы, точнее, формируемые на их основе организационные структуры, могут решать еще одну важную задачу, – быть площадкой для взаимодействий субъектов Федерации. Такое взаимодействие нужно по меньшей мере для обмена опытом между региональными органами власти, выработки представителями регионов общей позиции по тем или иным вопросам (в том числе связанным с взаимоотношениями региональных и федеральных властей), согласования региональных планов социально-экономического развития (особенно в отношении строительства инфраструктурных объектов).

Выполнения такой функции – организации взаимодействия субъектов Федерации – ожидали от полпредств Президента РФ в федеральных округах. Отчасти они эту функцию выполняют. На уровне федерального округа проводится немало встреч, совещаний и т.п. Вместе с тем изначально на решение задачи взаимодействия региональных властей были ориентированы Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации (далее – ассоциации), которые появились в 1990–1992 годах, т.е. задолго до федеральных округов.

Межрегиональные ассоциации являются весьма интересным примером экономического районирования «снизу», поскольку объединение субъектов Федерации в ассоциации происходило в основном по инициативе региональных органов власти.

Первый нормативно-правовой акт по ассоциациям был подписан еще в рамках СССР – это Указ Президента РСФСР от 11 ноября 1991 г. № 194 «Об обеспечении условий по повышению роли и взаимодействию республик в составе РСФСР, автономных образований, краев и областей в осуществлении радикальной экономической реформы». Указом было установлено, что ассоциации являются добровольными объединениями регионов в производственном, экономическом, научно-техническом и социальном развитии в рамках совместно принятых программ. Учредителями ассоциации могли быть региональные органы власти.

¹⁸ См., например, сборник «Регионы России» 2000 и 2001 годов выпуска.

В настоящее время деятельность ассоциаций осуществляется в соответствии с федеральным законом от 17 декабря 1999 года № 211-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации». По закону, ассоциация – это некоммерческая организация, учредителями которой являются органы государственной власти субъектов РФ и которая создается на добровольной основе в целях межрегиональной интеграции и социально-экономического развития субъектов РФ.

Среди основных целей и задач ассоциаций названы такие, как обеспечение необходимых условий для эффективного взаимодействия субъектов РФ в вопросах социально-экономического развития на основе объединения материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов; взаимодействия субъектов РФ по организационному, экономическому, научно-техническому и социальному развитию регионов; содействие заключению взаимовыгодных экономических соглашений между субъектами РФ; участие в установленном порядке в разработке и реализации совместных программ и проектов, в том числе федерального значения; оптимальное размещение производительных сил. Перечень целей и задач ассоциаций весьма обширен, но он отражает весь тот широкий спектр вопросов, по которым ведется работа в ассоциациях. Публичные годовые отчеты ассоциаций представляют собой многостраничные тексты с перечислением проведенных совместных мероприятий и обширными списками обсужденных вопросов. Определенная позитивная роль ассоциаций в социально-экономическом развитии регионов очевидна. Это и обмен опытом между субъектами Федерации, и совместное обсуждение различных стратегий и программ, и представление интересов регионов на федеральном уровне¹⁹.

Современный состав ассоциаций представлен в таблице 2. Сетка ассоциаций, по сравнению с сетками экономических районов и федеральных округов, имеет свою специфику (помимо того, что формировалась по инициативе региональных властей). Во-первых, сетка ассоциаций не утверждена

ни одним нормативно-правовым актом (не считая упомянутого выше «Общероссийского классификатора экономических регионов»). Во-вторых, субъекты Федерации могут входить в несколько ассоциаций (на практике – в две). При этом каждый регион входит по крайней мере в одну ассоциацию (т.е. не задействованных в процессе межрегионального взаимодействия субъектов Федерации нет).

Состав ассоциаций с начала 1990-х годов претерпевал неоднократные изменения, власти отдельных регионов принимали решения о входе в ту или иную ассоциацию или выходе из нее. Но самым значимым изменением стало объединение в 2001 году двух ассоциаций – «Черноземье» и «Центральная Россия» – в одну «Центрально-Черноземную» ассоциацию, в результате чего число ассоциаций сократилось с восьми до семи. Как говорится на сайте объединенной ассоциации, решение было принято «в целях выработки согласованной социально-экономической и научно-технической политики в Центральном федеральном округе и в соответствии с рекомендацией аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЦФО». Подобная ситуация является примером того, что сетка федеральных округов так или иначе учитывается не только непосредственно в деятельности федеральных структур. На самом деле и частные решения регионов по смене ассоциаций также зачастую были связаны с сеткой федеральных округов, однако в конечном итоге составы ассоциаций и округов не совпадают. А вхождение регионов в состав двух ассоциаций, – это, как правило, следствие известных и наиболее обсуждаемых (в том числе выше) спорных случаев нарезки границ макрорегионов.

* * *

Таким образом, как было показано выше, макрорегионы заняли довольно прочное место в социально-экономической и политической жизни России. К настоящему времени появился целый ряд сеток макрорегионов, использующихся в самых разных целях. Пожалуй, важнейшими функциями макрорегионов являются функции, связанные с

¹⁹ Подробнее вопросы развития ассоциаций рассмотрены в работах: Климанов В.В. Региональное развитие и экономическая самостоятельность субъектов Российской Федерации. – М.: Эдиториал УРСС, 2000; Климанов В.В. Региональные системы и региональное развитие в России. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.

*Состав межрегиональных ассоциаций
экономического взаимодействия субъектов РФ*

Ассоциация, год создания, Интернет-адрес	Субъекты РФ в составе ассоциации
«Северо-Запад», 1991 г., http://www.n-west.ru	Республики Карелия, Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО (11 субъектов РФ)
«Центрально-Черноземная», 2001 г. – объединение ассоциаций «Черноземье» (1991 г.) и «Центральная Россия», http://www.chernozem.ru	Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская области, г. Москва (18 субъектов РФ)
«Северный Кавказ», 1992 г., http://www.askregion.ru	Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская Республики, Краснодарский, Ставропольский края, Волгоградская, Ростовская области (12 субъектов РФ)
«Большая Волга», 1991 г., http://www.bigvolga.org	Республики Марий Эл, Мордовия, Чувашская, Удмуртская Республики, Пермский край, Астраханская, Волгоградская, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Ульяновская области (15 субъектов РФ)
«Большой Урал», 1991 г., http://bigural.ru	Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Пермский край, Курганская, Оренбургская, Свердловская, Челябинская, Тюменская области, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО (10 субъектов РФ)
«Сибирское соглашение», 1990 г., http://www.sibacc.ru	Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский, Забайкальский, Красноярский края, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Тюменская области, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО (15 субъектов РФ)
«Дальний Восток и Забайкалье», 1990 г., http://www.assoc.fareast.ru	Республики Бурятия, Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Чукотский АО, Еврейская АО (11 субъектов РФ)

Примечания:

- 1) курсивом выделены регионы, входящие в состав нескольких ассоциаций;
- 2) под «центром» ассоциации имеется в виду место расположения исполнительных органов ассоциации;
- 3) таблица составлена по данным Интернет-сайтов ассоциаций.

оптимизацией управления и территориальным стратегическим планированием. К сожалению, в части последнего пока возникает немало вопросов и проблем. Так, не существует экономического обоснования выделяемых макрорегионов, неочевидна реальная значимость стратегий социально-экономиче-

ского развития федеральных округов (макрорегионов) в общей системе стратегического планирования, не отработаны механизмы отбора проектов для федеральной поддержки. Все эти проблемы, как представляется, необходимо решить в ближайшее время в рамках федеральной региональной политики.

Ю.Н. Голубчиков, В.С. Тикунов (Москва)

ГУМАНИТАРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРАДИЕНТОВ И КОНСТАНТ¹

Golubchikov Yu.N., Tikunov V.S.

HUMANITARIAN AND GEOGRAPHICAL CONSEQUENCES OF DESTABILIZATION OF DEMOGRAPHIC GRADIENTS AND CONSTANTS

Аннотация. В статье рассмотрены возможные геополитические последствия обострения демографической ситуации в современном мире.

Abstract. The article highlights potential geopolitical consequences of the worsening of the demographic situation in the modern world

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографический взрыв, демографические градиенты, демографические причины межгосударственных конфликтов

Key words: demographic situation, population explosion, demographic gradients, demographic causes of interstate conflicts

Новые витки демографического взрыва. Демографические факторы чаще, чем это представляется исторической и военно-политической наукам, как и самим политикам, играют свою роль в возникновении войн. Они же в определенной степени позволяют намечать места их возникновения и, тем самым, возможно способствовать их предотвращению.

Внутри одной цивилизационно-культурной общности связи между населением могут в первом приближении описываться простейшей гравитационной моделью, когда они прямо пропорциональны численности жителей в населенных пунктах и обратно пропорциональны расстоянию между ними [Тикунов, 1997]. Их портреты отражают карты потенциала поля расселения. Такая карта для большей части Азии, созданная по методике, позволяющей включать в расчеты обширные территории, вплоть до глобального уровня [Тикунов, 2009], приведена на рис. 1, которая практически не требует комментариев. При этом заметим, что внутри различных общностей потенциалы полей расселения косвенно могут говорить о возможной конфликтогенности и намечать наиболее выраженные градиенты разломов между очерченными Сэмюэлем Хантингтоном [2003] потенциальными цивилизациями.

На исходе XIX века многие полагали, что стоят у истоков глобального “космополитического” общества без войн. И оснований для таких суждений было тогда побольше, чем у

нас. Можно было, например, объездить весь мир, имея в качестве единственного удостоверения личности свою визитную карточку. Визы были изобретены только после Первой мировой войны, до этого их просто не существовало. Бумажные деньги всех европейских стран можно было до первой мировой войны практически свободно менять на золотые по устойчивому курсу [Шупер, 2009, с. 115].

И вдруг, – самый смертоносный (на тот момент) конфликт за всю историю человечества унес 8,5 млн. жизней. Еще 20 млн. человек умерло от ран и болезней. Вторая мировая война погубила уже 60 млн. людей, половина из которых были гражданами нашей страны. Один только 1942 год, как ни один другой в истории человечества, был омыт кровью миллионов убитых. Но Второй мировой войной дело не завершилось. После ее окончания во имя добра и мира в 250 региональных конфликтах было убито еще не менее 35 миллионов человек.

По подсчетам академика А.П. Назаретяна [2004], во всех войнах XX века погибло от 110 до 140 млн. человек. Это были чудовищные жертвы. Но все они составили менее 1,5% живших за этот век на планете людей (10,5 млрд. в трех поколениях). Гораздо важнее для судеб современного мира оказалось то, что главное число жертв в войнах XX века выпало на долю энергичных молодых людей. Наибольшее число погибших за XX век пришлось на Россию.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 11-05-92004-ННС_a) и (проект 12-06-00310-a).

Демографический мир как будто не заметил этих войн. К 1930 году, всего за 100 лет, планету заселил второй миллиард. Третий миллиард населения земного шара грянул всего за 30 лет – к 1960 году. Прошедшее Вторую Мировую войну поколение породило самое многочисленное потомство. Правительства европейских стран приветствовали здоровые многодетные семьи. На их стороне стояли моральные правила общества. Несмотря на противостояние в «холодной войне», люди стран Европы, США и СССР обладали значительной энергией, ценили семейную жизнь и строили величайшие цивилизации в истории человечества.

Благодаря прогрессу медицины и гигиены в борьбе с болезнями и агротехнологий в борьбе с голодом в 1960-х годах были достигнуты наивысшие относительные значения годового роста населения Земли. В 1975 году число людей достигло уже 4 миллиардов. 11 июня 1987 г. ООН отметила как дату рождения 5-миллиардного жителя Земли. Представитель шестого миллиарда вышел на планету в ноябре 1999 года. В 2005 году население Земли достигло 6,5 миллиарда человек. 31 октября 2011 г. население Земли достигло 7 миллиарда человек.

Прирост населения Земли снизился до 1,3% в год за 1995–2000 гг. Зазвучали прогнозы о стабилизации роста населения. Впрочем, они никогда не смолкали и слышны сегодня еще громче. Но абсолютные масштабы годового прироста населения не снизились, они даже возросли. В 1970-е годы население земного шара ежегодно увеличивалось в среднем на 68 млн. чел., а сейчас растет на 90 млн. чел в год, на население целой Японии.

Если общее количество жителей Земли будет по-прежнему удваиваться, как сейчас, каждые 33 года, то к 2050 году оно достигнет 15 миллиардов. А если это удвоение продлится хотя бы пару веков, то вся земная поверхность заполнится людьми, живущими с плотностью населения сегодняшней Москвы или Будапешта. А через шесть столетий на каждого жителя планеты останется лишь 1 кв. м земли.

Нельзя не задуматься над расчетами: «Если бы, начиная с пары, жившей за 10 тыс. лет до н.э., человеческий род ежегодно увеличивался на 1%, то к настоящему времени из человеческих тел образовался бы шар диаметром в несколько световых лет, а поверхность его увеличивалась бы со скоростью, в

несколько раз превышающей скорость света» [Дювиньо, Танг, 1973, с. 136].

Зловещий смысл таит в себе приближающаяся к вертикали кривая роста численности населения земного шара. Не во взрыве атомной бомбы, а в демографическом взрыве лежит величайшая опасность, заявляют многие социологи и демографы.

Правительства некоторых стран пытались проводить политику государственного ограничения рождаемости. Успешной она оказалась только в Китае, где в городских семьях было запрещено заводить больше одного ребенка. Но даже в этой дисциплинированной стране, при самой жесткой в мире политике регулирования семьи, число китайцев ежегодно возрастает на 13–14 млн. человек. В остальных странах попытки ограничить рождаемость оказались гораздо менее успешными, а в странах ислама были заведомо обречены на неудачу.

Для простого воспроизводства населения необходим уровень рождаемости не менее 2,1 ребенка в среднем на одну женщину за всю жизнь, или 210 детей на 100 женщин. При таком приросте население будет сохранять свою численность, не расти, но и не убывать. В странах Африки сегодня на одну женщину приходится в среднем 6,2 ребенка, Латинской Америки (4,5 ребенка) и Азии (4,2 ребенка).

Прослеживаются следующие события, способные создать предпосылки новому витку демографического взрыва. Причем, развитие их идет практически независимо от любых принимаемых сегодня решений:

1. Политика планирования семьи в Китае путем ограничения рождаемости не была выбором китайского народа. Это был выбор власти. В сценарии демократизации Китая неизбежно последует вопрос прав человека и как самое фундаментальное из них «право на жизнь, деторождение и многодетную семью». Численность китайцев начнет ежегодно возрастать не на 13–14, а на 20–30 миллионов. Уже сегодня разбогатевшие китайские крестьяне готовы платить любые штрафы, чтобы иметь в семье много детей.

2. Появившиеся возможности выбирать по собственному вкусу пол своего ребенка еще до его рождения нарушают одно из главных статистических равновесий в истории человечества. При этом предпочитают заводить мальчиков. Предположительно между 2015 и 2030 годом мужчин в Китае будет

на 25 млн. больше, чем женщин. Что делать этим одиночкам в стране, где конфуцианская традиция придает особое значение появлению наследника мужского пола?! Историческая наука предпочитает не знать о сексологической природе глубоких изменений исторического процесса.

3. Лавинообразно растет численность населения государств у южных границ России. В Средней Азии и Азербайджане его удвоение происходит сегодня каждые 23-25 лет. А завтра? Если оно будет удваиваться, как сегодня, то к 2050 году исламские страны бывшего СССР по числу населения вдвое превысят Россию. Но методы простой экстраполяции для создания картины будущего сами по себе малопригодны. Сегодня рост исламского мира на постсоветском пространстве сдерживает европеизированное мышление, проявившееся в преодолении многовековой традиции многоженства. Завтра возможен повсеместный возврат к этой традиции. Он уже идет, даже в Казахстане, и может ускорить темпы прироста населения бывших среднеазиатских советских республик как минимум еще в два раза.

А свободных земель пригодных для земледелия в бывших республиках Средней Азии не то, что нет, нет даже воды для орошения. С трепетом ждет Ферганская долина повторения ошских событий, когда из-за орошаемых земельных наделов народ шел на народ. Эти кровавые трагедии будут выбрасывать все новые потоки беженцев.

4. Небывалый прирост сельскохозяйственной продукции могут дать современные технологии опреснения соленой морской воды. Главная часть областей земного шара, где их внедрение наиболее эффективно, лежит в областях приморских жарких пустынь. Уже сейчас богатые нефтедобывающие страны Арабского Востока применяют опреснение морской воды. Пока эти технологии дороги, но они непрерывно совершенствуются и дешевеют. Завтра с ними связывают не только введение в хозяйственный оборот новых массивов сельскохозяйственных земель, но и получение дешевой энергии из океанического водорода. Предполагается, что такие технологии окажутся способными прокормить удваивающееся уже чуть ли не каждые пять лет население стран жарких пустынь. Не приведет ли это к новому витку демографического взрыва в этих странах?

На всех всего не хватит. Томас Мальтус еще в конце XVIII века задумался над ограниченностью ресурсов планеты. Он утверждал, что все живые существа существуют при «постоянном стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящейся в их распоряжении количеством пищи» [Мальтус, 1993, с. 9]. Но в животном и растительном мирах недостаток места и пищи уничтожает все наплодившееся сверх всякой меры, указанной для каждой породы. Человечество же может успешно преодолевать на какое-то время недостаток продовольствия и пространства, может размножаться круглый год. Именно поэтому нас в сотни тысяч раз и больше, чем соизмеримых с нами животных. Но все эти преодоления не бесконечны.

Анализируя рост населения в британских колониях в Северной Америке, а потом в США, с момента появления там первых поселенцев, Мальтус пришел к выводу, что когда нет препятствий для размножения людей, их численность удваивается каждые 25 лет. Удваивается и активность человеческих масс. Такой темп роста может продолжаться вплоть до полного заселения всех имеющихся в наличии земель. При дальнейшем росте на одного работника будет приходиться все меньше обрабатываемой земельной площади. При прочих неизменных условиях, это приведет к падению объема производимой продукции на одного человека. А эти условия еще и меняются, причем в худшую сторону, прежде всего из-за падающего плодородия почв.

Томас Мальтус первым обратил внимание на то, что все более стремительный рост является основной характеристикой человечества, взятого в целом. Растет его численность, производство продуктов питания, промышленное производство, потребление ресурсов и загрязнение окружающей среды. Более того, все это находится в состоянии все более стремительного роста. Рост этот идет экспоненциально, то есть приращение роста пропорционально уже имеющейся его величине.

Согласно Мальтусу, основные причины бедности и страданий, мало или вовсе не зависят от образа правления или неравномерного распределения имущества. Их причина в том, что бедняки заводят детей, хотя и не способны их прокормить. Если люди добровольно не ограничат рождаемость, то дове-

денные страданиями до отчаяния народные массы поднимутся на революцию. Но революция не может привести к улучшению положения. Свергнув одну тиранию, она утверждает другую. А господствующие классы, напуганные угрозой народного мятежа, стремятся к установлению деспотического способа правления. Таким образом, борьба народа против существующего порядка может привести только к ухудшению его положения [Мальтус, 1993].

Если люди не захотят добровольно ограничить рождаемость, то, в конечном итоге, сама природа поставит им ограничения рождаемости в виде войн, голода, болезней, усиленной смертности – целого ряда страданий. Сама действительность одно время опровергала мрачные прогнозы Мальтуса. При его жизни бедные слои Англии ждала участь голода, а английское общество – революция. Но этого не произошло. В XIX веке и начале XX бедное население из Европы с огромным размахом стало переселяться на свободные земли Америки, Австралии, Сибири, Туркестана. Эти огромные земледельческие переселения позволили переуплотненному населению Европы избежать предсказаний Т.Мальтуса. Сейчас пошел обратный процесс. Население Африки перемещается в Европу, а с центральноазиатских и кавказских пространств – на просторы России.

На протяжении последних 20 лет темпы развития стран третьего мира существенно замедлялись. Они не развиваются, а попросту изменяются. Весь доступный фонд пахотнопригодных земель человечество фактически уже использовало.

Жизненное пространство Центральной Азии сужено огромными площадями пустынь и высокогорий. При средней плотности населения в 10–30 чел. на км², одни районы Центральной Азии почти или совершенно лишены постоянного населения, тогда как в иных оазисах и межгорных котловинах плотность населения превышает 300 и даже 400 чел. на 1 км². Если плотность населения рассчитывать не на всю бесплодную площадь пустынь и гор, а только на сельскохозяйственную площадь, то в Центральной Азии она окажется, безусловно, одной из самых высоких в мире.

В Таджикистане, например, 93% площади занимают горы, сельхозгодия составля-

ют лишь около 1/3, а пашенные земли – менее 1/5 территории. В послевоенный период посевная площадь на душу населения сократилась с 0,6 га до 0,17 га, тогда как в среднем по СССР она составляла 0,79 га. Республика, большая часть жителей которой работала в сельском хозяйстве, не обеспечивала себя продовольствием [Шустов, 2011].

Сейчас продовольственная ситуация еще более усугубилась. В горах отступают ледники. Сырдарья практически не течет. Амударья еще в верховьях разбирается на орошение полей. Не стало Аральского моря. Большие урожаи все чаще перемежаются со все более частыми неурожайными годами. На фоне роста населения идет сокращение посевных площадей. Но если засуха продлится несколько лет, то вообще не станет воды для орошения. Борьба пойдет не столько за землю, сколько за воду.

Несмотря на медленные темпы центральноазиатской урбанизации, абсолютная численность населения городов быстро увеличивается. Наиболее быстрыми темпами растет Кабул. Если в 1978 году в его городской черте проживало около 650 тысяч человек, то по оценкам 2011 г. численность населения города выросла примерно до 6 млн. человек. Рост населения городов тоже неизбежно влечет за собой возрастающий спрос на продукты сельскохозяйственного производства.

Но даже безотносительно предсказываемого потепления климата, дальнейший рост населения в Центральной и Южной Азии повышает экспортные возможности зерновых районов Сибири. У Сибири открываются возможности вернуться на мировой рынок сельского хозяйства в качестве главного экспортера продуктов. На этот раз не в Европу, а на Юг, к подверженным опустыниванию странам Центральной и Южной Азии, где все более будут расти потребности в быстрой доставке сельскохозяйственных грузов, и не только зерна, но и всех скоропортящихся, (говядина, баранина, мясо птицы, молоко). Зерно России постепенно перемещается в нишу стратегических товаров.

Соответственно, в инфраструктурном развитии Сибири все большее значение приобретают трассы меридиональной направленности, в частности, развитие Турксиба, пролонгированного к Персидскому заливу. Сегодня Индийский океан существенно

приблизился к Сибири. В биполярном мире древнейшие дороги и торговые пути к нему были перекрыты государственной границей по Аму-Дарье.

Благодаря достижениям американского и европейского сельскохозяйственного производства люди сегодня, включая и тех, кто живет в странах третьего мира, питаются лучше, чем когда бы то ни было. Американский фермер выращивает не менее 80 т зерновых в год, тогда как африканский крестьянин в среднем не более 600 кг. Почти всю свою продукцию американский фермер отдает на рынок и, тем самым, кормит до ста человек. А африканский крестьянин всю свою продукцию потребляет сам и продуктов ему еще и не хватает. Если США, Канада и страны Европы исчезнут с лица Земли, то остальное человечество тут же наполовину сократится от голода [Кеннеди, 1997].

Остаются надежды на новейшие агротехнологии. И опять-таки, не везде их внедрение будет возможно, не повсюду будет эффект. Да и не вырисовывается сегодня появления каких-то новых, революционирующих сельское хозяйство, технологий. Все достижения генной инженерии и биотехнологий требуют для своего внедрения десятилетий и способны давать эффект хотя бы при стабильной, а не удваивающейся каждые 33 года численности населения.

Один из наиболее цитируемых специалистов в области природно-ресурсных конфликтов Томас Гомер-Диксон [Homer-Dixon, 1999] из университета Торонто (Канада) отмечает, что оскудение природы пока еще не является главным фактором современных военных конфликтов, но в будущем станет более важной причиной грядущих войн. Ведь все более растущее население потребляет и все больше природных ресурсов и не только в абсолютном, но и в среднестатистическом исчислении. Так, четырехкратно возросшее с начала XX века человечество потребляет теперь на душу населения гораздо больше материалов и энергии, продуцируя одновременно в еще больших количествах всевозможные отходы, истощая воды, земли и леса. В начале XIX в. на нашей планете проживало меньше миллиарда людей. На них приходилось чуть менее 1 млн. куб. км пресной воды, имевшейся тогда на планете. Сегодня тот же объем воды приходится уже на 6 млрд. чел. Технологии очистки воды требуют огромного

количества дополнительной энергии, производство которой вызовет полное экологическое разрушение и загрязнение планеты. Вся Земля катастрофически быстро превращается в непригодную для проживания.

А получится ли стать всем бедными? Скажем, ограничить потребности индивидуального потребления, прежде всего, невозобновимых источников энергии. Тоже не получится. Если отказаться от потребления хотя бы одних невозобновимых источников энергии, население Земли должно будет сократиться в десять раз за ближайшие столетия. Однако заставить всех ограничиться возобновимыми ресурсами и одним ребенком на семью нельзя без очень жестких мер. Иными словами, «пределы роста» означают вовсе не мирный переход к «нулевому росту» (как полагают некоторые исследователи), а кровавую диктатуру наподобие диктатуры Пол Пота – приходит к выводу Ю.В. Чайковский [1992].

Дестабилизация демографических констант. Мальтус не мог предвидеть, что при добровольном ограничении рождаемости, люди начнут выбирать пол своего единственного ребенка еще до его рождения. Причем начнут предпочитать мальчиков. А этим они нарушают тайные и явные равновесия, во власти которых пребывает человеческий род.

Известно, что перед войной, во время и после войн количество рождающихся мальчиков повышается. В Первую мировую войну демографическая статистика подтвердила «эти бабушкины сказки» о том, что «мальчики – это к войне». В воюющих странах количество новорожденных мужского пола увеличилось тогда примерно на 1–2,5%. В Германии в 1910 г. на 100 девочек рождалось 105 мальчиков, а в 1919 г. – 108 мальчиков [Новосельский, 1958, с. 191]. В Москве в 1911 по 1914 год соотношение родившихся мальчиков и девочек составляло 104,7 к 100, в 1917–1919 годах – 106,9 к 100, а в 1922–1924 годах – 107,4. В Петрограде в 1920–1922 годах соотношение родившихся мальчиков и девочек составляло 108, 2 к 100. В России на 100 девочек родилось в 1926 году 106, 6 мальчиков [Новосельский, 1958, с. 192].

За последние два десятилетия на значительных азиатских территориях стали вновь проявляться предвестники грозных военных событий в виде беспрецедентных изменений в соотношении полов при рож-

дени. Причем такая тенденция остается устойчивой или даже усиливается. В Китае при переписях населения 1953 и 1964 годов отмечалось обычное соотношение родившихся: 104–105 мальчиков на 100 девочек для детей в возрасте до 1 года). Однако уже в переписи 1982 года было зафиксировано 108 мальчиков на каждые 100 девочек, как в Германии в 1918 года. Решили, что это временное отклонение. Но к 1990 году соотношение мальчиков при рождении к девочкам составило уже 112 к 100. Объясняли это методами планирования китайской семьи, где с 1979 года установлены ограничения на рождение второго ребенка. В результате, некоторые китайские семьи предпочитают сохранить прежде всего мальчика.

В 1995 году соотношение родившихся мальчиков к девочкам составило в Китае уже 116 к 100, а по данным ноябрьской переписи 2000 года, оно увеличилось до 118 к 100. Соотношение же полов для детей в возрасте от 1 до 4 лет оказалось еще больше, чем при рождении: более 120 мальчиков на 100 девочек. Согласно итогам переписи, только в 7 провинциях и автономных районах Китая (Тибете и Синьцзяне), где проживает 10 процентов населения страны зарегистрированное соотношение численности полов было ниже 110. На оставшейся территории Китая, где проживает 90 процентов населения, соотношение численности полов превышало этот показатель. В приморских провинциях Хубэй, Гуандун и Аньхой соотношение мальчиков и девочек среди детей составило почти 130 к 100, а в Хайнани, Хунани и Цзянси превысило 130 к 100 [Эберштадт, 2004].

Никогда прежде мир не видел подобной нехватки невест, которая скажется в ближайшие десятилетия. Не вызовет ли такой «избыток» мужчин «нехватку мира», когда Китай станет существенно воинственнее? [Hudson, Boer, 2002]

Можно задаться вопросом – где будет реализован потенциал молодых китайских мужчин, не имеющих перспективы спокойной семейной жизни? Ответ может быть найден в Индии. Оказалось, отношение числа родившихся мальчиков и девочек там составляло в 1991 году 106 к 100, а в 2001 году было уже 108 к 100. Причем рекорд держат, прилегающие к Китаю богатые северные регионы страны. В Уттар-Прадеше, наиболее

густонаселенном индийском штате, такое соотношение превысило 110, в Дели – 115, а в Пенджабе было равно 126 [Arnold, Kishor, Roy, 2002]. Не предрекает ли все это схватку за «крышу мира» Тибета и Гималаев? Нечто подобное происходит с начала 80-х годов и в буддистской Южной Корее.

Не за горами видно и то время, когда родители начнут выбирать физические характеристики своих детей. Поначалу, разумеется, чтобы избежать наследственных заболеваний или физических изъянов. Затем можно ожидать существенного превышения в структуре населения мужественных и крепких парней. Недолго останется ждать и тех, кто поведет их за собой на победный бой.

Если этот взаимоистребительный сценарий состоится, то Индия и Китай выйдут из него существенно истощенными. После подобной схватки немецкого и русского народов во Второй мировой войне наиболее могущественными оказались Соединенные Штаты Америки. А кто выиграет в следующем возможном противоборстве?

Самый огромный в мире демографический градиент. Человечество очень неравномерно распределено по земному пространству. В наиболее густонаселенных приморских районах мира, занимающих примерно 7% земной суши, сконцентрировано свыше 70% человечества. Другой полюс – континентальная часть Российского Севера, также занимающего 7% земной суши. Но проживает на нем меньше 0,1% населения земного шара.

В России, как и на всей планете вообще, население также распределено крайне неравномерно. Если на карте провести линию Архангельск-Хабаровск, то она разделит страну на две примерно равные по площади части. При этом на правой – северо-восточной и большей по площади части – окажется 4 млн. человек. Это приблизительно 2,8% населения России, а 97% ее населения (139 млн. чел.) проживает юго-восточнее, на левой, меньшей, половине карты.

За годы российских реформ около 5 млн. человек переместилось из малонаселенных восточных районов страны в западные. По темпам опустошения лидирует Чукотский автономный округ. Его население в 1989 году составляло 164 тыс. человек, по переписи 2010 г. жителей там оставалось всего

Средние демографические показатели
Китая и Восточной России

Показатель	Дальний Восток и Восточная Сибирь	Китай
Площадь территории (млн кв. км)	10,3	9,6
Численность населения (млн чел.)	18	1300
Плотность населения (чел./кв. км)	1,7	134,1

Источники: Госкомстат РФ и CIA World Fact Book, 2005.

50,5 тыс. Столь стремительного оттока населения без натиска врага, с недавно заселенных и освоенных пространств, не знает мировая история.

Население Сибири и Дальнего Востока России сегодня сокращается. Но даже если бы оно увеличивалось, это ничего бы не меняло. Потому что его просто мало. На всем российском Дальнем Востоке в 1989 г. проживало 8 млн. чел., сейчас там всего 5,7 млн. жителей – меньше населения Венгрии. Однако эта горстка людей контролирует всю северо-восточную окраину крупнейшего континента Земли, превосходящую по площади Соединенные Штаты (без Аляски).

А к югу от них, в соседнем Китае, плотно скучена четверть населения Земли – 1 миллиард 300 миллионов. Ежегодно к ним прибавляется еще 14 миллионов.

На Дальнем Востоке и Восточной Сибири в среднем встречается 1,7 человека на 1 кв. км, а в трех пограничных китайских провинциях проживает 124 человека на 1 кв. км. На одного жителя РФ приходится в среднем по 11,8 гектаров земли, а на одного китайца – 8 соток [Демографическая доктрина, 2005]. Быстрорастущее население трех провинций Северо-Восточного Китая приблизилось к 100 млн. чел. В самой северо-восточной провинции Хэйлунцзян с центром в двухмиллионном Харбине проживает 33 миллиона. А всего сто лет назад Хэйлунцзян назывался Манчжурией и была она такой же таежной и редкочаселенной, как сегодня Сибирь. В южнее расположенной провинции Гири, граничащей с Владивостоком, плотность населения составляет 360 чел./кв.км (как Московская область вместе с Москвой) – в 250 раз выше, чем на Российском Дальнем Востоке.

Между Китаем и Россией образовался самый огромный в мире демографический градиент (табл. 1). Остановятся ли китайцы перед его преодолением?

Видимый уже невооруженным глазом прирост численности китайцев на территории России противоречит данным всероссийской переписи 2002 г., согласно которым во всей России их оказалось всего 35 тыс. – примерно столько же, сколько эвенков или болгар. А перепись 2010 года засекретила этнический состав России до 2012 года, то есть до выборов президента.

Эта секретность вероятно связана с масштабными темпами вымирания русского народа.

Свою Монголию, Тибет, Синьцзян китайцы массировано заселять не станут. Демографическая емкость этих территорий невелика. Больше всего они пригодны именно для отгонно-пастбищного скотоводства и, где возможно, уже заселены тюркско-исламскими и буддистскими народами.

К тому же в годы культурной революции миллионы гектаров пастбищ в степях Северо-Запада и Внутренней Монголии были распаханы. Теперь на этих опустыненных лёссах гуляет водная и ветровая эрозия. Как следствие, опускается уровень грунтовых вод, мелеют реки, воды которых интенсивно также расходуются на орошение. Начала регулярно пересыхать полноводная когда-то Хуанхэ, смывавшая своими разливами живущее по ее берегам население (в наводнение 1887 г. погибло 900 000 человек – рекорд в письменной истории человечества). В 1997 году она пересыхала 7 раз и не наполнялась водой в течение 226 дней. Из-за того, что Китай занимает первое место в мире по выбросам в водную среду органических соединений, вода в большинстве рек страны непригодна для питья [Доклад..., 2006, с. 140].

Высокими темпами растет импорт продовольствия. При этом КНР занимает первое место в мире по общему сбору зерновых и пшенице (вдвое больше, чем в США), рису, общему производству мяса (тоже вдвое больше США). Но экологические возможности Китая не беспредельны.

масштаб 1:50 000 000

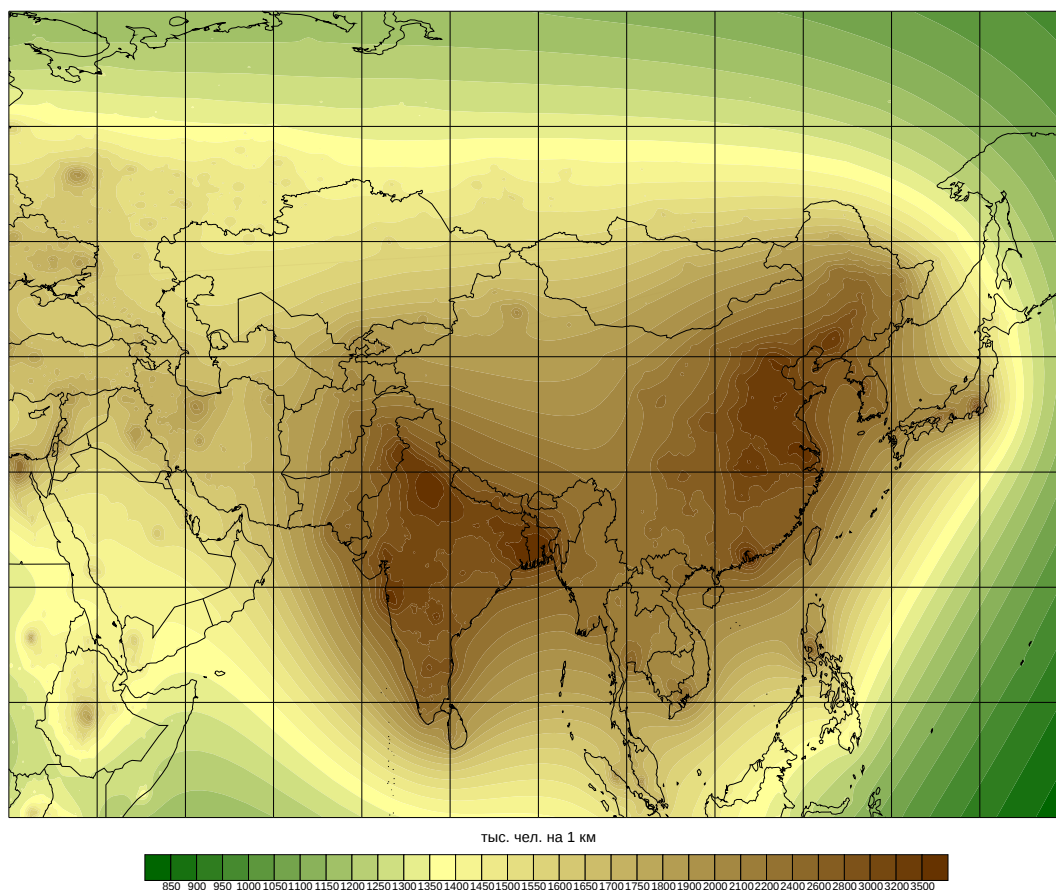

Рис. 1. Потенциал поля расселения

Чтобы справиться с проблемами голода, китайскому руководству приходится осуществлять две программы: жесточайшего контроля рождаемости (в семье нельзя заводить больше одного ребенка) и быстрого экономического роста. Но, очевидно, что экологические проблемы, вызванные быстрым экономическим ростом, будут все более угрожать самому экономическому росту Китая. От того, как Китай выйдет из этого порочного круга, зависит будущее мира [Brown, 1995].

Не будут заселять китайцы ни Якутию, ни Чукотку, ни Север Сибири. Для земледельческого населения особенно притягательны рубежи лесной и степной зон. Так было всегда и нет оснований ожидать, что так уже не будет. Для китайцев в России наиболее пригодные для обжития и земледельческого освоения места лежат в Приморье, Приамурье и Забайкалье. Еще недавно Китай откры-

венно претендовал на последний пригодный для земледельческого освоения крупный резерват из последних пригодных для земледельческого освоения, сконцентрированный вдоль Транссиба.

До 1858–1860 гг. весь юг российского Дальнего Востока принадлежал или платил дань Китаю. Он помнит о бывшей принадлежности ему этих территорий. Китай указывает на старинные карты, из которых видно, что в конце XVIII века Китайская империя простиралась по значительной территории сегодняшнего Казахстана, охватывая всю Монголию и весь российский юг Дальнего Востока вплоть до устья Амура. Название Байкала, по некоторым версиям, переводится с китайского как «Бэй Хай» – «Северное Море» (по другой версии в основе тюркское «Бай-Кель» – «богатое озеро»). Из Китая проник на его берега буддизм. Приморье вплоть до 1860 года служило морским берегом Мань-

чжурии. На реке Суй-Фун вырос тогда русский город Уссурийск.

Еще совсем недавно Китай открыто претендовал на многие из сибирских и дальневосточных территорий. И, как видно, не без своих внутренних на то оснований. Китайцы думают, что когда-нибудь они потребуют «возмещения убытков» и эти территории снова перейдут к ним в руки. Так думают даже русские, населяющие эти территории. И сегодня в любом китайском учебнике истории можно прочесть, что в 1860 году царская Россия аннексировала 400 тыс. кв. км. территории Китая.

Некоторые находят, что прилив в российские районы китайцев будет небольшим и очень даже желательным. Судя по всему он будет как раз очень даже большим и всеокупающим. И никто в этих районах по своим деревням, чайханам, чайна-таунам, городам и весям не разбредется. Все превратятся в китайцев. Этот народ обладает самой высокой в мире ассимилирующей способностью.

Кто только не завоевывал его из бассейна Амура – чжурчжэни, монголы, маньчжуры. Где они? Где потомки династии Юаней, пограничный столб которой стоял у устья Амгуни при впадении ее в Амур? Где русские крестьяне Барги? Белоэмигранты Харбина? Их нет. Все в большинстве, в конечном итоге, сами стали китайцами. «Все евразийские народы жили на своей родине сравнительно благополучно. Но, проникая в Китай, то как победители, то как гости, они гибли, равно и принимая китайцев к себе», писал Лев Гумилев [1995, с. 49].

Существует юридическая наука о жертвах, называемая виктимология (от англ. victim - жертва). В соответствии с ее выводами, агрессивность окружающих государств прямо пропорциональна степени обезлюдения территории страны. Необходимые правовые, исторические и моральные аргументы для агрессии находятся быстро. Дополнительных выводов из всего сказанного не требуется.

Библиографический список

1. Гумилев Л. Н. Историко-философские сочинения князя Н. Трубецкого. В кн.: Трубецкой Н.С. История, культура, язык. – М., 1995.
2. Демографическая доктрина России (под ред. Ю.В.Крупнова). – М.: Институт мирового развития, 2005. – 31 с.
3. Доклад о развитии человека 2006. Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов. Пер. с англ. – Публикации ООН. 2006 – 440 с.
4. Дювиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека. – М.: Прогресс 1973. – 270 с.
5. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век: Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 1997. – 480 с.
6. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. // Антология экономической классики. Т. 2. – М.: Эконом, 1993. – С.5–136.
7. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. Пособие для вузов. Издание второе, переработанное и дополненное. – М., 2004.
8. Новосельский С.А. Вопросы демографической и санитарной статистики (Избранные произведения) / под ред. А.М. Меркова. – М.: Медгиз. 1958.
9. Тикунов В.С. Моделирование в картографии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 405 с.
10. Тикунов А.В. Интегральные показатели пространственных моделей развития стран мира. – М., Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
11. Хантингтон С. Становление цивилизаций. – М., АСТ, 2003. – 608 с.
12. Чайковский Ю.В. Познавательные модели, плюрализм и выживание// Путь. – 1992. – № 1. – С. 62–108.
13. Шупер В.А. Геополитическое положение России: возможные направления изменений // Известия РАН. Сер. геогр. – 2009. – № 4. – С. 113–122.
14. Шустов А. В Центральной Азии крови будет больше, чем в Египте // Центральная Азия / <http://www.postsovet.ru/blog/asia/67890.html>
15. Эберштадт Н. Могущество и население в Азии // «Прогнозис» №1, Осень 2004, с. 160-184. Пер. с англ. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0199/analit01.php>
16. Arnold F., Kishor S., Roy T.K. Sex-Selective Abortions in India // Population and Development Review. 2002 December.
17. Brown L.R. Who will feed China? Waken Call for a Small Planet. New York; London, 1995.
18. Hudson V. and Boer A.D. A Surplus of Men, A Deficit of Peace: Security and Sex Ratios in Asia's Largest States // International Security 2002 Spring.
19. Homer-Dixon, T. Environment, scarcity and violence. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

ЛИТЕРАТУРНОЕ КАРТИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Firsova A.V.

LITERARY MAP MAKING (LITERARY SPACE CARTOGRAPHY)

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимодействия географии и литературы, а именно ситуации, в которых литературное произведение выступает в функции «путеводителя» или «карты» местности. Сопоставляются функции карты и текста в прагматическом и коммуникативном аспектах. Выявляется одна из прагматических функций литературы – картирование пространства. Реализация данной функции в социально-культурных практиках рассматривается на примере событий культурной жизни г.Перми.

Abstract. The article considers the issues of geography and literature convergence, namely the situations when a literary work functions as a “guide-book” or a “map” of a given area. Functions of the map and the text are compared in pragmatic and communicative aspects. Map making is recognized as one of the pragmatic functions of literary texts. The function’s actualization in sociocultural practices is examined on the example of the recent events in the cultural life of Perm, Russia.

Ключевые слова: карта, литературное место, литературная геоурбанистика.

Key-words: map, literary place, literary geo-urban studies

В практике путешествий нередки ситуации, когда известный литературный сюжет становится мотивом путешествия, а само произведение выступает в качестве путеводителя. Самые ранние примеры такого обращения с художественным текстом мы встречаем в литературе путешествий. Например, в очерках англичанина Вильгельма Кокса, посвященных социально-экономической жизни Швейцарии, вдруг появляется яркий образ окрестностей Женевского озера как места действия популярнейшего в XVIII в. романа Ж.Ж. Руссо «Юлия или Новая Элоиза»: «... Близ сего города находится Кларенс, и Мельери напротив: сию-то точно места Руссо полагает сценою своей Гелюизы: в следствие сего я взял у книгопродавца Лозаннского сей роман ... я со вниманием читал самые отборные места чудного сего произведения, и как сия картина находилась перед моими глазами, тогда я находил в своем чтении выражения бывшие мне дотоле неизвестными. Особливо я остановился, притом с великим удовольствием, на том прекрасном месте, где Сен-Пре рассказывает небольшое свое путешествие в Мельери через озеро; сие место кажется мне образцом превосходнейшим во всем со-

чинении: любовь и отчаяние доходят там до безумия. Я примечал мрачные и темные каменные горы Мельерийские, сколько только мог видеть другой берег, то уверен бы был, что если бы я был на той стороне, без сомнения узнал бы то место, куда Сен-Пре проводил свою Юлию»¹.

Иногда яркие литературные ассоциации возникают в ландшафте, еще не запечатленном в литературе. В очерке Е.А. Вердеревского «От Зауралья до Закавказья» есть глава, посвященная прогулкам по Перми. Живописуя пермские ландшафты, автор прибегает к популярной в XIX в. американской романистике: «<...> если же судьба занесет кого-нибудь из вас в Пермь, <...> то послушайте моего совета и обратите ваше внимание на следующие достопримечательности Перми: прогуляйтесь по берегу Камы или влево от городского собора <...> и полюбуйтесь, с романом Фенимора Купера в руках, этой огромной, плавной, величавой рекою и противоположным берегом ее <...> и я уверен, что эта пустынная река, этот безграничный лесной мир покажутся вам братьями тем американским рекам и тем девственным саваннам...»². Интересно, что прием аналогии североамериканских пейза-

¹ Кокс Вильгельм. Опыт нынешнего естественного гражданского и политического состояния Швейцарии или письма Вильгельма Кокса, магистра свободных наук, члена Королевской Кембриджской Академии и Капеллана Герцога Малбургского, писанные к дворянину Вильгельму Мельмонту. Английское сочинение. Перевод Василий Раевский. Москва, в Университетской типографии у В.Ожорокова, 1791 г. – 290 с. Т. 2. С.55-58.

² Вердеревский Е.А. От Зауралья до Закавказья / В Парме. Пермь, 1988. С. 57-130.

жей и пермского ландшафта производит впечатление на современных туристов во время обзорной экскурсии по Перми, цитата словно «открывает глаза», вызывает определенные культурные образы.

Тексты современных путевых очерков, туристских путеводителей содержат описания литературных мест, цитаты и ссылки на мировые литературные сюжеты. Характерен в этом смысле пример эссеистики Петра Вайля. Он называет свой метод «путешествием по миру в сопровождении великих гидов»³. «Великие гиды» Вайля – это классики мировой литературы, а их произведения – путеводители по мировым городам. Мы видим, как художественный текст реализует одну из своих главных функций – отражать и структурировать действительность.

В последнее десятилетие опубликован ряд книг, написанных в жанре литературной прогулки и, одновременно, историко-функционального литературоведческого исследования: «Москва Мандельштама. Книга-экскурсия», Л. Видгофа, «Литературная карта России» С. Богатыревой, «Скотопригоньевск и Старая Русса» Г. Смирнова, «Благословенная Таврида» Г. Кунцевской, «Москва Пастернака» А. Сергеева-Клягис, «Путешествие с Доктором Живаго» В. Абашева и др. Авторы названных работ исследуют литературную топографию города (или края) и вскрывают для нас тайны «творческой лаборатории» писателя; а также демонстрируют, каким образом, описывая детали реального места, писатель наделяет его новыми смыслами и по-новому структурирует географическое пространство. В итоге возникает некий феномен сложной природно-культурной природы – Москва Мандельштама, Урал Пастернака и т.д. Эти феномены взаимодействия текста и места становятся предметами исследовательского внимания и, что следует подчеркнуть, туристского интереса. Так в мировой туристской практике появляется квартира Шерлока Холмса на Бейкер Стрит, на мостовые Дублина наносятся маршрут блужданий Стивена Дедала, в Вероне внимание туристов приковано к «дому Джульетты». Очевидно, что в ходе поиска и посещения *литературных мест* художественное произведение помогает нам ориентироваться в пространстве, воспринимать и изучать туристский объект. Мы можем сказать, что в

данном случае литературный текст выступает *в функции карты*. Подобное явление мы предлагаем называть *феноменом литературного картирования пространства* [2], имея в виду те случаи, когда литературное произведение взаимодействует с пространством, определяет в нем литературные места и эти места обретают новое бытование в социально-культурных практиках. Настоящая статья посвящена рефлексии данного явления.

Рассматривая научную традицию изучения литературных мест, обратимся к трудам Н.П. Анциферова. В работах посвященных образу Петербурга, в статьях о методах создания литературных экскурсий, автор постепенно совершает научную рефлексию понятия *genius loci* – «душа места» [3-6]. Приступая к определению предмета литературной экскурсии в статье «Литературные экскурсии (Медный всадник)» Н.П. Анциферов начинает с цитаты: «Вдумаемся в слова В.П. Боткина друга Герцена. Вот свидетельство об его любопытном опыте: *“За несколько дней ходил я с “Notre Dame de Paris” в руке на башню собора. Признаюсь, мне хотелось найти какой-нибудь след затерявшейся драмы, и еще раз, но с каким новым живым наслаждением читал дивный роман. Сколько раз проникнутый огненными описаниями, подходил я к собору, смотрел на его угрюмую форму, vaste symphonie en pierre, взбирался на широкую его платформу: тут Квазимодо, Эсмеральда, Фролло – вся эта драма принимала размер огромны”* » [3, с. 23]. Это явление Анциферов называет «власть места над созерцающей душой». В работе «Быль и Миф Петербурга» он обозначит методику нахождения подобных мест [5, с. 5]. Художественный текст подскажет нам те монументальные объекты – памятники, архитектурные сооружения, городские локусы, которые аккумулируют вокруг себя символические смыслы. Художественный текст не только называет их, но и хранит легенду этого места, то есть выступать в функции своеобразного *картографического знака*.

Исследуя *genius loci* важно учитывать все: историю рождения и развития и мистическую ауру города, факты истории и мифологические сюжеты; нужно осмыслить характер культурного героя этого места; рассмотреть трансформацию его образа в городском фольклоре – все это поэтапно и

Вайль П. Гений места. – М.: «Колибри», 2008. – 488 с.

предметно демонстрирует Анциферов в литературной экскурсии «Медный всадник». Предметно, потому, что экскурсия это, прежде всего, «прогулка, предпринятая с целью изучения конкретной темы на материале, доступном наблюдению, при помощи обхода» [3, с. 31]. Здесь литературовед следует методическим указаниям своего учителя – историка И.М. Гревса, который первым в отечественной традиции предложил опыт анализа города как типической коллективной личности. И.М. Гревс подчеркивал, что именно экскурсия учит нас видеть город и узнавать его как живое существо: «Для экскурсиониста город – центр притяжения и главный объект. Города – наиболее насыщенные и потому поучительнейшие гнезда культурного созидания и взаимодействия. Но чтобы использовать объект надо приступить к нему соответствующим образом, подходить как к живому историческому существу, изучать биографию города, его рост для уразумения его лика и души (местного гения, *genius loci*), рассматривать его как создающуюся собирательную личность. <...> Мне кажется, такой взгляд на город в должном его развитии есть именно достижение экскурсионистов, притом больше всего русских» [12, с.4].

В диссертационной работе Н.П. Анциферова литературе отводится важная роль в постановке проблем урбанистики: «урбанизм в литературе сказан еще ярче, чем в науке» [6, с.12]. Размышляя над предметом литературной урбанистики, автор выделяет следующие аспекты: 1) трактовка города как исторической индивидуальности; 2) отображение городских ландшафтов (панорам города, улиц, домов) как частей единого целого, определившего монументальный облик города; 3) методы ознакомления писателя с городом и его творческая лаборатория; 4) власть города над сознанием и поступками персонажей урбанической художественной литературы; 5) осмысление исторического пути города.

Так, в 20-е годы XX века литературная урбанистика начинает обретать свой научный инструментарий, который найдет дальнейшую разработку в исследованиях литературоведов, культурологов и географов.

Выводы Н.П. Анциферова по-своему резюмирует и развивает известный геоурбанист Г.М. Лаппо. Исследователь подчеркивает: взаимоотношения географии и

литературы диалогичны – от географии литература получает информацию о городах, их положении, функциях, микрогеографии, природе; а литература, как вид деятельности, в значительной степени обращена к городу. Он намечает три исследовательских поля, в русле которых должны проходить исследования литературной геоурбанистики XXI века: 1) изучение литературных гнезд; 2) города – места литературного действия; 3) использование потенциала литературы для развития методологии и методики геоурбанистики, особенно метода литературного картографирования: «Литературные карты – необходимый инструмент исследования, позволяющий охарактеризовать пространственную выраженность литературного процесса и «полей» действия крупных произведений творчества того или иного писателя, той или иной национальной литературы, литературы определенной эпохи» [17, с.108]. Выбор города в качестве «сценической площадки» произведения требует детального изучения города, которое сравни научному исследованию. Путешествия с целью познания стран и городов являются составляющей писательской жизни, и любовь к путешествиям сближает литераторов с географами. В таком путешествии не обойтись без текстов-предшественников – городского фольклора, официальной истории, литературных произведений о городе. Городская литература готовит нас к восприятию города, в этом случае знакомство с ним превращается в его узнавание [17].

Мы начинаем использовать литературное произведение в функции карты, и выявляем литературную топографию города, т.е. выстраиваем в городском пространстве маршруты автора или литературных героев, посещаем литературные места, ищем локусы, в которых происходит разыгрывание напряженных сюжетов. Филолог В.Н. Топоров называет такие места *locus poesiae*: «Поэзия «разыгрывающая» пространство и пространство, «разыгрываемое» поэзией, *poesia loci* и *locus poesiae*, то целое, где граница между причиной и следствием, порождающим и порождаемым тяготеет к стиранию, – вот то «новое» единство, которому предстоит быть осмысленным» [21, с. 502]. Локус города, отмеченный литературными событиями, В.Н.Топоров называет **литературным урочищем**: «Литературное урочище – это и

описание реального пространства для «разыгрывания» мифопоэтических (в противоположность «действительным») образов, мотивов, сюжетов, тем, идей; это – место вдохновения поэта, его радостей, раздумий, сомнений, страданий; место творчества и откровений; место где он живет, творит и обретает вечный покой; место, где поэзия и действительность («правда») вступают в разнородные, иногда фантастические синтезы, когда различие «поэтического» и «реального» становится почти невозможным; место, которое само начинает определяться этими, до поры казавшимися невероятными связями» [21, с. 502]. Эмпирически литературное урочище можно обнаружить, сопоставляя литературный текст и городское пространство, исследуя карту и совершая неспешную прогулку по городу.

Чаще всего, «разыгрывание» литературного действия в том или ином локусе происходит в силу исторической и социальной традиции. На эту тему рассуждает культуролог В.Г. Щукин. Он подчеркивает тесную связь человека с местом его жизни. С географическим местом человек идентифицирует свою личность, отталкивается и притягивается к нему. Поэтому неудивительно, что географическое место становится объектом художественного преломления и приобретает свой поэтический образ. В.Г. Щукин предлагает свою таксономию литературных мест, обусловленную социальным значением. Местом действия литературного произведения становятся разные культурные ландшафты: усадьба, город, деревня, улица, площадь, урочище; геосоциальные локусы: дом, квартира, храм, вокзал, кабак, тюрьма. Человек в каждом локусе социокультурного мира, как и литературный герой в локусе мира художественного, «что-то делает», или, по словам В.Г. Щукина проявляет «интенционально-функциональный тип психического и социального поведения» [22, с. 464]. Тип поведения, или акт, который совершает герой: исповедь, размышление, признание в любви, покупка, продажа, скандал, брань, сплетня, донос, – исследователь называет жанрами. Каждому жанру (типу поведения) соответствует определенный локус: «В условиях земного микромира тот или иной жанр находит свое осуществление не в произвольном, а в предопределенном для него пространственно-временном континууме»

[22, с. 465]. Литературное место представляет собой синтез географического облика, социальной практики и художественного осмысления; его следует воспринимать как сложный *геокультурный образ*. По определению В.Г. Щукина, три компонента формируют геокультурный образ места: «локус» (место пространства), «хронотоп» (время совершения события в этом пространстве) и «жанр» (тип социального или психологического действия, который совершается в данном пространстве) [22]. Перефразируем термины, предложенные исследователем: локус–хронотоп–жанр следующим образом: место–время–действие. Мы получим известное эстетическое требование литературы классицизма: единство места времени и действия. Так в своих литературных прогулках по городу мы ищем тот *locus poesiae*, который и позволит «разыграть» литературный сюжет, где мы готовы *вообразить* событие в единстве места, времени и действия.

Обобщая вышесказанное, мы предлагаем свою классификацию литературных мест и тот тип текста, который данное место *картирует* т.е. помогает выявить его в пространстве и описать (табл. 1). Также в таблице мы устанавливаем тот тип картографического моделирования, который соответствует типу взаимоотношений текста и места.

Посещение литературных мест предполагает попутное чтение художественного текста. Литература будит нашу способность к воображению пространства. Между человеком и культурным ландшафтом происходит коммуникативный акт, в котором основным информационным каналом становится художественный текст; точно так же, как и карта является необходимым источником информации при изучении территории.

Правомерно ли функциональное сближение карты и художественного текста? Может быть достаточно того факта, что литературные образы пространства хорошо проецируются в пространство географическое? Работы в данном направлении предпринимались: Золотарев С.А. [13], Иофа Л.Е. [14], Лавренова О.А. [16], Максаковский В.П. [19]. Но в данных исследованиях само литературное произведение не рассматривалось в функции карты, а использовалось, прежде всего, как источник картографической информации.

Проанализируем понятия *карта* и *текст*, их функциональные характеристики

Классификация литературных мест

Литературное место	Тип текста, который выступает в картографирующей функции	Принцип картографического моделирования
Адрес писателя (дом, квартира, музей)	Биографический текст (мемуарная проза, историко-литературные исследования)	Принцип конкретизации (соотнесение «модели» – описания в тексте – с реальным объектом)
Маршрут писателя	Биографический текст (мемуарная проза, историко-литературные исследования), художественный текст (повесть, роман, лирика)	Принцип конкретизации
«Адрес» литературного героя.	Художественный текст (повесть, роман, лирика); Биографический текст.	Принцип аналогии (означает сходство модели (М) и объекта (А), в заданном i отношении)
«Маршрут» литературного героя	Художественный текст (рассказ, повесть, роман, лирика). Биографический текст.	Принцип аналогии
Литературный город и его прототип	Художественный текст (очерк, рассказ, повесть, роман, лирика). Фактографический текст (литература путешествий). Биографический текст	Принцип аналогии. Принцип системности (т.е. рассмотрение объектов как целостного множества взаимодействующих компонентов, со всеми их внутренними и внешними связями).
«locus poesiae» – место «разыгрывания» литературного сюжета	Художественный текст (очерк, рассказ, повесть, роман, лирика)	Принцип аналогии. Принцип абстрагирования (выделение главного в объекте и отвлечение от его несущественных свойств)
Панорамный обзор – место, которое создает условия для наблюдения; осмысления культурного ландшафта; способствует восприятию образа места	Фактографический текст (Литература путешествий); Художественный текст (топоэкфрагис: описание ландшафта, пейзажа, панорамы местности)	Принцип аналогии. Принцип системности
«Литературное гнездо» – места социально-культурной жизни литературного сообщества: редакции литературных издательств, литературные кафе (салоны), дом писателя и др.	Историко-литературные и краеведческие исследования, публикации СМИ, биографический текст	Принцип конкретизации
Прагматика литературного места	Жизнь текста в социально-культурной практике: текст рекламы, текст путеводителя, текст литературной экскурсии; вне – текстовые реалии: скульптура, памятник, туристская инфраструктура.	Принцип аналогии. Принцип конкретизации

ки, для того чтобы выявить сходство. Термин «карта» появился в средние века, в эпоху Возрождения (лат. charta является производной от греческого хартес – лист, бумага папируса). Не менее употребительным является термин, восходящий к лат. тарра – кусок

полотна. Даже на уровне этимологии textus (ткать) и тарра (полотно) понятия находятся в отношении причинно-следственной связи. В картографии представлены три основных теоретических концепции: модельно-познавательная, языковая и коммуникативная, для

анализа свойств карты в необходимом нам ключе, особенно важны *языковая* и *коммуникативная*. Именно они определяют карту как особый текст: «картографическую литературу» [11, с. 336], «картографическое высказывание» [12, с. 68], «языковое выражение действительности» [8, с. 9], «картографическое произведение» [9, с. 9], т.е. особый картографический текст, написанный на языке карты с помощью условных знаков. Идею о естественном происхождении языка карты отстаивает А.А. Лютый: «<...> язык карты – это не искусственная, не придуманная сово-

купность или система графических значков и эмпирически сформулированных правил. Это объективно существующий язык, сформировавшийся в общественно-исторической практике человека, передающийся из поколения в поколение путем обучения и приобщения субъектов к соответствующему кругу явлений» [13, с. 22]. По своей семантической структуре картографические знаки сравнимы со словами естественного языка, а их знаковая природа может быть отражена в модели семантического треугольника С.К. Огдена и И.А. Ричардса (рис. 1) [20]:

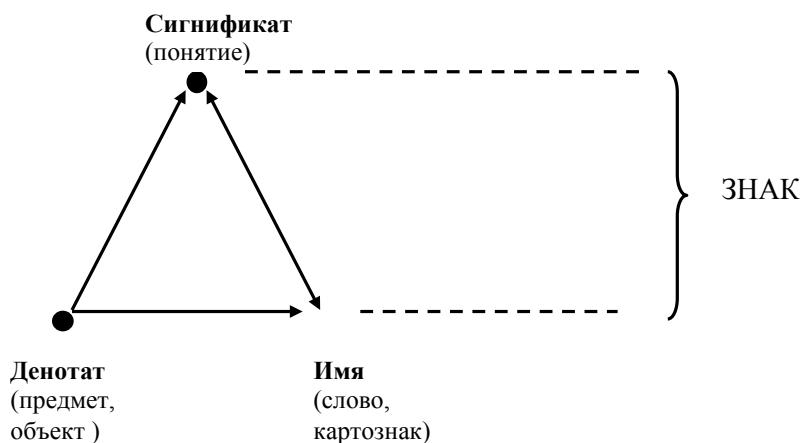

Рис. 1. Семантический треугольник

Совмещая понятия «слово» и «картографический знак», мы можем дать следующие комментарии к рисунку: денотат – это данный в ощущениях объект реальной действительности или картографируемый объект; сигнификат – мысленный образ, содержащий смысл или картографическая информация о данном объекте; имя – принятое в человеческом обществе наименование объекта — слово или графический знак. Если знак имеет глубинный смысл, содержащий замысел коммуниканта (картографа, писателя), в этом случае он может быть прочитан как текст. Определение текста и карты опираются на такие их свойства как *знаковость*, *системность*, *цельность*.

Текст как речевое произведение является универсальной формой коммуникации. В картографии карту рассматривают как канал передачи и хранения информации. В работах А.А. Лютого встречаем коммуникативную модель «создание-использование карт» [18, с. 14], которая сопоставима с коммуни-

кативной моделью лингвиста Р.О. Якобсона. Модель не только отражает универсальную схему речевой коммуникации в разных сферах, но и показывает структуру общения. Текст (как и карта), при этом, занимает центральное положение, за текстом «стоит» языковая личность автора и адресата, система языка и окружающая действительность [10]. Объединив названные схемы, мы получим следующий рисунок (рис. 2).

Восприятие места сквозь текст происходит в определенной коммуникативной ситуации: в воображении (через книгу, картину, кинофильм); или на практике, например, во время экскурсии. Литературная экскурсия является одной из форм социальной коммуникации, в которой реализуется коммуникативный акт между человеком и ландшафтом. Иными словами, картографирующая функция художественного текста проявляется в ситуации экскурсии, которую мы предлагаем называть *экскурсионный дискурс*. Под дискурсом будем понимать «речь, погруженную в жизнь»,

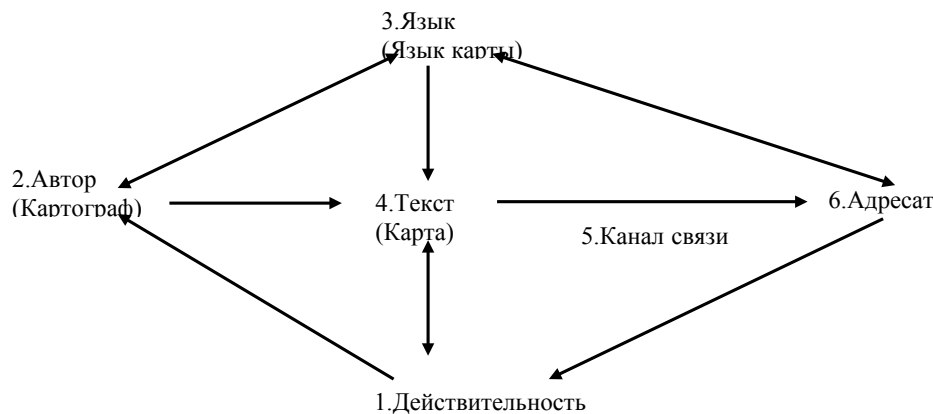

Рис. 2. Структура текстовой коммуникации

иначе говоря, связный текст в совокупности с экстралингвистическими (внетекстовыми) и прагматическими факторами. [7].

Коммуникативный подход неотделим от изучения *прагматических* свойств карты, т.е. исследования сфер ее практического применения, и эффектов воздействия на потребителя. Литературный текст, выступая в функции карты, используется с прагматической целью – как путеводитель в ходе путешествий и как один из брендов территории. Географическое место, отмеченное литературой, накапливает новые смыслы, и этот процесс приводит к новой форме его бытования. Чем чаще мы репрезентируем компоненты локального текста, например, в экскурсиях, его символы в сувенирной продукции, его нарративы в названии объектов инфраструктуры, тем явственнее осознаются геокультурные образы места. Репрезентация сюжетов локального текста происходит в различных социально-культурных практиках, таких как тематические фестивали, конференции, литературный туризм, экранизация, историческая реконструкция, театр на ландшафте. Образ укореняется в пространстве, становится маркером места, проявляется в городской топонимике, рекламе, городской скульптуре, в объектах туристской и рекреационной инфраструктуры. Так, для Перми «счастливым» геокультурным сюжетом стал сюжет «совпадения» топографии литературного города Юрятин и реальной Перми. Сегодня теме «Пермь – Юрятин» посвящена специальная литература, где эта гипотеза становится предметом научных исследований, краеведческих

изысканий или маршрутом прогулок-эссе; с 2009 в предложениях пермских турфирм появился продукт – литературные экскурсии по роману «Доктор Живаго» [1].

Таким образом, к исследовательским задачам литературной геоурбанистики, намеченным выше, мы добавим еще три: 1) изучение картирующей функции литературы и выявление литературных мест; 2) исследование прагматики литературного картирования, реализующейся в социально-культурных практиках и продуктах; 3) анализ качественных изменений социально-культурной среды: появление объектов туристской инфраструктуры вокруг литературных мест.

Мы предполагаем, что изучение картирующей функции литературы и применение метода литературного картирования пространства позволит создавать карты как минимум двух видов: 1) туристских литературных карт и 2) карт ресурсно-оценочных. Генерализация туристских карт будет подчинена задаче символического восприятия и ориентирования в пространстве; здесь отразится размещение литературных мест, маршрутов, объектов туристской инфраструктуры. Ресурсно-оценочная карта позволит образно и обзорно представить данные литературного краеведения, культурной регионалистики широкому кругу потребителей, выделит локусы с концентрацией и отсутствием литературных мест, обозначит их положение относительно существующего в регионе социально-экономических комплексов, транспортных путей, туристско-рекреационного каркаса и, вероятно, приведет к новым социально-культурным практикам.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Пастернаковский город Юрятин: география, семиотика и прагматика романного образа // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 8. – С. 115–121.
 2. Абашев В.В. Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4. – С. 98–104.
 3. Анциферов Н.П. Литературные экскурсии (Медный всадник) // Вопросы экскурсионного дела. По данным Петроградской экскурсионной конференции 10–12 марта 1923 г. / Под общей редакцией Б.Е. Райкова. Культурно-просветительское кооперативное товарищество «Начатки знаний». – Петроград, 1923. – С.23–32.
 4. Анциферов Н.П. Теория и практика литературных экскурсий. – Ленинград: Издательство «Сеятель» Е.В.Высоцкого, 1926. – 120 с.
 5. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Репринтное воспроизведение изданий 1922–1924 гг. – М.: Книга, 1991. – 335 с.
 6. Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. Составление, подготовка текста, послесловие Д.С. Московской. – М.:ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009. – 584 с.
 7. Арутюнова Н.Д. Дискурс. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. 1990. – С.137–136.
 8. Асланикашвили А.Ф. Единство и системная сущность географии и картографии // Человек и природа в географической науке. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – С. 6–27.
 9. Баранский Н.Н. Генерализация в картографии и в географическом текстовом описании // Ученые записки Московского университета. Вып.119 «География», кн. 2. 1946. – С.180–205.
 10. Болотнова Н.С. Основы теории текста: Пособие для учителей и студентов-филологов. – Томск.: Изд-во Том.гос.пед.ун-та, 1999. – 100 с.
 11. Геттнер А. География. Ее история, сущность, методы. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – 416 с.
 12. Гревс И.М. Краеведение и экскурсионное дело // Вопросы экскурсионного дела. По данным Петроградской экскурсионной конференции 10–12 марта 1923 г. / Под общей редакцией Б.Е. Райкова. Культурно-просветительское кооперативное товарищество «Начатки знаний». – Петроград, 1923. – С. 5–10.
 13. Золотарев С.А. Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы и историко-литературная карта России (1661–1904). – Петроград: Книгоиздательство бывш. М.В. Попова, 1916.
 14. Иофа Л.Е. Города Урала. – М., 1951.
 15. Картоведение: Учебник для вузов/ А.М. Берлянт, А.В. Востокова, В.И. Кравцов и др. / Под ред. А.М. Берлянта. – М.: Аспект Пресс, 2003, – 477 с.
 16. Лавренова О.Л. Географическое пространство в русской поэзии XVIII–начала XIX в. (геокультурный аспект). – М., 1998.
 17. Лаппо Г.П. Литературная геоурбанистика // Экономическая и социальная география на пороге XXI века. – Смоленск: Смол. гуманит. ун-т, 1997. – С. 97–109.
 18. Лютый А.А. Язык карты: сущность, система, функции. – М.: ИГ АН СССР, 1988. – 292 с.
 19. Максаковский В.П. Литературная география: геог.оразы в рус.худож.лит.: кн. для учителя / В.П. Максаковский. – М.: Просвещение, 2006. – 407 с.
 20. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.
 21. Топоров В.Н. Петербургский текст. / Отделение историко-филологических наук РАН. – М.: Наука, 2009. – 820 с.
 22. Щукин В.Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей / В.Г.Щукин. – М.: Изд-во «РОССМЭН», 2007. – 364 с.
-
-

ИСТОРИКО–ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В.Д. Голичев, Н.Д. Голичева (Смоленск)

НАСЕЛЕНИЕ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Golichev V.D., Golicheva N.D.

POPULATION OF SMOLENSK PROVINCE IN THE WAR OF 1812

Аннотация. В статье отражена демографическая ситуация, сложившаяся в Смоленской губернии в Отечественную войну 1812 года. Проанализирована убыль населения, вскрыты причины, обусловившие эту убыль.

Abstract. The article reflects the demographic situation in the province of Smolensk in the Patriotic War of 1812. Analyzed population loss, disclosure of the reasons that led to this decline.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, население Смоленской губернии в 1811 и 1816 годах.

Key-words: The War of 1812, the population of the province of Smolensk in 1811 and 1816.

В начале XIX столетия Смоленская губерния была резко выраженной аграрной губернией. Подавляющая масса населения занималась земледелием и проживала в сельской местности.

К 1811 году (по данным VI ревизии) все население губернии составило 1056,7 тысяч человек, в том числе крепостные крестьяне – 750 тысяч душ, или более 70 процентов ее населения [9; 33]. В конце XVIII – начале XIX вв. Смоленская губерния была одной из наиболее крепостнических губерний Российской империи. Она занимала первое место по абсолютному числу крепостных крестьян. По высоте «крепостного процента», или процента крепостных крестьян по отношению ко всему населению губернии, Смоленская губерния занимала второе место в империи, уступая лишь Калужской.

Крепостные принадлежали «душевлладельцам» или смоленским дворянам, подавляющее число которых (более 80%) были мелкопоместными и мелкими дворянами с числом крепостных до 100 душ, из них более половины имели менее 21 души.

Почти во всех уездах, кроме Вяземского и Рославльского, проживали удельные крестьяне, принадлежащие царской фамилии, их численность в 1812 году составляла 55,8 тысячи душ мужского пола. Насчитывалось

также 28,2 тысячи государственных крестьян и 31,8 тысячи экономических крестьян, ранее принадлежавших церквям и монастырям и переданных в государственные. К сельскому населению относились незначительные группы однодворцев (1760 душ) и ямщиков (1665 душ). Ямщики проживали главным образом в Духовщинском уезде около Соловьева перевоза через Днепр [2; 9].

Важнейшим историческим событием начала XIX века была Отечественная война 1812 года, во время которой Смоленская губерния сыграла особую роль, обусловленную ее географическим положением. Расположенная в западной части России, Смоленская земля с древних времен была щитом на пути иноземных захватчиков. В 1812 году Смоленщина стала ареной ожесточенных боев с армией французского императора Наполеона, 640-тысячная армия которого 12 (24) июня без объявления войны вторглась в пределы России.

Суровые испытания выпали на долю жителей Смоленской губернии в 1812 году. Еще до вступления неприятеля в пределы губернии из жителей городов и уездов в помощь армии было сформировано Смоленское ополчение, численностью более 12 тысяч человек, в том числе пешие – 12 тысяч и конные – 300 человек [7; 82]. Создаваемое по

уездам и волостям, оно делилось на тысячи, сотни и пятидесятки. Сборным пунктом стал Дорогобуж.

Состояло оно в подавляющей массе из помещичьих крестьян – 10,4 тысячи, каждый помещик выставлял по одному ратнику с каждых 30 душ крестьян, тогда как в обычных условиях один рекрут брался с каждых 125 душ. Офицерские должности в ополчении были замешены дворянами, как правило, из числа отставных военных, около 300 человек. В его состав входили также горожане – 378 человек, удельные крестьяне – 661, государственные крестьяне – 725 человек [8; 33], то есть было народное ополчение, а не дворянское. Оно целиком вошло в состав действующей армии, участвовало в обороне Смоленска, в сражении на Бородинском поле и последующих боях, вплоть до изгнания неприятеля из пределов губернии.

В самом начале августа армия Наполеона вступила в пределы губернии, а 4 и 5 августа обветшалые стены Смоленской крепости (построена в 1596–1602 годах) оказали неоценимую услугу России. Два дня продолжалась героическая оборона города. В честь этого события в Смоленске, в Лопатинском саду, в 1841 году был воздвигнут памятник по проекту архитектора А. Адамини. В сражении выбыло из строя до 20 тысяч французов и до 9,6 тысячи русских. Оборона города позволила двум русским армиям, которым грозила опасность быть отрезанными от внутренней России и разгромленными, отступить по Старой Смоленской дороге по направлению к Москве, полностью сохранив свою боеспособность.

На своем пути неприятель встречал пустые деревни, поскольку имел место массовый уход населения в леса и удаленные уезды. На территории Смоленщины сразу же после вторжения неприятеля началась партизанская война. Патриотический дух населения был необычайно высок. Вот как описывает в своем дневнике события тех лет на территории Юхновского уезда Денис Давыдов:

«...Двадцать первого, рано, я ездил в Знаменское, где нашел уже до пятисот человек под ружьем. Вольский мне объявил, что прочие тысяча пятьсот, вооруженные также неприятельскими ружьями, находятся по деревням и в готовности при первой повестке собраться в Знаменское. Он уверял, что рве-

ние поселян так велико, что, в случае нужды, можно набрать в весьма короткое время до шести тысяч народа, но те уже будут вооружены копьями и топорами, а не ружьями...».

В 1812 году на территории губернии действовало 17 отрядов крестьян, включавших около 10 тысяч человек. Дворянами из своих дворовых и крестьян было организовано 22 отряда. В этих отрядах насчитывалось около 4200 человек. В Сычевке, Рославле и Белом были созданы 5 отрядов горожан, содержавшихся на средства купцов. Два небольших отряда организовало духовенство, одним из них руководил священник, а другим – пономарь. Таким образом, на территории губернии действовало 46 отрядов с количеством партизан свыше 16 тысяч [5; 96].

Так, в Краснинском уезде действовал отряд под предводительством старосты одной из деревень крестьянина Семена Архипова, численностью несколько сот человек. Этот отряд истребил более 1500 неприятелей и взял в плен около 2000 французов. В начале ноября, уже в период бегства французской армии из России, Семен Архипов был взят французами в плен и расстрелян по приказу самого Наполеона [2; 262].

В Сычевском уезде с 19 августа по 25 октября крестьяне убили 1760 и взяли в плен 1009 французских офицеров и солдат [2; 395].

Наполеон обратился к Кутузову с предложением остановить партизанскую войну. Он писал, что правильное понимание войны исключает участие в военных действиях мирного населения. На что Кутузов ответил: «Народ разумеет эту войну нашествием татар и, следовательно, считать всякое средство к избавлению себя от врагов не только не предосудительным, но похвальным и священным» [3; 112].

Небывалый размах партизанского движения, в котором участвовали все сословия: дворяне, крестьяне, купцы, мещане, духовенство, свидетельствовал о народном, национальном характере войны, справедливо названной Отечественной.

Восхищаясь непоколебимой стойкостью и упорством, отвагой и мужеством смолян, выдающийся русский полководец М.И. Кутузов, принявший командование над войсками в селе Царево-Займище под Гжатском в своем послании к ним писал: «Достойные Смоленские жители – любезнейшие сооте-

чественники. С живейшим восторгом извещаюсь я отовсюду о беспримерных опытах в верности и преданности вашей... к любезнейшему отечеству. В самых лютейших бедствиях своих показываете вы непоколебимость своего духа... Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущество, наложить на вас тяжелые оковы, но не мог и не возмозжет победить и покорить сердец ваших. Таковы россияне...» [6; 208].

Три месяца неприятель находился на территории губернии. Из 12 уездов французы захватили 8, которые были превращены в пустыни. Четыре уезда – Бельский, Сычевский, Рославльский и Юхновский полностью занять не удалось, хотя и неоднократно посылались крупные подразделения, даже с артиллерией. Наименее пострадал Бельский, самый удаленный от губернского центра уезд. Трехтысячный отряд французов с четырьмя орудиями направился в г. Белый, где, как стало известно, французам, находились большие запасы продовольствия. В деревне Новоселки они захватили крестьянина Семена Силаева и требовали, чтобы он был у них проводником в Белый. Ему угрожали расстрелом, предлагали золото, но Силаев все уверял, что дорога непроходима, что на всем протяжении Свитского мха мосты сожжены, поделаны засеки и окопы, которые занимаются многочисленными войсками. В это время небольшой отряд казаков, находившихся в г. Белом, готовился уже к отступлению. Ничего не добившись, французский отряд повернул обратно [8; 15]. Так крестьянин Силаев спас от разорения город Белый, в то время совершенно беззащитный.

Высокий патриотизм проявил и наш земляк священнослужитель, автор печатного труда «История губернского города Смоленска» Мурзакевич Н.А. В дни героической обороны Смоленска (4–5 августа) отец Никифор находился в рядах обороняющихся, духовно их поддерживая. Но в силу различных обстоятельств уйти из города вместе с отступающей русской армией ему не удалось.

Отец Никифор продолжал службы в Успенском кафедральном соборе и в занятом французами городе. При этом стал настоящим хранителем нашей национальной святыни. От разграбления собора спасло его ходатайство перед Мюратом, сумев убедить которого, выставить там караул и пресекать всякие попытки грабежа. Усили-

ями отца Никифора были сохранены Троицкая и Одигитриевская церкви, остались нетронутыми соборная ризница и имущество архиерейского дома. Отец Никифор не побоялся исповедовать перед расстрелом П.И. Энгельгардта. В своих поступках он проявлял мужество и силу духа.

А вот встреча Мурзакевича с Наполеоном в Смоленске привела к конфузу, дорого стоившему ему. Дело было так. В конце октября Мурзакевич шел к больному и встретил какого-то французского генерала. Священник растерялся, снял шапку и протянул просфору. Этот генерал был сам Наполеон, которого он в лицо никогда не видел. Этот эпизод был представлен, как преклонение Мурзакевича перед Наполеоном. Достаточно отметить, что после освобождения Смоленска возникло «Дело о Священниках Мурзакевиче и Соколове и протоиерее Поликарпе Звереве». Отца Никифора обвинили в нарушении долга верноподданнической присяги и запретили священнослужение. Только в июле 1814 года Священный Синод, проведя специальное расследование, издал указ о назначении его священником Одигитриевской церкви.

При посещении Смоленска великим князем Николаем Павловичем 18 мая 1816 г. Мурзакевич был представлен ему на королевском бастионе и удостоился благодарности за свои исторические труды и рассказ о битве 4 августа 1812 г.

Нашествие Наполеона на Россию принесло Смоленской губернии огромное разорение. В экономическом развитии губерния была отброшена на несколько десятилетий назад. В городах и уездах губернии было уничтожено и разорено 37,3 тысячи различных построек, истреблено 132 тысячи голов крупного рогатого скота и 278 тысяч мелкого, свыше 79 тысяч лошадей. Из-за отсутствия скота и рабочих рук осталось не засеянными в 1812 году свыше 320 тысяч десятин пашни. Общая сумма убытков определяется в 74,5 млн. рублей, в том числе в сельской местности – 54 миллиона [2; 320].

После изгнания неприятеля из пределов губернии смоленское дворянство обратилось к Кутузову с просьбой быть ходатаем перед государем о помощи жителям губернии, на что Кутузов ответил: «Я считаю особенным удовольствием быть ходатаем перед троном благого монарха за жителей вашей губернии.

Возложив на меня титул князя Смоленского, мой милостивый государь некоторым образом дал мне обязанность печись о благосостоянии жителей Смоленской губернии...». В течение 1813–1814 годов из государственной казны была оказана помощь дворянам в сумме 3,5 млн. рублей, крестьянам около 4 миллионов, хотя их убытки были значительно больше. Городским жителям была оказана помощь из пожертвований Костромской губернии в сумме примерно 2,5 млн. Следует отметить, что в эту губернию была вывезена казна из Смоленска в сумме 3 миллиона рублей [2; 332]. В общей сумме помощь составила примерно 10 миллионов рублей, что составляло примерно одну седьмую часть убытков губернии.

Огромны людские потери губернии. Точных сведений об уменьшении населения губернии нет. Определяются они косвенным путем, сравнением данных о численности населения по ревизиям 1811 и 1816 годов. О причинах, побудивших произвести новую 7 ревизию через непродолжительное время, академик П.И. Кеппен писал: «Эта новая народная перепись была предпринята по случаю потери в людях от нашествия неприятельского, дабы таким образом отметить платежи за убылые души» [4; 17]. Такое сравнение показыва-

ет, что между двумя ревизиями убыль душ мужского пола податных состояний составила 57,6 тысячи (с 481 тысячи до 423,4 тыс.). Полагая, что женский пол, потери которого были вдвое меньше, Цебриков общие потери Смоленской губернии в период Отечественной войны 1812 года определяет в 86,4 тысячи человек [9; 33].

По 7 ревизии (1816 г.) население губернии составило 970,3 тысячи человек, по сравнению с 6 ревизией (1811 г.) уменьшение населения составило 86,4 тысячи. Если же предположить, что за пятилетний период между ревизиями был определенный естественный прирост населения, то общие потери Смоленской губернии в населении в период Отечественной войны 1812 г. следует определить на уровне 100 тысяч человек, из которых примерно 70 тысяч составляют потери мужского населения. Потребовалось 23 года, чтобы в 1833 году (VIII ревизия) численность населения губернии достигла довоенного уровня – 1056,4 тысяч человек [9; 34].

Как в зеркале отобразятся ратные и гражданские подвиги смолян, проявленные в Отечественную войну 1812 года, в истории Великой Отечественной войны, только станут они еще более масштабными и легендарными.

Таковы смоляне!

Библиографический список

1. Андреев П.Г. Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 года. – Смоленск, 1959.
2. Вороновский В.М. Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии. – СПб, 1839. – С. 208.
3. Грачев В.И. Смоленск и его губерния в 1812 году. – Смоленск, 1912. – С. 112.
4. Кеппен П.И. О народных переписях в России. – СПб., 1889, Т. VI.
5. Маковский Д.П. Героическое прошлое Смоленщины. – Смоленск, 1946.
6. Михайловский-Данилевский А.Д. Описание войны 1812 года. – СПб., 1839.
7. Смоленское дворянское ополчение 1812 года. – Смоленск, 1912.
8. Смоленская старина. Вып. 2. – 1912.
9. Цебриков М. Материалы для географии и статистики России. Смоленская губерния. – СПб., 1862.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ю.А. Симагин, В.Г. Глушкова (Москва)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

Simagin Yu.A., Gushkova V.G.

POPULATION DYNAMICS AND THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF RUSSIA

***Аннотация.** Динамика численности населения является одной из главных составляющих современного социально-экономического развития регионов России. По материалам переписей населения 2002 и 2010 годов проанализированы различия в динамике населения регионов страны, выявлены их причины и показана взаимосвязь с уровнем безработицы и плотностью населения. Особое место уделено динамике сельского населения регионов России.*

***Abstract.** Dynamics of population is one of the main components of the contemporary socio-economic development of the regions of Russia. On materials of the population census 2002 and 2010 analyzed differences in the dynamics of the population of regions of the country, identified the reasons for them and shows the relationship with the level of unemployment and population density. A special place is given to the dynamics of the rural population of the regions of Russia.*

***Ключевые слова:** динамика численности населения, уровень безработицы, плотность населения, социально-экономическое развитие регионов.*

***Keywords:** dynamics of population, unemployment rate, population density, socio-economic development of the regions.*

Одной из главных основ социально-экономического развития любой территории является ее население. Жители страны или региона – главный потребитель товаров и услуг, производимых экономикой, и, в качестве трудового ресурса, один из главных ресурсов развития современного хозяйства. Человеческий капитал – один из главных ресурсов современного социально-экономического развития¹. В общем случае, чем больше население той или иной территории, тем больше ее социально-экономический потенциал по сравнению с менее населенными регионами. Поэтому анализ динамики численности населения как фактора социально-экономического развития регионов является важным и актуальным, особенно для современной России, где уже на протяжении 20 лет в целом

по стране наблюдается депопуляция, основы которой были заложены еще в 1960-е гг.²

Но при определенных условиях рост численности населения может иметь и негативный характер – если уже достигнутое количество жителей конкретной территории превышает максимум, благоприятный для социально-экономического развития. Поэтому численность населения необходимо оценивать не только в абсолютных значениях, но, по крайней мере, еще по двум характеристикам. Во-первых, относительно современного уровня развития экономики – наиболее обобщенным здесь является показатель уровня безработицы. Во-вторых, важно соотношение численности населения и площади территории – здесь основным является показатель плотности населения, ха-

¹ Аношкина Е.Л., Карпович Ю.В. Человеческий капитал как компонент территориального капитала // Региональные исследования. – 2012. – №1(35). – С. 12.

² Томина Н.Н. Демографическая ситуация в России: ретроспективный анализ // Региональные исследования. – 2011. – №4(34). – С. 66.

рактизирующий долговременные тенденции социально-экономического освоения территории региона.

То есть благоприятным для социально-экономического развития является не просто увеличение численности населения региона, а если этот процесс идет при относительно низких (по сравнению со среднероссийскими) показателях плотности населения и уровня безработицы. Если численность населения растет в регионе, где наблюдаются высокие показатели плотности населения и уровня безработицы, то это, скорее, негативная тенденция, снижающая конкурентоспособность территории по демографической составляющей социально-экономического развития.

Наиболее точную информацию о численности населения регионов страны дают сведения, собираемые в ходе всероссийских переписей населения. За период между последними переписями населения 2002 и 2010 гг. численность населения России сократилась со 145,2 млн. человек до 142,9 млн. человек или на 1,6%³. С учетом того, что в целом на Земле численность населения продолжает увеличиваться, Российская Федерация постепенно становится менее конкурентоспособной по сравнению с другими государствами планеты. За последние 20 лет в списке наиболее населенных государств Земли Россия переместилась с шестого на девятое место. В следующие 20–30 лет место нашей страны в мировом рейтинге по численности населения, скорее всего, продолжит снижаться.

Из субъектов Российской Федерации наиболее остро проблема сохранения численности населения стоит в тех регионах, где за период 2002–2010 гг. население сократилось более чем на 10%, то есть в 5 раз сильнее, чем по стране в целом и более чем на 1% в среднем за год. Это такие области, как Псковская, Мурманская, Кировская, Курганская и Магаданская, а также Камчатский край, республики Коми и Ингушетия. Последний регион – особый случай, где высокий естественный прирост сочетался в последние годы с интенсивным миграционным оттоком, связанным не только с социально-экономической, но и с политической ситуацией (прекращение воо-

руженных конфликтов в соседних регионах, что вызвало отток вынужденных переселенцев и др.).

В остальных регионах со значительным сокращением численности населения существенная естественная убыль сочеталась с миграционным оттоком. Но в большинстве из них при относительно высокой (по российским меркам) плотности населения наблюдается повышенный уровень безработицы⁴. То есть сокращение населения в настоящее время можно считать вполне закономерным.

При этом наиболее противоречиво ситуацию можно оценить в Магаданской области и Камчатском крае, где при очень низкой плотности населения (что говорит об объективной нехватке трудовых ресурсов) наблюдается повышенный уровень безработицы (то есть современная численность трудоспособного населения превосходит потребности экономики в настоящее время). Можно сказать, что сокращение численности населения в этих двух регионах имеет негативный характер для социально-экономического развития в долгосрочной перспективе, но оправданно в настоящее время.

Очень сложной является также ситуация в Чукотском автономном округе, граничащем с Магаданской областью и Камчаткой. В нем при очень низкой плотности населения (около 1 человека на 10 кв. км) и низком уровне безработицы (менее 6%) численность населения продолжает довольно быстро сокращаться (почти на 1% ежегодно), хотя, по объективным параметрам, она должна увеличиваться. При современных тенденциях динамики населения модернизация социально-экономического развития этого региона практически невозможна.

Более разнообразна ситуация в тех 18 регионах страны (из 83 субъектов Российской Федерации), где за период 2002–2010 гг. численность населения выросла (табл. 1). Наиболее негативно ситуацию можно оценить в республиках Чеченской, Карачаево-Черкесской, Северной Осетии-Алании, Дагестане, а также Астраханской области. В них при высоком уровне безработицы (более 10%) и высокой по российским меркам плотности населения (более 20 человек на

³ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. – М.: Росстат. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 28.02.2012)

⁴ Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010. – 806 с.

Регионы России с ростом численности населения за период 2002-2010 гг.

Уровень безработицы высокий (выше 8%)		Уровень безработицы низкий (ниже 6%)	
Плотность населения высокая (выше 20 чел. на кв. км)	Плотность населения низкая (ниже 5 чел. на кв. км)	Плотность населения высокая (выше 20 чел. на кв. км)	Плотность населения низкая (ниже 5 чел. на кв. км)
Республика Дагестан, Республика Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Астраханская область	Республика Алтай, Республика Тыва	Республика Татарстан, Краснодарский край, Белгородская область, Московская область, Ленинградская область, город Москва, город Санкт-Петербург	Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский – Югра АО, Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО

Источники: Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. – М.: Росстат. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 28.02.2012); Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010. – 806 с.

1 кв. км) наблюдается рост населения, что не способствует социально-экономическому развитию, а, наоборот, тормозит его в настоящее время.

Также сложной является ситуация в республиках Алтай и Тыва, где рост численности населения наблюдается при низкой плотности населения (менее 5 человек на 1 кв. км), но высоком уровне безработицы. То есть при современном уровне развития экономики этих регионов рост численности населения здесь также не увеличивает, а снижает потенциал социально-экономического развития.

Увеличивается потенциал по демографической составляющей социально-экономического развития в таких регионах России, как Республика Татарстан, Краснодарский край, области Московская, Ленинградская и Белгородская, города Москва и Санкт-Петербург. В них численность населения растет при низком уровне безработицы. Негативным фактором можно считать высокую плотность населения, но если социально-экономическое развитие этих регионов будет идти за счет развития современных отраслей сферы услуг, то высокая плотность населения, наоборот, будет иметь позитивное влияние. С учетом того факта, что среди перечисленных регионов четыре являются самыми многонаселенными в России в настоящее время (Москва, Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург), то получается, что с течением времени они еще более повысят свою конкурентоспособность по демографической составляющей социально-экономи-

ческого развития, все дальше отрываясь от остальных регионов страны.

Кроме этого, явно повысили свою конкурентоспособность по демографической составляющей социально-экономического развития за последний межпереписной период главные ресурсодобывающие регионы страны – Ханты-Мансийский–Югра, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Республика Саха (Якутия). В них население выросло при низкой плотности населения и пониженном уровне безработицы. Но при самых благоприятных объективных характеристиках дальнейшего повышения потенциала этих регионов будет говорить о том, что экономика России по-прежнему развивается как преимущественно сырьевая, а не инновационная.

Особенно негативными являются тенденции изменения численности населения в сельской местности Российской Федерации. Численность сельского населения за период между переписями 2002 и 2010 гг. сократилась существенно сильнее, чем городского – на 3,1% и на 1,0% соответственно. При этом региональный анализ динамики сельского населения показывает существенные особенности, отличающие процессы в сельской местности от ситуации по России в целом.

Во-первых, регионов с ростом численности сельского населения за межпереписной период даже больше, чем с ростом городского и всего населения. Увеличение численности сельских жителей отмечено в 2010 году в 24 (из 81) субъектах Российской Федерации, где есть сельское население (то есть за исключением городов Москвы и Санкт-

Петербурга). Но все эти регионы по составляющим прироста населения четко делятся на три группы:

1) с ростом за счет значительного положительного сальдо миграций – области Московская и Ленинградская;

2) с ростом за счет высокого естественного прироста – республики Чеченская, Дагестан, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская;

3) с ростом за счет административных преобразований городских населенных пунктов (поселков городского типа – ПГТ) в сельские населенные пункты – остальные 17 регионов России с ростом сельского населения (области Владимирская, Ивановская, Свердловская и др.).

Таким образом, главным источником роста сельского населения в России являются не миграции или естественный прирост (как для городского населения и населения регионов в целом), а административные преобразования городских населенных пунктов в сельские, которые получили большое распространение еще в 1990-е гг., но и в начале XXI века имели очень значительные масшта-

бы. По данным таблицы 2 видно, что за период между переписями населения 2002 и 2010 гг. почти 1,5 млн. горожан стали сельскими жителями, не меняя места своего жительства

Во-вторых, во многих регионах России сокращение численности сельского населения идет очень быстро – существенно быстрее, чем городского. Связано это с тем, что сельская местность, характеризуясь повышенной рождаемостью, одновременно имеет очень высокие показатели смертности и интенсивный миграционный отток. В итоге в некоторых регионах страны сельское население за период 2002–2010 гг. сокращалось более чем на 2% ежегодно (области Псковская, Тверская, Костромская, Кировская, Мурманская, Магаданская; республики Карелия и Коми), что приведет уже в ближайшей перспективе к вымиранию жителей и невозможности дальнейшего хозяйственного использования соответствующих территорий. Особенно негативная ситуация сложилась в Магаданской области, где при очень низкой плотности населения численность сельских жителей за последний межпереписной период сократилась почти в 2 раза.

Таблица 2

Масштабы преобразований ПГТ России в сельские населенные пункты за период 2003–2010 гг.

Год	Количество преобразованных ПГТ	Численность населения в них, тыс. человек
2003	22	55,6
2004	266	855,1
2005	86	205,4
2006	12	67,3
2007	1	2,7
2008	24	46,4
2009	24	100,0
2010	10	43,0
Итого	445	1375,5

Источник: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам. – М.: Росстат, 2004–2010 гг.

Таким образом, динамика населения регионов Российской Федерации с учетом характеристик, раскрывающих соотношение численности жителей и общего уровня социально-экономического развития, показывает изменение потенциала по одной из главных составляющих современного социально-экономического развития – демографической. Россия в целом, как и большинство регионов страны, постепенно снижают свою конку-

рентоспособность, так как численность населения сокращается при низкой плотности населения и относительно низких значениях уровня безработицы. Особенно сложной является ситуация в сельской местности некоторых регионов страны, которой угрожает вымирание и полное прекращение хозяйственной деятельности.

Внутри страны растет социально-экономический потенциал по демографической

составляющей фактически лишь в 11 из 83 субъектов Российской Федерации. Но, с учетом того, что по многим характеристикам это и так наиболее развитые в социально-экономическом отношении регионы страны (Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и др.), можно сделать вывод, что усиливается тенденция роста дифференциации между регионами

страны по уровню социально-экономического развития. Эта дифференциация в России и в настоящее время слишком велика, что тормозит модернизацию экономики и общественной жизни страны. Для ее сокращения необходима разработка специальных программ, направленных на ускорение социально-экономического развития отстающих регионов России.

Библиографический список

1. Аношкина Е.Л., Карпович Ю.В. Человеческий капитал как компонент территориального капитала // Региональные исследования. – 2012. – №1(35). – С. 12–19.
2. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. – М.: Росстат. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 28.02.2012).
3. Российский статистический ежегодник. 2010. – М.: Росстат, 2010. – 806 с.
4. Томина Н.Н. Демографическая ситуация в России: ретроспективный анализ. // Региональные исследования. – 2011. – №4(34). – С. 61-67.
5. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам. – М.: Росстат, 2004–2010.

В.В. Кирпичев (Смоленск)

ЧИСЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Kirpichev V.V.

THE RURAL POPULATION AS A DETERMINANT SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RURAL AREAS

Аннотация. Рассматриваются проблемы взаимосвязи популяционной динамики с социально-экономическим развитием сельских территорий России. Показано влияние численности сельского населения на объемы продукции сельского хозяйства, производимой в личных подсобных хозяйствах населения, эффективность сельскохозяйственного производства, создание инфраструктуры сельских поселений.

Abstract. The problems of the population dynamics of the relationship with the socio-economic development of rural areas in Russia. shows the influence of the rural population in agricultural output produced in private farms of the population, the efficiency of agricultural production, infrastructure, rural settlements.

Ключевые слова: сельское население, сельская экономика, личные подсобные хозяйства, инфраструктура.

Key-words: rural population, rural economy, family farms, infrastructure.

Как показывают данные последней переписи населения 2010 года, многие территории Центральной России обезлюдиваются ускоренными темпами. Причем убывание численности сельского населения происходит значительно быстрее, чем уменьшается количество горожан. А сокращение количества работников в агропромышленном комплексе страны, без соответствующей компенсации за счет повышения эффективности

труда, чревато спадом объемов производства сельхозпродукции. В то же время, быстро и в широких масштабах нарастить производительность труда в сельском хозяйстве вряд ли представляется возможным, так как сегодня по данному показателю Россия отстает от развитых стран Европы (мира) в 3–5, а по некоторым отраслям, более чем в 10 раз [5].

Известно, что сельское население и его численность является важным детерминан-

том социально-экономического развития сельских территорий, в том числе:

- как основа предложения трудовых ресурсов не только для аграрного сектора, но и для всех отраслей сельской экономики, органов местного самоуправления;
- как потребитель произведенных товаров, создающий спрос на них и стимулирующий производство товаров и оказание услуг;
- как фактор развития сельских поселений, их инфраструктуры;
- как хранитель российского сельского менталитета, традиций в репродуктивной сфере; основной источник формирования многодетных семей.

Проведенный нами анализ показывает, что количественно популяция людей на российском селе убывала на протяжении практически всего постсоветского периода, за исключением 1992–1994 гг. и 2004 года. В начале 1990 годов численность сельского населения страны существенно прибавлялась за счет масштабного миграционного прироста, который позволял компенсировать значительную естественную убыль в российских селах. А за время, прошедшее между двумя переписями, сокращение численности населения села по причине его естественной убыли и миграционного оттока составило более 2,3 млн. человек.

Уменьшение численности сельского населения России предопределило исчезновение многих сельских населенных мест. Их количество только за период, прошедший между двумя переписями населения (с 2002 по 2010 год) сократилось на 8,5 тысячи (за 20 лет – на 23 тыс.), или на 5,5% от общей численности людей, проживающих в сельских поселениях. Из учтенных на сегодня 153125 российских сельских населенных мест примерно 12,7% не имеют населения [2]. Понятно, что на многих сельских территориях, имеющих невысокую плотность населения, становится неэффективным вложение средств в развитие социальной и инженерной инфраструктуры, что стимулирует рост масштабов выходящих миграционных потоков в направлении селогород, малое село – более крупное сельское поселение, а также приводит к снижению трудового потенциала сельской экономики.

Изменение численности сельского населения России в разрезе федеральных окру-

гов РФ, которое показано в табл. 1, позволяет констатировать, что общая численность населения, проживавшего на территории большинства федеральных округов РФ, в последние годы снижалась. Исключение составили Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа. Причем, в первом из названных округов главным фактором расширения популяции людей (на 1,2%) был миграционный прирост, а во втором, увеличение численности, на 6,3%, в основном, происходило за счет естественной прибавки населения.

Доля сельского населения за указанный отрезок времени прирастала только в Уральском и Дальневосточном федеральных округах. Самый высокий удельный вес населения в сельских поселениях отмечался в Северо-Кавказском федеральном округе (50,9%). В Центральном федеральном округе на селе проживало 18,7% всего населения, что на 2,2 процентных пункта превосходит его долю в самом урбанизированном в России Северо-Западном федеральном округе.

Удельный вес сельского населения в регионах, входящих в ЦФО РФ, за рассматриваемый 8-летний период существенно уменьшался и значительно варьировался в разрезе территорий. Наиболее высокие его значения на дату переписи 2010 года отмечались в Тамбовской (41,3%), Воронежской и Липецкой (по 36,3%), Курской, Орловской и Белгородской областях (соответственно, 34,8%, 34,5%, 33,9%). Гораздо меньшую долю составляли селяне в общей численности населения в Ярославской (17,8%), Московской (19,9%) и Тульской (20,6%) областях.

Численность населения села, как справедливо утверждают некоторые специалисты, имеет достаточно сильную корреляционную связь с объемом продукции, производимой в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) населения, и поэтому существенно влияет на размер валового продукта сельского хозяйства [4]. Да это и понятно, так как труд в ЛПХ не является высокомеханизированным, и объемы производства продукции в них во многом предопределяются масштабами вовлечения трудовых ресурсов. В то же время, удельный вес производимой в них сельскохозяйственной продукции по России в начале XXI века составлял более 55% от общего валового продукта аграрного сектора в хозяйствах всех категорий.

Изменение численности населения России
в период 2002–2010 гг. (по федеральным округам)

Название	Численность постоянного населения, (тыс. человек)			2010 в % к 2002 г. (все население)	Доля в общей численности постоянного населения, %			
	Все население	в том числе			2010 г.		2002 г.	
		городское население	сельское население		городское население	сельское население	городское население	сельское население
Российская Федерация	142905,2	105318,0	37587,2	98,4	73,7	26,3	73,3	26,7
Центральный федеральный округ	38438,6	31261,6	7177,0	101,2	81,3	18,7	79,9	20,1
Северо-Западный федеральный округ	13583,8	11342,9	2240,9	97,2	83,5	16,5	82,3	17,7
Южный федеральный округ	13856,7	8650,9	5205,8	99,2	62,4	37,6	62,9	37,1
Северо-Кавказский федеральный округ	9496,8	4666,7	4830,1	106,3	49,1	50,9	49,0	51,0
Приволжский федеральный округ	29900,4	21179,6	8721,8	96,0	70,8	29,2	70,8	29,2
Уральский федеральный округ	12082,7	9658,2	2424,5	97,6	79,9	20,1	80,7	19,3
Сибирский федеральный округ	19254,3	13853,7	5400,6	96,0	72,0	28,0	71,1	28,9
Дальневосточный федеральный округ	6291,9	4704,4	1587,5	94,0	74,8	25,2	75,9	24,1

Источник: [5]

Анализ уровня производства основных видов сельскохозяйственной продукции, полученной в личных подсобных хозяйствах граждан регионов, входящих ЦФО РФ, показывает, что наибольший ее объем, в расчете на 1 жителя села, в конце первого десятилетия нового столетия получен в Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской областях, в которых удельный вес сельских жителей был одним из самых весомых по округу. В этот же кластер с высокими показателями по объемам произведенной на душу населения сельскохозяйственной продукции в ЦФО входили Белгородская, Брянская и Смоленская области.

Смоленщина на протяжении длительного времени относилась к регионам, в которых преобладающим по численности было сельское население. В 1914 году оно составляло 2 млн. человек (90% от общей

численности), в 1926 году – 1,99 млн. человек (91,5%), в 1959 году – 0,7 млн. человек (67,4%). Согласно итогам прошедшей в 2010 году переписи, с 2002 года количество жителей села в регионе уменьшилось с 312 до 271,9 тыс. человек (примерно на 14% от общ. численности), а доля селян в общей численности сократилась с 29,2% в 2002 г. до 27,3% в 2010 году.

В течение последних шести лет прослеживалась тенденция дальнейшего снижения численности населения, занятого в аграрном секторе области. В 2010 году количество населения, осуществлявшего трудовую деятельность в сельском хозяйстве региона, составляло около 12% (в 1897 году – 82,6%) от численности работников, занятых в сельской экономике. В целом по России данный показатель был меньше – 9,8%.

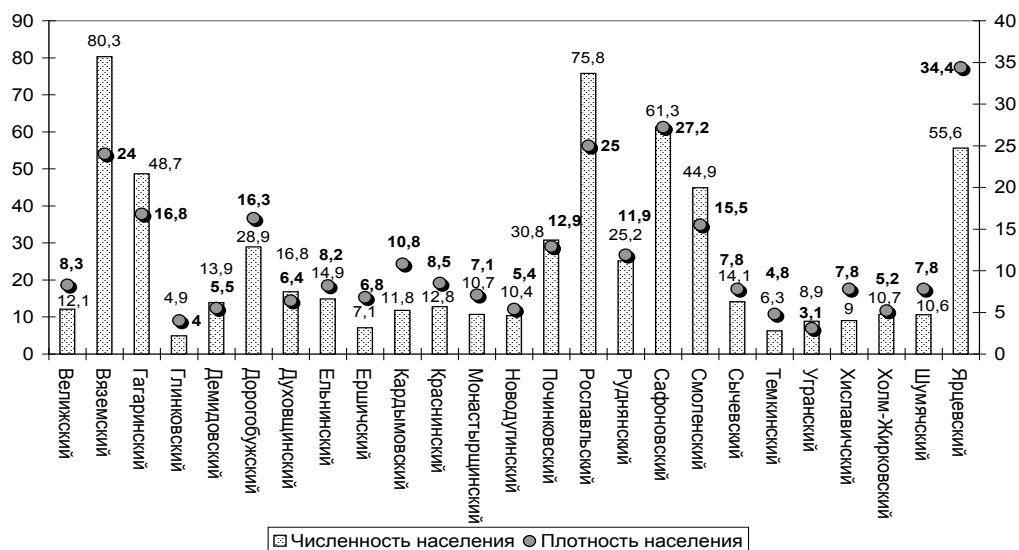

Рис. 1. Распределение районов Смоленской области по численности населения (левая шкала, тыс. человек) и плотности заселения (правая шкала, человек на 1 кв. км.), по состоянию на 01.01.2010 г.

Депопуляция сельских территорий региона негативно влияет на многие социально-экономические и общественные процессы. Происходящее в связи с этим уменьшение количества сельских населенных мест в области, способствует сокращению трудового потенциала экономики села, обуславливает снижение плотности населения, свертывание вовлеченных в сельскохозяйственное производство площадей, приводит к деградации многих сельских поселений.

По плотности населения (19,4 человека/на 1 кв. км.) Смоленская область, в списке других субъектов Российской Федерации, относящихся к ЦФО РФ, занимает третью снизу позицию (меньшую плотность имеют только Тверская (16,2 человека/на 1 кв. км.) и Костромская (11,4 человека/на 1 кв. км.) области). Но средняя плотность населения не позволяет оценить уровень заселенности региона. Ведь она, при рассмотрении муниципальных районов, в значительной степени варьируется, что показано на рис. 1.

Как следует из диаграммы, муниципальные районы Смоленской области по плотности населения можно структурно разделить на 3 группы. 3 района, в которых на 1 кв. км приходится менее 5 человек; 12 районов – плотность населения от 5 до 10 человек на 1 кв. км; 9 районов с плотностью населения более 10 человек на 1 кв. км.

Учитывая достаточно низкую плотность населения в приведенных двух группах районов области, следует отметить, что на их территориях трудно рассчитывать на ведение масштабного и рентабельного коллективного сельскохозяйственного производства, так как, по мнению некоторых российских ученых, с которым мы солидарны, продуктивность сельского хозяйства, а также степень устойчивости сельхозпроизводства в кризисных условиях, коррелируются с плотностью сельского населения, и особенно сильно, в Нечерноземье [1].

В смоленском регионе (в 15 сельских муниципальных районах из 24) не выдерживаются предложенные в качестве индикаторов пограничные уровни плотности населения (5 человек на 1 кв. км – для ведения животноводства и 10 человек на 1 кв. км – для занятия растениеводством), при достижении которых значительно возрастает вероятность вступления в действие неблагоприятного, для развития сельского хозяйства, фактора, обусловленного малолюдностью. В России таких районов много: 691 – с плотностью сельского населения до 5 человек на 1 кв. км и 506 – с плотностью от 5 до 10 человек на 1 кв. км.

По нашему мнению, это, конечно, не означает, что территории с меньшей плотностью расселения, чем предложенные в качестве

пороговых, не пригодны для проживания. На малозаселенных землях может быть организовано ведение личного подсобного сельского хозяйства, а также создание фермерских крестьянских хозяйств небольшой или средней по масштабам величины.

Для жилищного обустройства селян в таких районах целесообразно создавать узловые населенные пункты и строить хорошие дороги к производственным объектам. В этом отношении положительный опыт накоплен в соседней Беларуси, где только за последние 5 лет построено полторы тысячи агрогородков – деревень, имеющих всю инженерную и социально-бытовую инфраструктуру (школы, ФАПы, почтовые отделения, банки, Дома быта и т.д.). Там же создаются и рабочие места для молодежи.

Понятно, что демоэкономические пропорции, сложившиеся в российском селе необходимо корректировать. Само снижение численности сельского населения задает негативный фон для воспроизводственных процессов и предопределяет отрицательную популяционную динамику на селе. По нашему мнению, одним из факторов, противодействующих убыли сельского населения, должна быть продуманная де-

мографическая политика, которую на современном этапе развития российского села следует ориентировать:

- на первом этапе (в течение 10–15 лет), на достижение хотя бы простого воспроизводства населения и трудовых ресурсов, т.е. отсутствия его убыли;
- на втором этапе (после окончания первого) – на достижение расширенного воспроизводства населения и трудовых ресурсов ($R_0 = 1,02$).

Оздоровлению демографической ситуации могут также способствовать мероприятия по селективному привлечению трудовых мигрантов, в том числе в рамках реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Представляется также, что целесообразно частично использовать опыт создания компактных поселений вынужденных переселенцев, накопленный в постсоветский период, в части оказания помощи, за счет средств государства или местных бюджетов, в строительстве объектов инженерной и коммунальной инфраструктуры, создания новых рабочих мест в сельских населенных пунктах, в которых такие поселения будут образовываться.

Библиографический список

1. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – С. 328–339.
2. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Смоленской области. – Электронный ресурс: sml.gks.ru > VPN2010 > Perep2010
3. Смоленская область в цифрах. 2011 г. Краткий статсборник. – Смоленск: Смоленскстат, 2011. – 293 с.
4. Яковлев В.Б., Савицкая М.Т. Кластерный анализ производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах // Вестн. Рос. гос. аграр. заоч. ун-та: науч. журн. – № 5(10). – М., 2008. – С. 278–281.
5. Электронный ресурс: www.vniiesh.ru/publications/Stat/9535.html

Т.Ф. Крейденко, М.Н. Миронова, И.А. Умерова
(Москва)

РОЛЬ МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РАЗВИТИИ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Kredenko T.F., Mironova M.N., Umerova I.A.

ROLE OF THE SMALL INNOVATIVE ENTERPRISES IN DEVELOPMENT OF RUSSIAN SCIENCE AND INNOVATIONS: REGIONAL ASPECT

Аннотация. В статье проанализированы современные особенности инновационного развития экономики России на фоне международных сравнений. Проведена оценка роли малого научно-исследовательского бизнеса в РФ в инновационном развитии экономики страны и выявлена негативная динамика и крайняя неравномерность его развития. Выделены и охарактеризованы 5 типов регионов по уровню развития малого научного бизнеса в России на основе комплексного анализа основных статистических показателей, характеризующих их деятельность.

Abstract. The article analyzes the features of modern innovative development of Russian economy against the backdrop of international comparisons. The evaluation of the role of small business research in Russia in the innovative development of economy and found negative dynamics and extreme irregularity of its development. Isolated and characterized five types of regions in terms of scientific development of small business in Russia, based on a comprehensive analysis of key statistical indicators of their activities.

Ключевые слова: инновационное развитие, малое инновационное предпринимательство, региональные особенности развития малого научного бизнеса, типы регионов России по уровню развития малого научного бизнеса.

Key words: innovative development, small innovative business, regional features of small business research, types of Russian regions in terms of small business research.

Место России в мировом инновационном процессе. Современное развитие мирового хозяйства характеризуется переходом ведущих стран к новому этапу формирования инновационного общества – построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. «Уникальные навыки и способности, умение адаптировать их к постоянно меняющимся условиям деятельности, высокая квалификация становятся ведущим производственным ресурсом, главным фактором материального достатка и общественного статуса личности и организации.» [1, с. 8] Инвестиции в интеллектуальный (человеческий) капитал превращаются в наиболее эффективный способ размещения ресурсов. Интенсификация производства и использования новых научно-технических результатов определяет резкое сокращение инновационного цикла, ускорение темпов обновления продукции и технологий. И, как результат – увеличение темпов экономического роста.

Место России в мировых инновационных процессах пока не адекватно имею-

щемуся в стране интеллектуальному и образовательному потенциалу. По данным Национальной Ассоциации Инноваций и Развития Информационных технологий, российский инновационный сектор в настоящее время обладает одним из самых мощных потенциалов в мире: в стране действует более 4 тыс. научно-исследовательских институтов и около 40 тыс. независимых инновационных компаний, ведущих разработки по всему спектру технологических направлений, наиболее востребованных на мировом рынке. Инновационный сектор в 2008 году получил 1,3 трлн. рублей финансовой поддержки, из которых 945 млрд. рублей поступило из госбюджета.

Но реализация данного потенциала не соответствует современным требованиям. Так из 108 «проектных» заявок, поданных в Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий в 2008 году, только 2% соответствуют общепринятым для венчурных фондов формальным требованиям с точки зрения технологического и экономического обоснования [2]. В 2009 году разработку и внедрение техно-

логических инноваций осуществляли 9,4% общего количества предприятий российской промышленности, что значительно ниже значений, характерных для Германии (71,8%), Бельгии (53,6%), Эстонии (52,8%), Финляндии (52,5%) и Швеции (49,6%). В 2008 году доля произведенных ими товаров и услуг в общемировых объемах экспорта высокотехнологичной продукции гражданского назначения составила 0,25 % (в 2003 году - 0,45%), что несравнимо меньше доли таких стран, как Китай (16,3%), Соединенные Штаты Америки (13, %) и Германия (7,6%) [3].

По данным Центра исследований и статистики науки (ЦИСН), менее 10% российских промышленных предприятий ведут разработку и внедрение технологических инноваций. Недостаточный уровень инновационной активности усугубляется низкой отдачей от реализации технологических инноваций и тенденцией к ее снижению. На 1 руб. технологических затрат в 2009 году приходилось 2,4 рубля инновационной продукции против 5,5 рубля в 1995 году. Затраты на технологические инновации организаций промышленного производства составили в 2009 году 358,9 млрд. рублей (0,9% к валовому внутреннему продукту) [3].

К сожалению, инновации в России не востребованы бизнесом, который использует лишь 8–10% инновационных идей и проектов (в США – 62%, в Японии – 95%). Более 70% всех изобретений нацелено на поддержание или незначительное усовершенствование существующих, в основном устаревших видов техники и технологий. Только 1/3 создаваемых образцов новых типов машин и оборудования обладает охранными документами на промышленную собственность, 75% не имеют сертификатов качества и безопасности. [2] В рейтинге тысячи крупнейших компаний мира, осуществляющих исследования и разработки, Россия представлена только тремя компаниями – открытым акционерным обществом «Газпром» (108-е место по абсолютному объему затрат на исследования и разработки, доля затрат на исследования и разработки в выручке – 0,6%), открытым акционерным обществом «АВТОВАЗ» (758-е место, 0,8%) и открытым акционерным обществом «СИТРОНИКС» (868-е место, 2,6%). Это в 6–10 раз меньше, чем в компаниях-мировых лидерах соответствующих отраслей. [4]

Роль малого бизнеса в инновационном развитии экономики. Конкурентоспособность инновационных систем, по мнению исследователей Опоры России, основывается на факторах, стимулирующих развитие инноваций, к которым относятся состояние системы образования; превращение научных и технических идей в новые продукты и бизнесы; инновационные способности компаний; потенциал сотрудничества, стимулы и инфраструктура; спрос и диффузия инноваций; институты и государственное управление [5]. Значительные преимущества в инновационном развитии имеет малый бизнес. Малые предприятия обладают большей возможностью быстрого создания и реинжиниринга товаров и услуг, способных ответить на требования новых рынков, быстро осваивают новые организационные модели для снижения затрат и внедряют новые технологии для увеличения продаж. Малое предпринимательство не только способствует совершенствованию производства и управления, обеспечивает инновационные процессы в экономике, но и порождает спрос на новые разработки, обеспечивая непрерывный прогресс. Инновационный потенциал малого бизнеса обусловлен его экономической и технологической гибкостью в реализации новых идей, позволяющей реагировать на требования рынка.

Поэтому около 30–60% малых и средних предприятий Евросоюза и США относятся к инновационным, играя ключевую роль в развитии новой продукции и новых рынков в отраслях высоких технологий. [6] Эффективность малых и средних фирм в инновационной деятельности экономически развитых стран определяется следующими показателями: на \$1 затрат в НИОКР они внедряют почти в 20 раз больше нововведений и разработок, а количество нововведений, приходящихся на одного научного сотрудника в 4 раза выше, чем в крупных организациях. Инновационная активность специалистов, занятых в сфере малого бизнеса (относительное количество патентов, выданных на одного работника), почти в 16 раз превышает аналогичный показатель для крупных предприятий. По данным Международной организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в настоящее время на долю малых инновационных предприятий в промышленно развитых странах приходит-

ся: 30% объема научных исследований и разработок, 20% всех создаваемых новшеств и более 50% получаемых патентов, хотя доля расходов вышеназванных субъектов на нововведения составляет лишь 4–5% [7].

Вклад российских малых компаний в инновации находится на очень низком уровне, в пределах статистической погрешности. Например, доля малых предприятий в затратах фирм на НИОКР в обрабатывающей промышленности составляет всего около 2,1%. В США, Германии, Италии она превышала 5%, а в таких странах, как Канада, Великобритания, Испания и Финляндия оставляла более 10% [2]. В структуре торговли технологиями российских малых предприятий преобладают инжиниринговые услуги (85% экспорта и 53% импорта), на долю патентов, лицензий и ноу-хау приходится лишь 3% суммарного объема экспорта и 7% – импорта [7].

Одним из способов включения в создание инновационной экономики вузов является создание хозяйствующих субъектов бюджетными научными и образовательными учреждениями «в целях практического применения результатов интеллектуальной собственности» (подобные законы действуют во Франции – 8 лет, в США – 30 лет). На основании базы данных учета уведомлений о создании хозяйственных обществ в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2009 № 217-ФЗ на 26 января 2011 г. было занесено 725 хозяйственных обществ, из которых 708 было создано в 159 вузах и 17 – на базе 15 НИИ. По результатам интеллектуальной деятельности 53,77% предприятий занимаются патентами, 31,43% – «know how», производством программ для ЭВМ – 22,5%, разработкой базы данных – 2,93%. Но четвертая часть всех созданных предприятий на базе высших учебных заведений в 2010 г. размещались в трех регионах России: Москва – 11,5%, Томская область – 7,3%, Красноярский край – 6,1%). Вузы и НИИ 25 субъектов России в 2010 г. не реализовали свое право на создание малых инновационных предприятий в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2009 № 217-ФЗ [8].

В малом бизнесе России наиболее распространены инновации в обрабатывающих производствах, 4,3% предприятий которых осуществляли в 2009 году технологические инновации; удельный вес инновационных

товаров и услуг в данной сфере деятельности составил 1,5%. По данным Госкомстата РФ, в 2009 году самые высокие показатели инновационной активности среди малых предприятий (без учета микропредприятий) имели предприятия химической промышленности и по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования (11,3% и 10,9% в удельном весе предприятий; 4,0% и 5,4% в удельном весе инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг при средних показателях по РФ для малых предприятий около 4% и 1% соответственно). [9] Структура реализуемых инноваций в малом бизнесе характеризуется преобладанием продуктовых инноваций (62,3%) над процессными инновациями (36,7%). Основным направлением для 68,2% предприятий является приобретение машин и оборудования; внедрение новых технологий осуществляют лишь 8,6% предприятий. Это отражается и в распределении инвестиций: в объеме затрат более 2/3 приходится на текущие инвестиции, а на капитальные вложения (долгосрочные инвестиции) – менее 1/3 [10].

Поэтому основных целевых показателей Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года, характеризующих развитие малого инновационного бизнеса, так и не удалось достичь. В 2006 году межведомственная комиссия по научно-инновационной политике Министерства образования и науки Российской Федерации планировала устойчивый рост малых инновационных предприятий (с ежегодным приростом их числа до 85 к 2011 году и до 120 к 2016 году, при этом ежегодный прирост рабочих мест в малых и средних предприятиях технологического профиля составляет не менее 10% в год. Но в действительности к 2010 году произошел не прирост, а убыль малых инновационных предприятий (рис. 1).

Наиболее значительны потери предприятий анализируемой категории – в Уральском, Центральном и Северо-Западном Федеральных округах. Но при этом округа страны, позже начавшие развивать малое инновационное предпринимательство, демонстрируют тенденция к росту (рис. 2).

Специфичным отличием деятельности малого бизнеса РФ от аналогичного в развитых странах является его весьма слабое участие в разработке и производстве на-

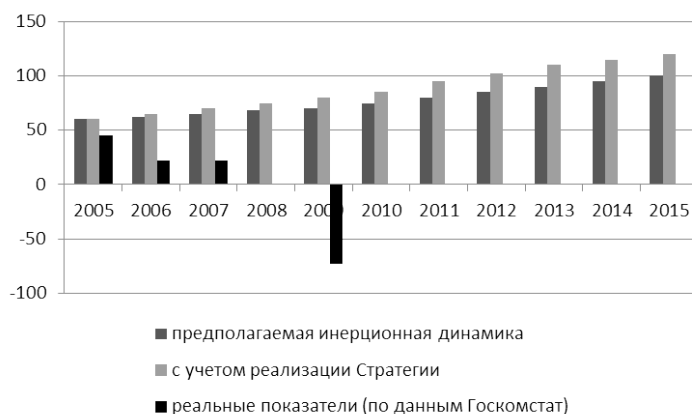

Рис. 1. Прирост числа малых инновационных предприятий (единиц в год) (по материалам Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года и данным Госкомстат) [1,9]

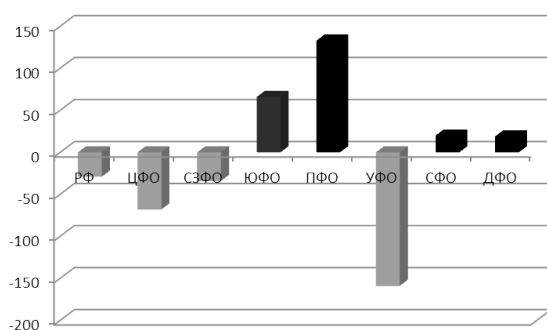

Рис. 2. Динамика числа малых инновационных предприятий по округам РФ за 2009 г. (единиц в год) [составлено авторами по данным Госкомстата РФ]

укоемкой продукции. Ситуация, складывающаяся в сфере деятельности малого научно-исследовательского предпринимательства в России, является критической и характеризуется негативной тенденцией к сокращению. Если в 1999 году на предприятия, работающие в сфере науки и научных исследований, приходилось 4,2% всех предприятий малого бизнеса и 1,9% от числа занятых малым предпринимательством, то к 2009 году данные показатели сократились до 0,76% и 0,8% соответственно. В 1999 году малые научно-исследовательские предприятия производили 2,6% от общего объема произведенной продукции малых предприятий, а в 2009 г. оборот предприятий, занимающихся научными исследованиями и разработками, составил 0,4% от всего оборота малых предприятий [11].

Региональные различия в уровне развития малого научно-исследовательского предпринимательства РФ. Особенности функционирования малого научно-исследовательского предпринимательства в регионах РФ определили значительные различия в его развитии по федеральным округам страны. Самые высокие показатели развития малого научно-исследовательского предпринимательства характерны для субъектов Центрального и Северо-Западного федеральных округов, отличающихся не только высоким уровнем развития малого предпринимательства, но и в целом уровня социально-экономического развития. Самые низкие показатели отличают малое предпринимательство Южного, Сибирского и Дальневосточного округов (табл. 1).

Ярко выраженные региональные диспропорции имеют научные исследования в сфере

Таблица 1

*Показатели развития малого научно-исследовательского предпринимательства (МНИП)
России по федеральным округам (2009 г.)*

Федеральные округа	Доля МНИП в общей численности МП, %	Доля занятых МНИП в общей численности занятых МП, %	Удельный вес оборота МНИП в малом бизнесе, %	Оборот МНИП на одно предприятие, млн. руб.	Оборот МНИП на одного работающего, млн. руб.	Плотность МНИП (на 1000 жителей)	Доля занятых в МНИП от среднегодовой занятости населения, %
Россия, в т.ч.:	0,76	0,63	0,44	6,06	1,14	0,086	0,085
Центральный	1,07	0,9	0,58	7,46	1,21	0,137	0,156
Северо-Западный	0,89	1,0	0,6	5,39	1,03	0,172	0,158
Приволжский	0,62	0,44	0,33	5,19	0,99	0,059	0,058
Южный	0,57	0,31	0,17	3,00	0,85	0,042	0,03
Уральский	0,55	0,57	0,43	9,68	1,59	0,061	0,069
Сибирский	0,5	0,3	0,23	3,35	1,03	0,053	0,033
Дальневосточный	0,31	0,08	0,04	0,99	0,67	0,032	0,008

Расчитано авторами по данным Госкомстата [9].

малого предпринимательства и по всем важнейшим показателям его функционирования. В 2009 году лишь в 5 субъектах РФ в отраслевой структуре малого бизнеса на *научно-исследовательские предприятия* приходилось более 1% (в 2008 году таких регионов было 6): самые высокие показатели имеют Томская обл. (1,8%), г. Москва (1,6%), Калужская обл. (1,2%), г. Санкт-Петербург (1,2%) и Московская обл. (1,1%). Показатель доли выше или равного среднероссийскому имеют еще шесть субъекта – республика Татарстан (0,9%), Нижегородская области (0,9%), Башкортостан (0,8%), Воронежская обл. (0,8%), Астраханская обл. (0,8%), республика Северная Осетия (0,8%). [11] Практически все эти регионы – крупные центры науки и образования страны, отличающиеся высоким уровнем внедрения инноваций в экономику.

В то же время, в 58 регионах России доля научно-исследовательских предприятий не превышает 0,5%. А в 7 субъектах данные показатель составляет лишь 0,1% (Псковская обл., Кировская обл., Сахалинская обл., респ. Хакасия, Чеченская республика, Еврейская автономная область Камчатский край). Отсутствуют предприятия малого бизнеса в области научных исследований и разработок в Ненецком автономном округе и республике

Калмыкия. В Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе работает всего по одному научному предприятию малого бизнеса.

Для России характерно неравномерное территориальное распределение *количества малых научных предприятий*: в 2009 году 42% от всех в стране приходилось на Центральный федеральный округ. Почти 44% всех малых научных предприятий расположено в г. Москве и г. Санкт-Петербурге. На 10 субъектов, лидирующих по количеству научно-исследовательских предприятий, приходится около 68% всех предприятий такого рода в малом бизнесе.

Уровень занятости в малом научно-исследовательском бизнесе РФ имеет еще более низкие значения: средний уровень в стране – 0,6% в 2009 году Самая высокая занятость в данной сфере (более 1%) зарегистрирована в регионах со значительным количеством технопарков и наукоградов, высоким уровнем развития оборонно-промышленного комплекса: г. Санкт-Петербург, Московская обл., г. Москва, Новгородская, Томская и Калужская области. Только в 10 регионах России зарегистрированы показатели занятости в научно-исследовательском бизнесе выше среднероссийской, еще в 4

они соответствуют средним по стране. В 17 субъектах количество занятых настолько незначительно, что они близки к 0% [12].

Наиболее безрадостная ситуация сложилась с **показателем оборота малых научных предприятий**, который составлял в РФ всего 0,4% от общего оборота компаний малого бизнеса в 2009 году. Более 1% приходится на оборот малых научных предприятий Томской (1,6%) и Тюменской областей (без автономных округов – 1,2%). В 16 субъектах РФ значения данного показателя превышают 0,5% (преимущественно это регионы Центральный и Уральский федерального округа: от 0,9% в Воронежской области до 0,5% в Ямало-Ненецком автономном округе). На долю 4 регионов-лидеров по рассматриваемому показателю приходится около 70% от общероссийского оборота малых научных предприятий, занятых научно-исследовательскими разработками.

В 27 регионах (преимущественно Южно- и Дальневосточного федеральных округов) показатели работы данной сферы малого бизнеса крайне низки – оборот научных предприятий составляет менее 0,1 % от всего оборота предприятий малого бизнеса региона. Экономика данных регионов характеризуется отставанием в социально-экономическом развитии, для них характерны низкая эффективность хозяйственной деятельности, слабый научно-технический потенциал, малоразвитая социальная сфера.

Абсолютными же лидерами являются г. Москва (30% от оборота такого рода предприятий малого бизнеса.), Санкт-Петербург и Московская область (по 14,5%), Свердловская (почти 10%). Поэтому около 68% оборота малых предприятий приходится на субъекты Центрального и Северо-Западного федеральных округов.

Типы регионов России по уровню развития малого научно-исследовательского бизнеса. Сопоставление региональных показателей уровня развития малого научно-исследовательского предпринимательства явились основой для выделения типов регионов России. В основе выделения – принцип многопризнаковой типологии, позволивший выявить типы регионов страны, характеризующих развитие малого научного предпринимательства, и провести анализ пространственных различий его развития в России.

Для комплексной характеристики развития малого научного бизнеса в субъектах Российской Федерации был использован ряд показателей, каждый из которых в определенной мере позволяет судить об уровне его развития. Эти показатели определяют не только роль научных предприятий в малом бизнесе регионов (уровень занятости от общей численности занятых малым бизнесом, доля предприятий от общего числа малых предприятий) и их финансовые показатели (доля оборота от общего оборота предприятий малого бизнеса, оборот малых научных предприятий на одного занятого и на одно предприятие), но отражают общую картину развития малого предпринимательства в стране и регионах (уровень занятости малым научным бизнесом от экономически активного населения, обеспеченность малыми научными предприятиями на 1000 жителей). Все показатели рассчитаны на основе статистической информации Росстата 2009 г. [9]: были определены отклонения значений всех вышеперечисленных статистических показателей от среднероссийского, затем присвоены соответствующие баллы для каждого показателя и подсчитаны суммарные баллы по всем показателям для каждого субъекты РФ, а в итоге проведены ранжирование и группировка регионов страны.

Совокупный анализ этих статистических показателей позволил выделить 5 типов (групп) регионов по уровню развития малого научного предпринимательства (рис 3.) [13].

Самый **высокий уровень развития малого научного бизнеса** (1 группа) характерен для регионов с высоким уровнем развития научного комплекса, крупнейшими технопарками и технико-внедренческими зонами (Москва, Санкт-Петербург, Московская обл., Томская обл.). Для малого научного бизнеса этих регионов характерна самая высокая доля занятых, удельного веса и оборота предприятий, занимающихся научно-техническими разработками, в общих показателях развития малого бизнеса в регионах. Четыре региона данного типа концентрируют более 53% общего числа малых научных предприятий, около 59% общей численности занятых малым научным бизнесом и более 61% оборота рассматриваемого вида предприятий.

В группу регионов **с уровнем развития малого научного бизнеса выше среднего** вошли также 4 региона (Калужская обл.,

Рис. 3. Уровень развития малого научного бизнеса в регионах России (2009 г.).
Составлено авторами

Респ. Башкортостан, Новгородская обл., Тюменская обл.). Несмотря на то, что к данному типу относятся менее 5% общей численности регионов России, на его долю приходится около 5% общего числа малых научных предприятий, более 7% общей численности занятых малым научным бизнесом и более 8% оборота. Хотя в Калужской области малое научное предпринимательство характеризуется высокими показателями, низкие средние значения оборота предприятий, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, не позволили войти региону в первый тип. В Башкортостане и Тюменской области напротив именно высокие финансовые показатели работы малых научных предприятий определяют их место в данной группе. Для Новгородской области на фоне средних показателей развития малого предпринимательства в целом, характерны высокие показатели доли занятых малым научным бизнесом, что определило ее место во второй группе.

Средний уровень развития малого научного предпринимательства характеризует третью группу. В нее вошли 11 регионов России (около 13% регионов), на долю которых приходится 13,9% общего количества предприятий, 14,9% общей

численности занятых, 17% оборота малых научно-технических предприятий. Это малые предприятия Уральского (Свердловская обл., Челябинская обл., Ямало-Ненецкий автономный округ) и Приволжского федеральных округов (Респ. Чувашия), а также индустриально высоко развитые субъекты Центрального (Воронежская, Нижегородская, Тверская, Ярославская обл.), Поволжского (Респ. Татарстан) и Северо-Западного (Ленинградская обл.) округов.

Для всех регионов третьей группы характерны высокие показатели развития малого предпринимательства в целом. Так в них значительна доля промышленных предприятий в отраслевой структуре малого бизнеса. Инфраструктура развития малого научного предпринимательства развита и представлена во всех регионах инновационно-технологическими центрами, региональными представительствами фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и рядом других. Малые научные предприятия регионов этой группы отличаются с одной стороны относительно высокими показателями оборота предприятий, но, с другой, относительно невысокими структурными показателями (доля научных предприятий в структуре ма-

лого бизнеса, плотность предприятий, доля занятых малым научным бизнесом).

Уровень развития малого научно-технического предпринимательства ниже среднего (4 группа) демонстрируют 26 субъектов России (31%), основная часть которых расположена в Центральном, Приволжском и Сибирском федеральных округах. В структуре экономики данных регионов значительно место агропромышленного комплекса (Курская обл., Ростовская обл., Волгоградская обл., Орловская обл., Белгородская обл., Респ. Марий Эл) или горнодобывающей промышленности (Астраханская обл., Респ. Коми, Кемеровская обл., Ханты-Мансийский автономный округ), для которых инновационная составляющая менее значима. На долю регионов России данной группы приходится менее 20% количества, менее 15% занятых и 12% оборота малых инновационных предприятий.

К 5 группе регионов с крайне *низкими показателями развития малого научно-технического бизнеса* относится 36 субъектов РФ (43% регионов), расположенных преимущественно в пределах Северо-Кавказского, Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного округов. На долю данной группы приходится 8,5% малых научных предприятий страны, 4,3% занятых данным видом предпринимательства, и лишь 1,4% от оборота малых научных предприятий. Следует отметить, что в 21 субъекте, которые характеризуются наиболее низким социально-экономическим развитием, оборот на одно предприятие настолько незначителен, что в статистической отчетности Росстата составляет 0, а в 8 регионах из них и оборот на одного работающего тоже равен 0. Это означает, что в четвертой части регионов России малые научные предприятия созданы, но фактически не функционируют.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в малом инновационном бизнесе РФ, показывает, что его место и значение в экономическом развитии страны резко отстает от зарубежных аналогов. При этом, анализ динамических показателей его развития в стране в последнее десятилетие выявил негативные тенденции уменьшения значений его деятельности по всем важнейшим показателям.

Пространственный анализ развития малых научно-исследовательских предприятий

позволил определить крайнюю дифференциацию его развития в регионах России. Президент Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» Борисова С.Р. считает, что главной причиной такой ситуации является то, что малый бизнес в промышленности и технологиях России сегодня существует сам по себе, а из инфраструктурных достижений в сфере поддержки малого бизнеса можно пока говорить только о бизнес-инкубаторах, но это – не промышленность, а площадки для стартующего бизнеса, и успешный старт не является гарантией дальнейшего развития [14].

По мнению президента Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) О.Усковой, причина низкой эффективности реализации российских инновационных разработок – в отсутствии единой сбалансированной государственной инновационной политики и независимой системы профессионального контроля. Современный малый бизнес России занят преимущественно решением проблемы своего существования, а не инновациями. Главной целью деятельности для 31,6% малых предприятий является выживание предприятия, для 53,9% – сохранение достигнутых позиций, конкурентоспособности, и лишь 14,4% – экспансия предприятия (развитие, захват рыночных ниш) [15].

Инновационная активность современных малых предприятий России не отвечает в должной мере приоритетам инновационного развития экономики. В качестве факторов, сдерживающих развитие инновационной деятельности и реализацию социально-экономической роли малых предприятий в формировании НИС, эксперты отмечают внешние факторы: налоговая система (63,9%), низкая доступность кредитов (48,5%), неразвитость инновационной инфраструктуры (39,7%); в числе внутренних факторов выделяют недостаток финансовых средств (5,3%), высокий уровень износа основных фондов (31,2%) и недостаточную квалификацию персонала (28,9%) [14]. Кроме того, в качестве основных нерешенных проблем, затрудняющих функционирование НИС, указывают «на фрагментарность элементов инновационной инфраструктуры, слабое развитие материальной базы, преобладание прямых

директивных методов регулирования инновационной деятельности, разрешительный порядок и сложность регистрации малых инновационных предприятий, непроработанность принципов дифференциации уровня налогообложения и предоставления инновационных льгот в зависимости от типа предприятий, недостаточность осуществления организационно-методических, материально-технических, финансовых и информационно-консультационных функций поддержки малого бизнеса».

Несмотря на последовательные призывы руководства страны к переходу на инновационный курс развития, Россия продолжает

значительно отставать от развитых стран в данной сфере, более того, этот разрыв увеличивается. Дальнейшее развития малого инновационного бизнеса возможно в условиях активного взаимодействия развития крупного среднего и малого бизнеса и включения первого в инвестирование деятельности малых инновационных предприятий в регионах с высоким уровнем развития данного типа предпринимательства. В регионах с крайне низкими показателями развития малого научно-исследовательского бизнеса необходимо определить наиболее конкурентоспособные направления и предприятия для адресной поддержки.

Библиографический список

1. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года. (утверждена межведомственной комиссией по научно-инновационной политике Министерства образования и науки Российской Федерации. февраль 2006 г.) URL: <http://mon.gov.ru/work/nti/dok/>
2. Мельник И.В. В надеждах на господдержку. Эксперт-Сибирь, № 50 (237). URL: <http://expert.ru/siberia/2008/50/innovacii/>
3. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. (Распоряжение правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г.) <http://mon.gov.ru/files/materials/4432/11.12.08-2227r.pdf>
4. Мельник И.В. Инновации: сверху или снизу? (Кому нужны инновации государству или бизнесу) // Expert Online, 6 октября 2011 г. <http://expert.ru/2011/10/6/nnovatsii-sverhu-ili-snizu/>
5. Конкурируя за будущее сегодня: новая инновационная политика для России. http://opora.ru/upload/Reserch/OporaRossii-2010_Konkuriruya.pdf
6. Мамонтова Н.Г. Роль и масштаб малых инновационных форм предпринимательства в странах ЕС и США: научные труды. Ин-т народохоз. прогнозирования РАН. – М., 2009. – С. 161–176.
7. Леденев В.В. Развитие системы управления малыми инновационными предприятиями в процессе интеграции с крупными бизнес-структурами. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2011.
8. Муравьева М. Уроки для вузовских бизнесменов. // http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=36747
9. Малое и среднее предпринимательство в России. 2010: Стат.сб. / Росстат. – М., 2010.
10. Махмудова М.М. Инновационная активность малых предприятий на современном этапе экономического развития // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010 г. № 2 (11). – URL: <http://vestnik.uapa.ru/issue/2010/02/11/>
11. Крейденко Т.Ф., Миронова М.Н. Малое предпринимательство: современные особенности, региональные диспропорции и тенденции развития // Региональная экономика. – 2011. – № 32 (215). – С. 12–20.
12. Крейденко Т.Ф. Миронова М.Н. Современные особенности развития инновационного малого предпринимательства России // Наука и образование XXI века: Материалы V-й Международной научно-практической конференции (28 октября 2011 г., СТИ, г. Рязань). В 2-х томах: Т. 2. «География и экология» / Под общей ред. проф. А.Г. Ширяева; З.А. Атаев, А.В. Барановский. – Рязань, СТИ, 2011. – С. 181–188.
13. Крейденко Т.Ф. Миронова М.Н. Региональные особенности развития малого научно-исследовательского бизнеса на современном этапе // Инновационное развитие и экономический рост: Материалы V Международной научной конференции. Москва, РУДН, 3 ноября 2011 г. – М.: РУДН, 2011. – С. 413–420.
14. Борисов С.Р. «Малый бизнес в развитии промышленности и технологий», доклад на Форуме ОПОРЫ РОССИИ // http://www.opora.ru/files/Actual_topic/Forum_2007/Borisov-forum-2007-doklad.pdf
15. Махмудова М.М. Инновационная активность малых предприятий на современном этапе экономического развития // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010 г. № 2 (11). - URL: <http://vestnik.uapa.ru/issue/2010/02/11/>

Н.Н. Розанова (Смоленск)

РЕПУТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ОЦЕНКА¹

Rosanova N.N.

REPUTATION OF THE REGIONAL AUTHORITIES: THE ESSENCE, CONTENT, EVALUATION

Аннотация. В статье актуализирована проблема репутации региональной власти. Представлены результаты социологического исследования по оценке репутации смоленской власти, определению населением собирательной категории «региональная власть» и выявлению ее содержательных характеристик. Предложен авторский подход к выделению трех существенных блоков характеристик репутации власти: ключевые (обобщающие), институциональные и деятельностные.

Summary. In article the problem of reputation of the regional authorities is actualized. Results of sociological research on an evaluation of reputation of the Smolensk authorities, definition by the population of collective category «the regional power» and identify its substantial characteristics are presented. The author's approach to allocation of three essential blocks of characteristics of reputation of the authorities is offered: key (generalizing), institutional and activity.

Ключевые слова: региональная власть; репутация; ключевые, институциональные, деятельностные характеристики репутации; оценка репутации.

Key words: regional authorities; reputation; key, institutional, activity characteristics of reputation; the evaluation of reputation.

Качественное изменение формата коммуникаций приводит к тому, что в политическом пространстве все чаще более эффективными оказываются не иерархические, а сетевые формы политических организаций. Нормальному функционированию социально-политических сетей в России мешает коммуникационный разрыв «власть - народ», затрудняющий становление гражданского общества. Этот разрыв может быть компенсирован целенаправленным формированием высокого уровня репутации власти как важнейшей составляющей национального символического капитала. Проблемы формирования и продвижения имиджа и репутации зачастую трактуются исследователями с позиции определения стратегических приоритетов развития страны (региона) и даже формулировки национальной идеи [1; С. 4]. Стратегический характер обозначенной проблемы обусловлен стратегией развития демократического государства, когда отношения всех политических акторов должны строиться на партнерской основе.

В то же время, существует проблема невысокого уровня репутации власти, актуализированная данными последних как между-

народных, так и российских социологических исследований, подтверждающих низкий уровень доверия различным институтам власти. Данная проблема требует комплексных исследований ведущих научных и экспертных организаций нашей страны и должна быть в числе приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации.

Однако в настоящий момент не разработана научно-обоснованная комплексная, взаимоувязанная по всем направлениям программа формирования позитивных имиджа и репутации власти. А отдельные мероприятия, проводимые часто в отрыве от реальности, не приносят желаемого эффекта. Необходима разработка и реализация самостоятельной концепции управления имиджем и репутацией отечественной власти, основой которой должны стать научные представления и прикладные исследования.

В данной статье приводятся результаты социологического исследования по изучению репутации власти на региональном уровне на примере Смоленской области (анкетный опрос, г. Смоленск, ноябрь 2011 г. – январь 2012 г.; 165 респондентов, жители города). Объектом оценки являлась как власть в целом,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оценка репутации региональной власти», проект № 11-12-67007 а/Ц.

так и конкретные должностные лица и органы областной, а также муниципальной власти: губернатор Смоленской области; Администрация и органы исполнительной власти (ОИВ) Смоленской области; Смоленская областная Дума; Глава г. Смоленска; Администрация г. Смоленска; Городской совет г. Смоленска.

Следует заметить, что особый интерес представляет оценка и соизмерение друг с другом не только репутации отдельных уровней власти, но и собирательной категории «региональная власть».

Исследователи отмечают, что проводимые социологические опросы, как правило, не включают вопрос о доверии власти в целом. Вопросы формулируются иначе: доверяете ли вы тем или иным институтам государственной или муниципальной власти? Доверяете ли вы конкретным политикам? Объяснение социологов такое: власть

в целом – это абстракция. Она состоит из конкретных людей и институтов, а потому и доверие якобы может быть только к конкретным людям и институтам. Но такая позиция не совсем верна [2]. В сознании обычного человека, как правило, репутационные характеристики разных властных органов и должностных лиц «накладываются» друг на друга и важно выяснить, в какой степени их конкретная оценка влияет на целостное восприятие власти, какой уровень власти как бы «тянет» за собой остальные. С другой стороны, необходимо также определить, какие органы власти являются основой восприятия гражданами региональной власти.

Респондентам был задан специальный вопрос по выяснению того, какие органы власти смоляне подразумевают под понятием «региональная власть» как на областном, так и на муниципальном уровнях (табл. 1).

Таблица 1

Органы власти, отождествляемые с понятием «региональная власть»

Органы власти	Процент
только органы исполнительной власти	31,5
органы исполнительной и законодательной власти	39,4
органы исполнительной, законодательной и судебной власти	1,8
органы законодательной и судебной власти	0,6
только органы законодательной власти	3,03
органы исполнительной и судебной власти	0,6
уникальные ответы	9,7
пропущенные	13,35

Итак, совокупные результаты ответов респондентов свидетельствуют о том, что под региональной властью смоляне, в первую очередь, подразумевают органы исполнительной власти как главный субъект властных полномочий по отношению к населению региона, большую роль играют также и органы законодательной власти.

Ключевые характеристики репутации региональной власти. Автором предложена оценка репутации региональной власти по ряду характеристик.

Они были разделены на две принципиальные части: институциональные (профессиональные – внутренние характеристики самой власти) и деятельностные (социально-экономические, политико-правовые и морально-психологические). Также было допущено предположение о наличии четырех обобщающих, ключевых характеристик ре-

путации власти (результативность деятельности власти, доверие населения, «служение народу» – социальная ориентация власти, идентификация населения и власти – единство целей, ценностей, интересов).

Методика оценки состояла в следующем: сначала был предложен ряд характеристик репутации, из которых выбирались самые значимые, по мнению населения. Затем они оценивались.

Таким образом, по результатам проведения данной стадии оценки субъективного восприятия репутации определяются те характеристики власти, которые, по мнению населения, создают ее репутацию. То есть выявляется своего рода «идеальный набор» существенных характеристик репутации власти, по которым далее оценивается реальный уровень репутации региональной власти. Все эти характеристики затем были оценены для каждого из уровней власти.

Институциональные характеристики репутации власти – это качественные характеристики самой власти, отражающие ее обобщенное целостное восприятие населением; преимущественно они являются довольно абстрактными категориями.

Вопрос к респондентам на выявление ключевых институциональных характеристик звучал следующим образом: «Какие из перечисленных характеристик, на Ваш взгляд, в наибольшей степени создают репутацию власти?». Из 31 предложенной характеристики было необходимо выбрать не более 10 вариантов.

Респонденты отметили следующие приоритетные институциональные характеристики, создающие репутацию власти:

- результативность деятельности власти
- доверие населения
- неподкупность (отсутствие коррупции)
- ориентированность на нужды населения («служение» народу)
- честность
- ответственность
- профессионализм представителей власти
- выполнение взятых обязательств
- взаимодействие с населением
- единство целей, ценностей и интересов власти и населения (идентификация).

Результаты опроса показывают, что из четырех проектируемых ключевых характеристик власти все вошли в число десяти самых важных. Тем ни менее только две из них – *результативность и доверие* названы в числе первых и их действительно можно считать *ключевыми обобщающими характеристиками*, которые как бы аккумулируют в себе все остальные.

С явным отрывом лидирует результативность власти, т.е. для населения – репутация власти – это, прежде всего, результаты ее деятельности. Конечно, доверие занимает вторую по значимости позицию, но отстаёт почти на 20%! Данный вывод представляется довольно важным, поскольку позволяет уточнить расхожее как в публицистике, так и научной литературе, отождествление понятия репутации с доверием. Репутация – это не просто доверие, а, прежде всего, доверие, основанное на реальных результатах деятельности власти.

Теперь вернемся ко второму блоку характеристик репутации региональной власти.

Деятельностные характеристики репутации власти – это качественные характеристики власти, отражающие результативность её деятельности, они вполне конкретны. Вопрос к респондентам на выявление ключевых деятельностных характеристик звучал следующим образом: «Выберите, пожалуйста, 10 наиболее важных действий власти, которые, на Ваш взгляд, лучше всего могут способствовать формированию ее хорошей репутации у населения». Всего было предложено 29 вариантов.

Респонденты отметили следующие приоритетные деятельностные характеристики репутации региональной власти:

- создание условий для достойной жизни
- создание возможностей для трудоустройства
- обеспечение доступности и качества медицинского обслуживания
- забота о состоянии ЖКХ, качестве и доступности коммунальных услуг
- создание условий для получения достойного и стабильного дохода населения
- обеспечение социальной защищенности граждан
- забота об уровне развития экономики территории (города, посёлка, области)
- обеспечение доступности и качества жилья
- обеспечение доступности и качества образования
- забота об общественной и личной безопасности

Таким образом, мы видим, что население, в первую очередь, связывает репутацию власти с социально-экономическими результатами ее деятельности, обеспечивающей как бы «минимальный» набор условий для нормальной жизни.

Результаты опроса показывают, что с явным перевесом – в 15% – лидирует характеристика репутации – *«создание условий для достойной жизни»*.

Фактически это тоже *обобщающая ключевая характеристика репутации власти* деятельностного блока, аккумулирующая различные потребности и интересы населения, реализация которых позволяет судить о результативности деятельности власти.

Таким образом, мы видим, насколько все три ключевые характеристики репутации власти, выбранные респондентами, отражают суть ее понимания населением.

Выводы, полученные эмпирическим путём, соотнесём с результатами психологических исследований. Анализируя психологическую сущность репутации, Фокин В.В. приходит к следующим выводам. «Доверие возникает не благодаря каким-то хитроумным механизмам психики, а благодаря тому, что существует изначально **форма поведения** (*выделено мной – Р.Н.*), вызывающая доверие. Положительный опыт взаимодействия с такой формой поведения выступает в роли положительного подкрепления. В течение некоторого времени при опыте взаимодействия, которое будет всегда подкрепляться доверительным поведением, мы будем испытывать доверие к социальному субъекту, придерживающемуся такой линии стратегии... Поведение субъекта определяет степень доверия к нему со стороны объекта... Первично поведение, вызывающее доверие. Репутация, фактически можно считать, разновидностью доверия или ее частным случаем. ... Репутация возникает в условиях повторяющегося цикла удовлетворения потребности» [2; С. 22–24].

В контексте нашего исследования формой поведения, вызывающей доверие, как раз и является результативная деятельность региональной власти по удовлетворению потребностей населения, имеющая опыт (чаще – долгосрочный) положительного подкрепления. В этом случае следует говорить о положительной репутации. Если отсутствуют результаты деятельности власти, должным образом удовлетворяющие потребности населения, соответствующие его ожиданиям, то формируется недоверие власти и, соответственно, ее отрицательная репутация.

В свете вышесказанного, наряду с «классическим» разделением репутации по знаку направленности на положительную и отрицательную, представляется необходимым уточнить понятие «положительная репутация» и ввести понятие «должной» репутации власти, которое, на наш взгляд, раскрывает сущность и цели формирования репутации наиболее полно.

«Должная» репутация власти – репутация, отражающая высокую, отвечающую современным актуальным социальным запросам, степень соответствия государственной (муниципальной) политики потребностям, интересам, ценностям общества и личности. То есть, должная репутация показывает максимальный уровень «сближения» действий

власти с объективными тенденциями, закономерностями и формами общественной жизнедеятельности, свидетельствует о том, насколько эффективно политика органов власти воплотилась в реальную жизнь, в сознание, поведение и деятельность людей, в состояние управляемых объектов.

Итак, с учетом трех ключевых обобщающих характеристик репутации власти, определенных самими гражданами, мы можем уточнить понятие **«репутация региональной власти»** – *рационально осознанное, глубинное, устойчивое мнение населения о власти, вызывающее чувство доверия, основанное на результативной деятельности власти по удовлетворению интересов и потребностей граждан в создании условий для достойной жизни.*

Мы выяснили те характеристики репутации региональной власти, которые смоляне считают приоритетными, т.е. определили, что вкладывают смоляне в это понятие, теперь перейдем к результатам их оценки населением.

Оценка характеристик репутации власти проводилась по 6-ти балльной шкале и показала неутешительные результаты (0 баллов – власть вообще не обладает данной характеристикой, 5 баллов – обладает в полной мере).

По всем значимым, с точки зрения населения, репутационным характеристикам, власть оценивается крайне низко, в среднем на уровне 2-х баллов (в диапазоне от 1,25 до до 3,28 баллов). При этом немаловажным представляется тот факт, что наименее значительные, по мнению смолян, характеристики репутации власти (забота о внешней привлекательности и узнаваемости) получили максимальные баллы, а ключевые характеристики – минимальные. Неутешительная для смоленской власти оценка отдельных характеристик репутации находит свое подтверждение и в результатах общей оценки репутации должностных лиц и органов государственного и муниципального управления (диаграмма 1).

Немного лучше муниципальной выглядит репутация областной власти. При этом относительно более высокий уровень репутации у губернатора (средний балл по 6-ти балльной шкале – 2,05). Репутация Администрации, ОИВ Смоленской области и Смоленской областной Думы находится на одном уровне – 2,04 балла. Самые худшие показатели – у Городского совета – 1,87. Репутация Главы г. Смоленска – 1,90, Администрации г. Смоленска – 1,94.

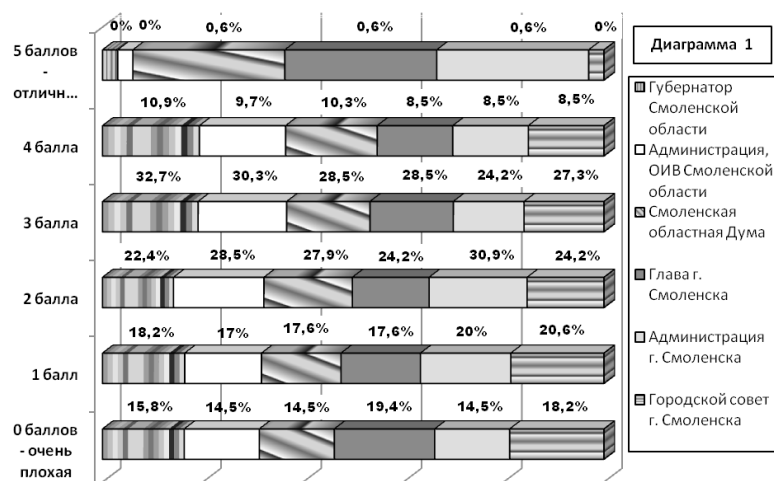

Диаграмма 1. Оценка репутации органов власти, должностных лиц жителями г. Смоленска

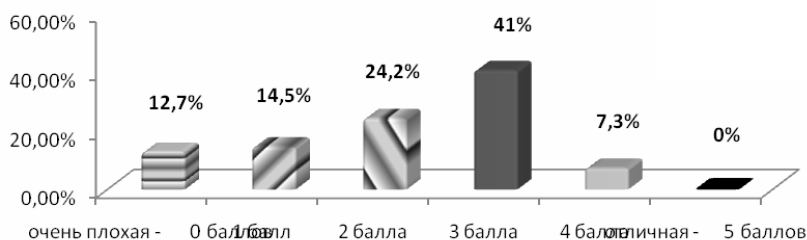

Диаграмма 2. Оценка репутации региональной власти в целом жителями г. Смоленска

Интересным представляется сравнение результатов оценки населением репутации по отдельным органам власти, должностным лицам и по региональной власти в целом (диаграмма 2).

Сопоставление данных диаграмм 1 и 2 показывает, что репутация региональной власти в целом немного выше (средний балл – 2,15), чем конкретных органов власти и должностных лиц, особенно это касается крайне негативных оценок репутации (0 и 1 балл). Таким образом, репутация некой абстрактной, совокупной смоленской власти чуть-чуть лучше конкретной, но и та и другая остается очень низкой.

Итак, невысокая в целом репутация смоленской власти, диктует необходимость целенаправленной работы по ее улучшению. Задача проведенного исследования, в том числе, заключается в попытке привлечения внимания региональной власти к проблеме создания положительной репутации, поскольку ее отсутствие в значительной степени препятствует взаимодействию с населением, формированию высокого уровня доверия и поддержки населением принимаемых управленческих решений, активности граждан и их участию в жизни региона.

Библиографический список

1. Важенина И.С. Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Екатеринбург, 2008. – 41 с.
2. Казин Ф. А. «Голосуют, и хорошо...» Проблема доверия к власти в России // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35980>
3. Фокин В.В. Социально-психологические факторы управления репутацией: дис. ... канд. псих. наук. – М., 2009. – 106 с.

Н.А. Шитова (Ставрополь)

ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ¹

Shchitova N.A.

THE POST-SOVIET TRANSFORMATION OF RURAL LIFE OF THE STAVROPOL TERRITORY

Аннотация. Экономические реформы 1990-х гг. привели к архаизации сельского образа жизни, распространению пассивных форм социально-экономической адаптации селян, многократно усилили периферизацию сельской местности Ставропольского края. В последнее десятилетие постреформенного периода наметились тенденции формирования новых механизмов и стратегий экономического поведения населения, оказывающих заметное влияние на диверсификацию социальной структуры сельского социума и трансформацию его образа жизни.

Annotation: The 1990th economic reforms led to an archaize of a rural way of life, distribution of passive social and economic forms adaptation of peasants, having repeatedly strengthened a peripherally of rural areas of Stavropol Territory. In the last decade the postreform period tendencies of formation of new mechanisms and strategy of economic behavior of the population, making appreciable impact on a diversification of rural society social structure and transformation of its way of life were outlined.

Ключевые слова: образ жизни, сельская местность, социально-экономическая адаптация, модели экономического поведения, территориальное неравенство.

Key words: lifestyle, rural, social and economic adaptation, the models of economic behavior, territorial inequality.

Глубокая трансформация российского общества в конце 20 века изменила структуру его социальной организации, практически полностью перестроила отношения в хозяйственной сфере. Формирование рынка, дифференциация собственности, земельные реформы особенно болезненно сказались на сельской местности и сельском хозяйстве, привели к общему ухудшению качества жизни сельского населения. В Ставропольском крае спад в сельском хозяйстве сопровождался снижением конкурентоспособности имеющихся промышленных предприятий и происходил на фоне стремительного ухудшения его геополитического положения. В результате, как показывают разнообразные рейтинги и экспертные оценки социально-экономического развития, Ставрополье основательно застряло в группе регионов-аутсайдеров.

В лаборатории народонаселения и ГИС Ставропольского государственного университета более 20 лет ведутся мониторинговые исследования образа жизни сельского населения Ставропольского края, включающие проведение выборочных социологических опросов населения, глубинные интервью с экспертами, анализ статистических данных,

ежегодных отчетов об итогах деятельности государственных и муниципальных учреждений. Использование различных источников информации позволило достаточно полно и объективно оценивать изменения, происходящие в сельской местности края.

Системный кризис, охвативший сельскую местность в 1990-е годы, во многом трансформировал уклад жизни сельского населения, связанного с работой в крупных сельхозпредприятиях и привел к резкому снижению уровня жизни. Часть сельхозпредприятий практически прекратила функционировать, доходность других резко снизилась. Новые владельцы далеко не всегда были заинтересованы в развитии сельскохозяйственного производства. Многие предприятия оказались в собственности пришлых хозяев (чаще всего Москвы, Ростова, Санкт-Петербурга), использующих виртуальные формы руководства и не проявляющих интереса к социальному развитию села. Кризис в сельском хозяйстве сопровождался ростом бедности, разрушением социальной инфраструктуры, архаизацией образа жизни.

Практически во всех селах доля населения с высоким уровнем благосостояния

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 12-06-00241-а)

приближалась к нулю, а общее число бедных сельчан в два-три раза превышало количество таких лиц в городах. Ситуация в сельском Ставрополье была значительно тяжелее, чем в среднем по России: по данным ВЦИОМ (2003 г.) доля бедного населения в российских сёлах составляла примерно 25,6%, а в ставропольских, по данным наших обследований, она достигала 63%.

Низкий уровень благосостояния, слабо выраженные процессы урбанизации способствовали воспроизводству традиционных моделей бытового поведения, ориентированных на ведение натурального хозяйства. Личное подсобное хозяйство в сельской домашней экономике из вспомогательного вида трудовой деятельности становится одним из важнейших источников получения доходов. Более 20% сельского населения края указывали этот источник в качестве одного из основных в структуре доходов, а для некоторой части населения (от 6 до 10%) это был единственный источник получения средств к существованию. Одним из способов выживания стала сдача в наём земельных паёв. Среди регионов Юга европейской части России Ставропольский край занимает первое место по данному виду доходов. По материалам переписи населения 2002 г., сдавали землю в аренду 2,3% ставропольских сельчан (в среднем по Югу России – 0,7%, в Краснодарском крае – 0,6%, Ростовской области – 1,3, Карачаево-Черкесской Республике – 0,2%).

Деградикация предприятий торговли в сельской местности, рост цен на продукты и товары первой необходимости способствовали росту бытовой мобильности. Степень подвижности менялась в зависимости от места жительства, материального положения, модели потребительского поведения. Однако практически все слои сельского населения трудоспособного возраста (кроме категории лиц крайне низкого уровня благосостояния), выезжали за приобретением необходимых товаров, что давало возможность немного сэкономить. Жители малых сельских поселений еженедельно или даже ежедневно делали покупки в более крупных – центрах сельских администраций или районных центрах. Несколько реже они посещали магазины и рынки Ставрополя или других близлежащих городов (за исключением жителей пригородных районов, которые пользова-

лись городскими торговыми предприятиями значительно чаще). Один-два раза в год сельчане выезжали для покупки одежды, обуви и других товаров длительного пользования на региональные оптово-розничные рынки. Трансформация социально-экономических условий жизни привела к практически полной деградации системы бытового обслуживания в сельской местности. Фактическая ликвидация сферы бытового обслуживания обусловила развитие небольшого полутеневого «сектора частных услуг». На дому за небольшую плату оказывали парикмахерские, швейные, медицинские и другие услуги.

Ухудшение социально-экономической ситуации неизбежно привело к упадку культурно-бытового обслуживания, резко затормозило развитие культурных и рекреационных потребностей населения. Из повседневной жизни сельчан практически исчезли многие ранее популярные виды культурной деятельности. Прервалась традиция регулярных киносеансов, проведения концертных мероприятий, оскудел библиотечный фонд. Повсеместно деградировали главные центры культурной жизни – дома культуры. Усиление барьерной роли экономических факторов снизило доступность городских объектов культуры для всех сельских жителей. Перемещение проблем экономического порядка в приоритетах населения на первый план, отодвинуло рекреационные интересы. Продолжительность отдыха, разнообразие видов рекреационной деятельности заметно сократились. Преобладали пассивные виды досуга, приуроченные к месту жительства, зачастую рекреационное время тратилось на работу в подсобном хозяйстве.

Многолетняя зависимость материального положения населения от заработной платы, обусловила преобладание пассивного типа экономического поведения. Однако, наиболее инициативная, хотя и немногочисленная часть сельского населения, предприняла попытки самостоятельного выхода из кризиса. Первой реакцией на отсутствие рабочих мест стало стремление найти их в других регионах не только Ставрополья, но и России. Уже в 1990-е годы первые трудовые мигранты, представленные челноками и отходниками, начали выезжать на заработки.

Постепенно складывался «неформальный» сектор сельской экономики. Появились частные предприниматели и фермеры.

По данным выборочных обследований, проводимых автором, в новом частном секторе сельского Ставрополя в первой половине 2000-х гг. было занято около 13% населения. Некоторая часть селян «нашла убежище» в полутеневом секторе экономики и стала заниматься оказанием услуг на частной основе.

Распространению новых форм социально-экономической адаптации способствовал приток в край большого количества мигрантов, вынужденных действовать более активно, а зачастую и более продуктивно.

Появившиеся поведенческие новации позволили части сельского населения «вписаться» в непростую действительность и улучшить свое положение. Зародившиеся стратегии социально-экономической адаптации постепенно приобрели более ясные черты и оказали заметное влияние на трансформацию социальной структуры сельского социума.

В последние десять лет можно говорить о том, что сектор сельских предпринимателей сформировался. Общее их количество составляет около 20% от общей численности занятых в экономике. Правда почти 80% занято в торговле и сфере услуг, в сельском хозяйстве трудятся не более 10%. За счет малого бизнеса расширяется сеть магазинов, предприятий общественного питания, автозаправочных станций, станций технического обслуживания. В сфере бытового обслуживания появились новые и совершенно не характерные в прошлом для сельской местности виды деятельности. Например, такси, которые осуществляют перевозки, как внутри сел, так и в пределах края, существенно дополняя, а иногда и заменяя общественный транспорт. Несмотря на трудности (нехватку техники, инвентаря; сложности с удобрением, горючим, семенами; противоречивость или неисполнимость законов, недостаток навыков самостоятельного хозяйствования; трудности сбыта продукции; высокие платежи за землю, налоги, трудности получения кредитов), имеются примеры успешных КФХ. Преобладающей сферой хозяйственной деятельности фермеров является растениеводство (выращивание пшеницы, подсолнечника). Деятельность фермеров оценивается экспертами из числа управленцев и предпринимателей позитивно. Представители районных администраций считают, что в целом, большинство хозяйств успешны и вносят весомый вклад в разви-

тие экономики села. Сами предприниматели указывают, что не все хозяйства одинаково благополучны: чем крупнее фермерское хозяйство, чем больше у него работников, тем больше шансов для стабильности.

Владельцы крестьянско-фермерских хозяйств составляют около 10% сельских жителей (вместе с членами их семей это не более 20–25% селян). Для основной массы крестьянства ведущей формой социально-экономической адаптации остается работа в личном подсобном хозяйстве, которое есть у большинства сельских жителей края (почти 90%), реализацией продукции, полученной в ЛПХ, занимаются около 64% домохозяйств. Однако роль и место ЛПХ в сельском образе жизни меняется. С одной стороны, примерно половина респондентов считают, что этот вид деятельности позволяет только выживать и не приносит существенного роста материального благосостояния, поэтому при улучшении экономической ситуации размеры ЛПХ будут сокращаться, а многие вообще откажутся от его ведения. С другой стороны, очевидно, что отдельные личные подсобные хозяйства в последние годы существенно трансформировались. В первую очередь усилилась их товарность. Основу товарной продукции в ЛПХ составляют молоко (70%) и мясо (70%). Не всегда заметна разница между фермерскими и такими личными хозяйствами, по размерам и величине производимой продукции они вполне могут быть сопоставимы. Особенно большие ЛПХ характерны для восточных и северо-восточных районов края, где в частных хозяйствах сосредоточено большое количество овец и крупного рогатого скота. Крестьяне специально производят продукцию только на продажу. При этом они используют различные способы повышения производительности, в том числе кормовые добавки, стимуляторы роста и др. Произведенную продукцию сдают либо на перерабатывающие предприятия, либо посредникам. Сами селяне непосредственно сбытом продукции занимаются редко. В последнее время на так называемых «колхозных» рынках в городах трудно встретить самого производителя.

Не сокращаются масштабы трудовой миграции. Ею охвачено 27% экономически активного населения, причем, более 80% зарабатывают за пределами Ставропольского края (причем не только в России, но

и за рубежом. – в Испании, Греции, Италии, Кипре). По мере обустройства трудовых мигрантов на новых местах работы, многие из них остаются там, на постоянное место жительства. Опросы подтверждают готовность взрослого населения пополнить армию мигрантов в ближайшее время. Вместе с тем в крае ощущается существенная нехватка квалифицированных кадров, практически, во всех отраслях. Особенно остра нехватка агрономов, зоотехников, врачей, работников культуры и др.

За последнее время усилились процессы дифференциации населения по доходам и уровню материального благосостояния. По результатам самоидентификации населения по уровню материального положения доля бедного населения составляет 30–35%, а состоятельного – не более 5–7%. Примерно 16% селян считают, что они «живут хорошо, без особых материальных проблем» (это около 5 тыс. руб. в месяц на одного члена семьи). Однако около 20% «едва сводят концы с концами» или живут за гранью бедности (менее 1 тыс. руб. в месяц на человека). Мнения экспертов в основном совпадают с данными массовых опросов. Большинство из них считают, что доля состоятельного населения в крае составляет около 7%, причем большая их часть сосредоточена в крупных населенных пунктах, но бедных, по их мнению, в половину меньше. Если же судить по косвенным признакам – обеспеченности населения новационными дорогостоящими предметами быта (около 40% респондентов имеют компьютеры, почти 25% – спутниковые антенны, более половины – автомобили), финансовой активности (более 60% берут кредиты в банке, примерно четверть имеют денежные вклады) – то возможно, что результаты самоидентификации несколько занижают реальный уровень благосостояния. Одновременно большая часть опрошенных (почти 40%) указали на улучшение своего материального положения в последние годы и только 15% считают, что оно ухудшилось. Благодаря утверждению новых моделей экономического поведения в сельской местности сформировался слой населения, который с определенной долей условности можно относить к «среднему классу». Группа наиболее обеспеченного населения включает сельских бизнесменов, фермеров, семьи, в которых есть трудовые мигранты.

Неравенство населения по уровню жизни имеет и пространственный аспект. Так по величине доходов Ставропольский край занимает среднее место относительно других субъектов Юга России и уступает по величине заработной платы таким регионам, как Краснодарский край, Волгоградская, Ростовская и Астраханская области. Территория самого края по уровню материального положения достаточно явно разделена – восточные районы очевидно проигрывают западным и по уровню заработной платы, и по уровню доходов. В более выгодном положении находятся пригородные районы и районы, в которых имеются промышленные предприятия. Разница между максимальной и минимальной средней заработной платой достигает почти 3 раз. Увеличивается разрыв между продвинутыми и безнадежно отставшими сельскими поселениями внутри даже относительно успешных районов. Большая часть благополучных в материальном отношении людей проживают в районных центрах, где доля состоятельного населения возрастает до 22%, а позитивные изменения в своем благосостоянии отмечают уже 57% жителей. В наиболее неблагоприятной ситуации находятся малые населенные пункты (менее 500 чел.), поселения, удаленные от основных транспортных магистралей.

Несмотря на положительную динамику в уровне материального положения и относительную успешность новых экономических стратегий, в целом адаптационная активность населения остается низкой. Общая пониженная экономическая инициативность населения сочетается с отсутствием специализированных навыков ведения собственного дела, сложностью процедурных и организационных вопросов, отсутствием поддержки со стороны властных структур, а главное, психологической неготовностью населения к активной предпринимательской деятельности. Понижена социальная мобильность, не сформирована готовность к приложению усилий для повышения своего благосостояния. Более 30% опрошенных неудовлетворены своим профессиональным и карьерным ростом, тем не менее, искать новую работу, или что-то менять в своей жизни для изменения ситуации, они не собираются. В качестве мер, предпринимаемых для повышения своего благосостояния, около 18% респондентов указали непродуктивные

способы – случайные заработки, временные подработки, заработки без оформления трудовых отношений. Не используются возможности получения доходов от обработки собственного земельного пая, его либо сдают в аренду, либо продали.

Важнейшим препятствием на пути к выходу из кризиса является низкий уровень профессионализма сельского менеджмента. Муниципальная власть слаба и не владеет навыками хозяйствования, предпринимательства и сотрудничества с разными собственниками. В целом, опросы экспертов из числа районной администрации показывают, что на управленческом уровне господствуют иждивенческие подходы, пассивное ожидание государственного вмешательства или «добротного дяденьки», которые и решают все местные проблемы. Муниципальные образования не научились пока зарабатывать сами, поэтому средств на реализацию инвестиционных программ, финансовых ресурсов у администрации нет. Основными источниками собственных доходов местных бюджетов являются отчисления от налога на доходы физических лиц, единый налог на вмененный доход и земельный налог. Таким образом, очевидно полная зависимость муниципальных бюджетов от уровня занятости населения и развития малого бизнеса, к которому власти далеко не всегда благосклонны.

За счет экспансии частного бизнеса улучшилось торговое обслуживание населения. В последние годы построены современные магазины, которые по интерьерам, качеству обслуживания, насыщенности товарами не уступают городским, активно продвигаются сети продовольственных магазинов, например «Магнита».

Повсеместно снизилась востребованность стационарных телефонов за счет фантастически быстрого распространения сотовой телефонной связи. Заметен рост компьютерных услуг. По данным социологических опросов обеспеченность мобильными телефонами достигает 94%, доля владельцев персональных компьютеров составляет 40%, а пользователей Интернетом – 17%. Мощным фактором продвижения компьютерных технологий стала повсеместная интернетизация школ, повлиявшая на уровень информационной культуры не только школьников, но и других слоев общества.

Следует отметить появление некоторых ростков позитива в развитии сельской местности, связанных с деятельностью сельской интеллигенции из сферы образования и культуры. Благодаря активности учителей, библиотекарей, работников культуры на базе школ, Домов культуры, районных библиотек создаются творческие коллективы, клубы по интересам, музеи, другие центры культурной жизни, через которые продвигаются современные социокультурные практики. Именно здесь зарождаются элементы региональной идентичности, которые при соответствующей поддержке могли бы оказать цементирующее воздействие на сельское сообщество.

В полиэтничных районах края отмечаются элементы этнической самоорганизации населения, в отличие от моноэтнических районов русского заселения. Так именно в поселениях со сложным этническим составом достаточно активно действует казачество, пропагандируя свои исторические ценности и развивая самосознание казаков. Сохраняются и поддерживаются этнические связи в чеченской, даргинской, греческой и других общинах, в некоторых этнических поселениях действует институт старейшин, культивируется проявление этнокультурной идентичности. Наряду с усилением этнической идентичности народов, проживающих в крае, повсеместно не развита общероссийская идентичность. Всего лишь 8% респондентов идентифицируют себя как россияне. Безусловно, любое сообщество может иметь сложную структуру и состоять из отдельных коллективов (в том числе и с национальной окраской), «вписанных» в ту или иную эколого-хозяйственную нишу, но объединенных едиными интересами. Однако опросы показывают, что интеграции населения на базе общих территориальных интересов не происходит. Жителями своего района или населенного пункта считают себя только 6% опрошенных. 14% респондентов не любят населенный пункт, в котором живут, почти 40% затруднились ответить на этот вопрос. Свое село не любят потому, что оно неблагоустроено (20%), в нем живет много завистливых, недружелюбных, плохих людей (20%) или нет работы (20%).

Анализ сдвигов в образе жизни сельского населения Ставропольского края за последние десятилетия позволяет выявить основ-

ные тенденции в социальной трансформации южнороссийского села.

1. Снижение уровня бедности в сельской местности, фиксируемое статистикой, является следствием эффекта «средней температуры по больнице» и связано с процессами расслоения населения. В селах появилась относительно состоятельная страта населения, представленного местными предпринимателями, фермерами, владельцами крупных ЛПХ. Одновременно материальное положение бедного населения, особенно живущего в неперспективных населенных пунктах, ухудшилось. Данные процессы способствуют накоплению дисбаланса между базовыми ценностями и интересами разных слоев населения – сельской бизнес-элиты, местной власти, сельской интеллигенции и беднейшего крестьянства.

2. Усиливается внутрирегиональное территориальное неравенство. Населенные пункты даже внутри одного муниципального района оказались в разном положении. Мелкие населенные пункты, особенно те, которые расположены в стороне от основных транспортных магистралей, стремительно деградируют. Здесь свертывается социальная инфраструктура, усиливается внутренняя миграция, нарастают социальные девиации. Факторами, способствующими социально-экономическому развитию, улучшению качества жизни, более быстрому распространению новационных моделей поведения являются крупноселенность, выгодное транспортно-географическое положение, выполнение поселением центральных функций, грамотный менеджмент.

3. В крупных селах отмечается диффузия бытовых новшеств в виде проникновения

сетевых торговых предприятий, появления новых видов услуг (такси, мобильная связь и др.) интернетизации. У населения появились возможности выбора различных моделей поведения и стратегий социально-экономической адаптации. Как отмечают большинство респондентов и экспертов из числа руководящей элиты, положительная динамика в экономическом развитии села связана почти исключительно с развитием торговли и появлением предприятий малого бизнеса. Перспективной точкой роста, по их мнению, могла бы стать промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья.

4. Возрастает роль управленческого аппарата в позитивных социально-экономических трансформациях сельской местности. В настоящее время налицо отставание сельского менеджмента в применении современных методов управления. Сочетание патернализма с бесхозяйственностью, неспособностью к кооперации ведут к неспособности преодолевать аморфность сельского социума, искать инвестиционно привлекательные стратегии продвижения своей территории.

5. Слабая региональная идентичность населения сдерживает развитие общероссийской самоидентификации. Низкая доля аборигенного населения, доминирование переселенческой ментальности не способствуют становлению укорененности, формированию общих интересов. Жители не отождествляют себя с территорией проживания, и не чувствуют себя членами единой территориальной общности, что, безусловно, могло бы не только стать важным ресурсом социально-экономического роста, но и послужить опорой формирования гражданского общества.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Д.И. Марахов (Москва)

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ТУРЦИИ

Marakhov D.I.

EVOLUTION'S STAGES OF TURKEY'S TRANSPORT SYSTEM

Аннотация. В статье выделены основные этапы формирования транспортной системы Турции: 1 – доминирование железных дорог (1900–1950-е гг.); 2 – переходный (1960–1970-е гг.); 3 – автомобильно-морской.

Abstract. Next evolution stages of Turkey's transport system are revealed: 1 – railway age (beginning of 20th century – the end of 1950-ties); 2 – transitional (1960–1970-ties); 3 – domination of road and sea transportation.

Ключевые слова: Турция, транспортная система, плотность сети дорог, портовая инфраструктура.
Kew words: Turkey, transport system, road network density, port infrastructure.

Для понимания особенностей эволюции транспортной системы Турции были изучены основные тенденции изменения каждого вида транспорта за более чем столетний период, начиная с 1900 года по начало XXI века, а затем выделены этапы формирования транспортной системы страны в целом.

Автомобильный транспорт. Ко времени заключения Лозаннского мирного договора (1923 г), когда на обломках Османской империи была провозглашена Турецкая республика, протяженность безрельсовых сухопутных дорог страны составляла 18.335 км, из которых 4 тыс. км находились в удовлетворительном состоянии [5, 1].

С 1923 по 1948 г. протяженность гужевых и автодорог выросла с 18 тыс. до 45 тыс. км [1]. Большинство дорог с асфальтовым покрытием было построено в годы Второй мировой войны с учетом военно-стратегических целей [1, 6]. По территории страны они были распределены неравномерно [1]. Основная часть дорог с твердым покрытием была сосредоточена в районах Анкары, Стамбула, Измира, Восточной Фракии и у кавказской границы [1, 3, 6]. Большая по размерам территория на юго-востоке почти не имела дорог и оставалась изолированной от основных центров страны [1, 3].

К концу 1970-х гг. шоссейные дороги связали все основные порты с внутренними районами: вдоль Черноморского побережья Турции от порта Инеболу до Хопа была проложена шоссейная дорога, связавшая почти все приморские города на этом направлении; по средиземноморскому побережью – дорога от Анталы до Мерсина [2, 11].

Крупнейшими узлами сухопутных безрельсовых дорог, идущих с запада на восток, стали Анкара и Конья. Среди магистралей широтного направления наиболее важное экономико-стратегическое значение имели дороги Измир–Денизли–Анталья–Адана–Урфа–Нусайбин и далее в Сирию и Ирак; Измир–Афьон–Карахисар–Конья–Кайсери–Малатья–Диярбакыр–Ван – далее в Иран; Чанаккале–Бурса–Эскишехир–Анкара–Сивас–Эрзинджан–Эрзурум–Агры – иранская граница; Эдирне–Стамбул–Анкара–Сивас (с ответвлением на Самсун–Трабзон)–Эрзурум–Агры. В долготном направлении выделялись шоссе Эдирне–Чанаккале–Измир; Стамбул–Эскишехир–Анталья; Зонгулдак–Анкара–Конья–Силифке; Самсун–Кайсери–Тарсус; Трабзон–Элязыг–Малатья–Искендерун; Трабзон–Элязыг–Диярбакыр–Кызылтепе [11].

Автомобильная магистраль Ипсала–Текирдаг–Стамбул–Эскишехир–Конья–Адана–Искендерун–Антакья стала трассой международного значения, составив часть туристической дороги, идущей через территорию ряда средиземноморских стран [11].

Турция была связана транзитными шоссейными дорогами со всеми соседними странами, за исключением Советского Союза, с которым связь осуществлялась по грунтовым дорогам (Борчка–Батуми, Ардаган–Ахалцихе, Карс–Ленинакан, Игдыр–Эчмиадзин) [11]. С Ираном Турцию связали два шоссейных пути: северный от Эрзурума через Агры – Догубаязит к Маку (на иранской территории) и южный от Диярбакыра через Битлис–Башкале–Шивелян–Юксекова на Баджирге (на иранской территории) [11]. С Сирией автодорожная связь осуществляется по направлениям Антакья–Халеб, Килис–Халеб через Кызылтепе и Нусайбин [11]. Этот путь послужил также связующим звеном между Турцией и Ираком [11]. На западе, в Восточной Фракии, Турция была связана шоссе с Грецией (в направлении Ипсала–Фере) и у Эдирне – с дорогами, идущими в Грецию и Болгарию [11].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. построены черноморские и средиземноморские шоссе вдоль узких прибрежных равнин, окаймляющих Турцию. На территориях, тяготеющих к Стамбулу, было построено несколько автострад: Стамбул–Измит (93 км) и Стамбул–Силиври (46 км) [2]. Автобусное сообщение в этот период стало играть в Турции важную роль в перевозках пассажиров [2]. Большинство междугородных автобусных линий обслуживалось частными компаниями [2].

На сегодняшний день сеть автострад в Турции сконцентрирована в районах крупнейших городов – Стамбула, Анкары, Измира и Аданы. Основными автострадами страны являются внутреннее и внешнее кольца вокруг Стамбула, Эдирне–Стамбул; Стамбул–Анкара, кольцо вокруг Анкары; кольцо вокруг Измира; Измир–Чешме; Измир–Айдын; Адана–Газиантеп, Адана–Искендерун, Адана–Мерсин, Османийе–Искендерун [10, 13].

Территорию Турции пересекают трансевропейские автомагистрали E691, E80, E881, E84, E87, E89, E90, E91, E95, E96, E96, E97, E98, E99 [13]. Большинство из них проходит через северные и северо-западные районы страны.

Изменения основных параметров транспортной системы страны в течение XX в. отражены в табл. 1.

Анализируя значения грузооборота и пассажирооборота автомобильного транспорта Турции с 1952 г. по 2009 г., становится очевидным, что роль автомобильного транспорта в грузовых перевозках возрастала более быстрыми темпами, чем в пассажирских: за 57 лет объем грузооборота увеличился в 133,78 раза, а пассажирооборота – только в 33,36 раза. За последние 12 лет темпы роста объемов и грузо- и пассажирооборота снизились: если с 1952 г. по 1962 г. объем грузооборота вырос в 3,75 раза, а пассажирооборота – в 2,29 раза, то с 1997 г. по 2009 г. – только в 1,21 и 1,12 соответственно. Это объясняется тем, что уровень насыщенности дорог автотранспортом близок к оптимальному. Отчасти это подтверждает и анализ динамики численности легковых, грузовых автомобилей и автобусов. Более динамичный рост размера грузооборота можно объяснить реформами Т. Озала начала 1980-х годов, в результате которых экономика страны стала более открытой и начала развиваться динамичнее.

Для определения динамики плотности сети автомобильных, гужевого и автодорог с твердым покрытием были рассчитаны значения коэффициента Энгеля за 1923–2009 гг. (см. табл. 2).

Значения коэффициента Энгеля для протяженности всех автомобильных и гужевого дорог в 1923–1972 гг. росли равномерно, увеличиваясь примерно вдвое за каждый временной отрезок. В 1972–2009 гг. он вырос в 1,14 раза. Подобное замедление роста значений коэффициента Энгеля свидетельствует о том, что в Турции почти достигнут максимальный уровень насыщенности территории автодорожной сетью. Экспансия сети по территории завершается и основной задачей становится уже не строительство новых, а усовершенствование сети существующих дорог.

Что касается дорог с твердым покрытием, то расчет коэффициента Энгеля для сети этих дорог является бессмысленным из-за различий в учете их протяженности за разные годы.

Железнодорожный транспорт. К моменту провозглашения Турецкой республики на ее территории действовали железные дороги Анатолийско–Багдадская (2061 км), Касабская (700 км), Айдынская (610 км), Арпа-

Основные показатели работы автомобильного транспорта Турции
в 1920–2000-е гг.

Показатели	1923 г.	1952 г.	1962 г.	1972 г.	1987 г.	1997 г.	2009 г.
Протяженность сети всех автодорог, км	18.335	50.801	105.540	226.675	277.500 ¹	259.398 ²	362.660
в том числе – протяженность сети сельских автодорог, км	–	12.743	79.140	166.055	218.300	200.897	298.405
в том числе – протяженность сети автодорог, подведомственных Генеральному управлению автодорог, км	–	38.058	26.400	60.620	59.200	58.501	64.255
в том числе - протяженность сети государственных дорог, км	–	35.230	31.000	30.926	31.271
в т.ч. – протяженность сети региональных автодорог	–	25.390	28.200	27.575	30.948
в т.ч. – протяженность скоростных автострад, км	–	–	–	–	–	...	2.036
в т.ч. – протяженность сети автодорог с твердым покрытием, км	–	26.481	59.000	124.737	274.067	259.398	323.493
Число легковых автомобилей, тыс.	...	23,9	60,7	205,0	600 (начало 1980-х)	3059 (1995)	
Число грузовых автомобилей, тыс.	...	24,7	73,3	179,9	...	719 (1995)	
Число автобусов, тыс.	...	5,5	16,4	46,5	...	263 (1995)	585,086 (включая микроавтобусы)
Грузооборот, млн. т-км	...	1.319	4.940	19.400	...	145.400	176.455
Пассажирооборот, млн. пасс.-км	...	6.369	14.600	52.800	...	189.200	212.464

Составлено по [1, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 18]

¹ Учитывались сельские дороги только с твердым покрытием

² Учитывались дороги только с твердым покрытием

Таблица 2

Динамика значений коэффициента Энгеля для протяженности всех автомобильных и гужевых дорог Турции и протяженности дорог с твердым покрытием в 1923–2009 гг.

Годы	Площадь страны, км ²	Население, млн. чел.	Общая протяженность автомобильных и гужевых дорог, км	Коэффициент Энгеля для сети автомобильных и гужевых дорог	Протяженность дорог с твердым покрытием, км	Коэффициент Энгеля для сети дорог с твердым покрытием
1923	774.880	12,532	18.335	0,059
1952	780.580	21,952	50.801	0,123	26.481	0,064
1962	780.580	28,931	105.540	0,222	59.000	0,124
1972	780.580	37,133	226.675	0,421	124.737	0,232
1987	780.580	52,000	277.500 ¹	–	274.067	0,430
1997	780.580	64,500	259.398	–	259.398	0,366
2009	780.580	73,500	362.660	0,479	323.493	0,427

Составлено по [1, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18]

чай – Эрзурум (356 км), Восточная (338 км), Мерсин – Адана (67 км), Муданья – Бурса (41 км); общая протяженность их сети составляла 4173 км [1, 13].

В период с 1923–39 гг. были построены важные в экономическом и стратегическом отношении железные дороги Анкара – Кайсери (380 км), Кайсери – Сивас (222 км), Сивас – Самсун (378 км), Сивас – Эрзурум (547 км), Малатья – Четинкья (140 км), Малатья – Элязыг (121 км), Элязыг – Диярбакыр (183 км), Малатья – Февзипаша (251 км), Богазкепрю – Кардешгедиги (172 км), Ирмак – Зонгулдак (415 км), Кютахья – Балыкесир (276 км), Афьон-Карахисар – Каракую (112 км), Бурдур – Эгридир (84 км). Благодаря этому города Кайсери (1927 г.), Сивас (1930 г.), Малатья (1931 г.), Нигдэ (1933 г.), Элязыг (1934 г.), Диярбакыр (1935 г.) и Эрзурум (1939 г.) были подсоединены к национальной ж.-д. сети [1]. В конце 1940 г. в связи с включением области Хатай в состав Турции к ее железнодорожной сети присоединена небольшая железная дорога Топраккале – порт Искендерун. В 1939–1957 гг. проложен всего 481 км новых железных дорог [1].

В табл. 3 показаны изменения основных параметров железнодорожной системы Турции в течение XX в.

В 1923–1970-е гг. объемы грузооборота и пассажирооборота были сравнительно небольшими, почти равновеликими и росли медленно, т.к. сказывалась конкуренция со стороны автомобильного транспорта. На-

чиная с 1980-х гг. размер грузооборота стал расти более быстрыми темпами, а пассажирооборот, существенно увеличившись в эти же годы, затем начал медленно снижаться. Увеличение грузооборота в 1980-е гг. было связано с проведением реформ Т. Озала, вызвавших экономический рост Турции. Падение популярности железнодорожного транспорта у пассажиров можно объяснить технической изношенностью и отсталостью и, соответственно, низким уровнем скоростей и обслуживания этого вида транспорта с конца 1980-х – начала 1990-х годов. Этот спад вынудил руководство железных дорог начать в 1990-е гг. техническую модернизацию инфраструктуры (в т.ч. электрификацию), что позволило в 2000-е гг. увеличить скорость ж.-д. сообщения [13].

В 2000-х гг. началось строительство высокоскоростных железных дорог: первая линия Анкара–Полатлы–Эскишехир открыта в 2009 г.; сейчас сооружаются линии Анкара–Полатлы–Конья, Анкара–Сивас–Карс, Анкара–Полатлы–Измир, Бурса–Османили, Стамбул–Эдирне [20].

Анализ динамики протяженности железных дорог Турции проведен на основе коэффициента плотности Энгеля за соответствующие годы. Он учитывает плотность населения страны. Проанализировав, как работает данный показатель, мы пришли к выводу, что следует использовать данные не о численности населения страны, а о количестве перевезенных пассажиров.

³ Неполный учет, поэтому значения коэффициента за 1987 г. и 1997 г. не рассчитывались.

Основные показатели работы железнодорожного транспорта Турции
в 1900–2000-е гг.

Показатели	Начало XX в.	1923 г.	1952 г.	1960 г.	1970 г.	1987 г.	1998 г.	2009 г.
Протяженность сети железных дорог, км	3.931	4.173	7.598	7.895	8.161	8.439	8.607	9.083
в т.ч. – электрифицированных, км	–	–	–	28	272	567	2.065	2.670
Число паровозов, шт.	280	...	992	929	848	...	8	–
Число тепловозов, шт.	–	–	30	54	124	...	376	550
Число электровозов, шт.	–	–	–	3	3	...	55	64
Пассажирские вагоны, шт.	720	...	1.587	1.316	1.251	...	793	990
Грузовые вагоны, шт.	4500	...	15.018	15.635	16.219	19.940	17.286	17.607
Скоростные поезда	–	–	–	–	–	–	–	7
Перевезено грузов, млн. т	19,222	14,2	...	13,9	...	21,81
Перевезено пассажиров, млн. чел.	60,322	96,8	...	129,9	99,000	80,092
Грузооборот, млн. т-км	...	0,28	3.646	4.632	4.800	7.404	8.504	10.326
Пассажирооборот, млн. пасс.-км	...	0,3	3.145	4.396	4.600	6.174	6.116	5.374

Составлено по [1, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 18, 20]

Измененный коэффициент мы назвали модифицированным коэффициентом Энгеля, в отличие от традиционного коэффициента Энгеля, давно используемого в географии транспорта. Мы рассчитали значения обоих показателей Энгеля с использованием значений плотности населения и плотности подвижного населения.

Из табл.4 видно, что значения традиционного коэффициента Энгеля (Ктрад.) немного выше значений модифицированного коэффициента Энгеля (Кмод.). Значения обоих коэффициентов варьируют от года к году незначительно. При этом, если значения Ктрад. изменяются от 0,018 до 0,012 (округленно от 0,02 до 0,01), то значения Кмод. кластеризуются вокруг значения 0,01. Динамика значений Ктрад., возможно, отражает основные этапы развития железнодорожного транспорта Турции – бурный экстенсивный рост сети до 1950-х гг., затем стагнацию сети, объясняющуюся постепенным насыщением территории страны сетью железных дорог. Анализ значений Кмод. позволяет сделать вывод о том, что здесь наблюдаются колебания различных значений коэффициента

вот круг константы, что свидетельствует о проявлениях пространственной самоорганизации населения в сложившейся конфигурации ж.-д. сети страны.

Морской транспорт. После распада Османской империи на территории современной Турции осталось несколько крупных и много мелких морских портов [5, 1]. Новому турецкому государству пришлось создавать новые порты и расширять старые [1]. К началу Второй мировой войны оно выкупило у иностранцев все предприятия, обслуживавшие морской транспорт [1, 4]. Созданный турецким правительством государственный «Мореходный банк» («Денизджилик банкасы») сосредоточил в своих руках портовое хозяйство, судостроение, судоремонт [1, 4, 6].

К середине 1950-х гг. было завершено сооружение портов в Трабзоне, Эрегли, Иноболу, Амасье; расширены порты в Стамбуле, Измире и Самсуне; началось строительство новых – в Искендеруне и Гиресуне [1, 3]. Портовое строительство в этот период было связано с созданием сети баз американского ВМФ на Средиземном и Черном морях [1, 3].

Динамика значений традиционного и модифицированного коэффициента Энгеля в 1923–2009 гг.

Годы	Площадь страны, км ²	Протяженность железных дорог, км	Население, млн. чел	Традиционный коэффициент Энгеля	Количество перевезенных пассажиров, млн. чел.	Модифицированный коэффициент Энгеля
1923	774.880	4173	12,532	0,013	...	-
1952	780.580	7598	21,952	0,018	60,322	0,011
1960	780.580	7895	27,755	0,017	96,8	0,009
1970	780.580	8161	35,605	0,016	...	-
1987	780.580	8439	52,000	0,013	129,9	0,008
1998	780.580	8607	65,000	0,012	99,0	0,010
2009	780.580	9083	73,500	0,012	80,082	0,011

Составлено по [1, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 20]

С 1980-х гг. – начала 1990-х гг. (после проведения экономических реформ Т. Озала) портовая инфраструктура начала развиваться особенно интенсивно. В середине 1980-х гг. особое внимание уделялось строительству и модернизации инфраструктуры в портах Самсун, Трабзон, Измир, Мерсин, Искендерун [12]. В 1980-е гг. на порты Стамбула, Эрегли, Измита, Измира, Мерсина, Искендеруна приходилось 90% грузооборота всех портов страны [12].

В 2009 г. на побережье Турции (протяженностью 8333 км) действовали 163 порта и пристани (на Черном море – 27 комплексов, Мраморном – 85, Эгейском – 25, Средиземном – 26) [15, 19]. Крупнейшими портами на Мраморном море являются Стамбул, Хайдарпаша (грузооборот 6,5 млн. т; 2004 г.), Измит (Дериндже, Ярымджа, Эвяп), Гемлик, Бандырма (3,2 млн. т); на Черном море – Зонгулдак, Эрегли, Эрдемир (более 9 млн. т; 2004г.), Самсун (3 млн. т), Гиресун, Трабзон, Хопа, Ризе; на Эгейском – Измир (12,5 млн. т); на Средиземном – Искендерун (2,2 млн. т), Мерсин (17,2 млн. т), Анталья (1,2 млн. т) [19]. Грузооборот всех портов страны составлял 309,4 млн. т (92 – экспорт, 159,4 – импорт, 58 – транзит), контейнерный – 4,4 млн. т [19].

В табл. 5 отражены изменения основных показателей работы морского транспорта Турции в течение XX в.

В 1920-е гг. правительство Турции приступило к созданию национального торгового флота [1, 4]. В этот период грузооборот всех портов составлял 280 тыс. т, суда водоизмещением более 1 тыс. бр.-рег.т отсутствовали; общее водоизмещение торгового

флота составляло около 100 тыс. бр.-рег.т [1]. В 1930–1980-е гг. осуществлена замена небольших судов на средние (особенно в 1970-е гг., когда размер морского торгового флота увеличивался на 5% в год), и к 1981 г. флот достиг тоннажа 2 млн. бр.-рег. т. [1, 2]. С конца 1980-х гг. началась замена средних судов на крупные, контейнерные и танкеры [10, 12, 13]. К середине 2000-х гг. из 1329 судов торгового флота 409 составляли сухогрузы, 160 – рыболовные, 119 – танкеры, 113 – балкеры, 101 – буксир [15, 19]. Число морских торговых судов более 1 тыс. бр.-рег.т в 2007 г. составляло 565 (в т.ч. 470 зарегистрировано в других странах), из них 52 – пассажирские суда [19]. Общее водоизмещение торгового флота в 2009 г. составляло 6,14 млн. бр.-рег.т [19]. По размерам тоннажа турецкий торговый флот на 1 января 2006 г. занимал 24 место в мире [19].

Воздушный транспорт. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. были сделаны первые шаги по созданию гражданской авиации: построены аэродромы (в Анкаре, Эскишехире, Кайсери, Диярбакыре), закуплены иностранные самолеты [1]. В 1927 г. было налажено воздушное сообщение Турции с рядом европейских стран: французская авиакомпания «Сидна» открыла воздушную линию Стамбул–Бухарест–Будапешт–Вена–Прага–Париж [1]. Самолеты итальянской компании «Пэро-экспресс» совершали рейсы между Стамбулом и Пиреем (с апреля по сентябрь) [1]. Стамбул был включен в транзитную линию, связывавшую Западную и Центральную Европу с Ираком, Ираном и Индией [1, 6]. В 1936 г. открыта международная авиалиния Анкара–Лондон [1].

Основные показатели работы морского транспорта Турции
в 1900–2000-е гг.

	Начало XX в.	1926 г.	1952 г.	1962 г.	1972 г.	1989 г.	1998 г.	2009 г.
Число морских портов и пристаней, ед.	56	56	57	...	140	163
Общий грузооборот портов, млн. т	...	0,28	3,79 (1954)	142,0	309,44
Число морских торговых судов более 1 тыс. бр.-рег.т, ед	–	–	132	290	207	829	949	565
Общее водоизмещение торгового флота, млн. бр.-рег.т	0,07	0,1	0,38	0,69	0,63	4,9	6,78 (1999)	6,14
Число пассажирских судов	...	61	16	563	...	52
Перевезено пассажиров, млн. чел.	1,819	1,316 (2007)

Составлено по [1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 18, 19]

Внутренние районы страны сначала оставались без воздушной связи, за исключением авиалинии Анкара–Стамбул (открыта в 1932 г.), в которой страна очень нуждалась из-за отсутствия автодороги по этому направлению [1]. В 1933–1934 гг. открыты аэродромы в Эскишехире, Кайсери и Диярбакыре [1]. В 1936 г. после постройки посадочных площадок в Адане и Измире были открыты авиалинии Стамбул–Анкара–Адана, Адана–Диярбакыр, Анкара–Измир, Стамбул–Измир [1, 3]. Все эти линии обслуживали 10 самолетов (в 1938 г. – 25) [1]. Несмотря на рост самолетного парка, авиатранспорт в то время еще не перевозил пассажиров, а только почту и мелкие грузы [1].

В конце 1940-х и начале 1950-х гг., в связи с вступлением Турции в НАТО и СЕНТО, на ее территории было построено около 100 военных и гражданских аэродромов и взлетно-посадочных площадок, что намного превышало потребности турецкой авиации [1]. Многие из них позже были закрыты из-за нерентабельности [1]. Главные аэропорты находились в Анкаре и Стамбуле (Ешилкёй) [1]. Больше одной трети аэродромов было сосредоточено на Армянском нагорье и в Верхней Месопотамии [1, 3].

Появление больших реактивных самолетов способствовало развитию авиапассажирских перевозок, особенно в 1960-е гг. (табл. 6) [1, 4].

В 1964 г. были заключены контракты с привлечением иностранного капитала на постройку аэропортов в Адане, Трабзоне и в Чигли (Измир) [1]. В том же году приступили к модернизации и постройке новых сооружений в аэропортах Афьон-Каракисара, Вана, Текирдага, Сиирта, Элязыга, Гемерека, Бига и Анталы [1].

Управление воздушных сообщений осуществляло международную авиасвязь по следующим направлениям: Анкара–Стамбул–Вена–Франкфурт-на-Майне; Стамбул–Афины–Рим (Анкара–Измир–Афины–Рим); Анкара–Тель-Авив; Анкара–Адана–Бейрут [1]. В 1965 г. открыта авиалиния Стамбул–Анкара–Диярбакыр–Тегеран; в 1967 г. – авиалинии в Софию, Бухарест, Будапешт и Москву; в 1968 г. – в Эр-Рияд, Белград и Бейрут [1, 4].

В 1970-е гг. авиакомпания «Тюрк хава йоллары» выполняла шесть международных рейсов: 1) Анкара (через Стамбул)–Вена–Франкфурт-на-Майне–Брюссель–Амстердам; 2) Анкара (через Стамбул–Мюнхен–Рим–Цюрих–Париж; 3) Анкара (через Стамбул–Измир–Афины; 4) Стамбул (через Анкару–Адану)–Никосия; 5) Стамбул (через Анкару–Адану)–Бейрут; 6) Стамбул–Тель-Авив (см. табл. 6) [11].

С 1970-х гг. объемы международных авиаперевозок (за исключением 1980-х гг.)

Основные показатели работы воздушного транспорта Турции
в 1950–2000-е гг.

	1954	1962	1972	1987	1998	2009
Общее число аэропортов и аэродромов, ед.	100	18 (1964)	24	...	29	99 (2010)
Количество самолетов	19	39	24	26	...	297
Количество посадочных мест	4174	...	47972
Перевезено грузов, тыс. т	2,919	4,93	5,8 млн. т-км.	...	730,9	1726,4
Перевезено пассажиров, млн. чел.	0,142	0,462	1,9 млн. пасс.-км	3,7	10,132	85,51
в. т. ч. – внутренние перевозки, тыс. т/млн.чел.	2,9 млн. т-км	...	120,8	484,8
	434 млн. пасс.-км	2,1	3,2	41,227
в. т. ч. – внешние перевозки, тыс. т/млн.чел.	2,9 млн. т-км	...	610,1	1241,5
	752 млн. пасс.-км.	1,6	6,932	44,282

Составлено по [1, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 18]

превышали объемы внутренних. Однако в 2000-е гг. роль последних значительно увеличилась (вместе с резким увеличением объемов перевозок). В 1990–2000-е гг. Турция превратилась в важнейшую для европейцев туристскую дестинацию. По этой причине аэропорты в курортных зонах и вблизи главных туристских центров были реконструированы и расширены и стали принимать значительное количество самолетов, превратившись в крупнейшие авиаузлы [13]. В этот же период также увеличились размеры внутренних авиапассажиропотоков. В результате того и другого роль воздушного транспорта в пассажирских перевозках в последние два десятилетия значительно возросла.

Трубопроводный транспорт. До 1950-х гг. в Турции трубопроводного транспорта не было [11]. Его появление было связано со вступлением Турции в блоки НАТО и СЕНТО [11]. В 1955 г. началось сооружение ряда нефтепроводов; первый (42 км) из них связал месторождение нефти в районе Рамандага с НПЗ в городе Батман [1, 11].

Система трубопроводного транспорта стала формироваться во второй половине 1960-х и в 1970-е гг.: в 1961 г. построен нефтепровод Искендерун – порт Анталья – база ВВС в Эскишехире, в 1967 г. – от нефтяных

месторождений в окрестностях Батмана и Магрина до Искендеруна (494 км) [1, 11]. В 2006г. их протяженность увеличилась на 1076км за счет введения в строй нового магистрального нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан [13, 15].

В 1980-е гг. началось сооружение сети газопроводов [12]. В 2001 г. открыт газопровод Иран–Турция (Тебриз–Эрзурум–Анкара), который не учитывается турецкой статистикой [13]. Увеличение протяженности сети газопроводов в 2000-е гг. связано с введением в строй в 2003 г. газопровода «Голубой поток» (его континентальной части Самсун–Анкара) и ряда местных газопроводов [13].

Анализ развития отдельных видов транспорта Турции с начала XX в. по 2000-е годы позволил нам выделить следующие этапы формирования транспортной системы страны.

Первый этап (железнодорожный) длился с начала XX в. до конца 1950-х гг. Одной из основ развития экономики страны до Второй мировой войны было железнодорожное строительство, которое преследовало также стратегические цели – соединить центр страны с восточной границей, черноморское побережье – со средиземноморским, западные морские границы – с восточными [1]. Наиболее интенсивно развивалась транспортная

Основные показатели работы трубопроводного транспорта Турции
в конце 1960–2000-е гг.

	1962	1972	1987	2002	2009
Протяженность сети газопроводов, км	–	–	...	4.739	11.685
Протяженность сети нефтепроводов, км	42	2.102	3.065	3.065	4.141
Перекачано газа, млн. м ³	–	–	37.468
Грузооборот нефти, млн. т-км	45.111

Составлено по [1, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 18]

сеть центральных и восточных регионов страны. Остальные виды транспорта значительно уступали ж.-д. транспорту по объему перевозок и грузообороту, и характер их развития часто носил подчиненный характер. В 1940-е – 1950-е гг. автомобильный и воздушный транспорт преимущественно обслуживали военные ведомства [1].

Второй этап с начала 1960-х гг. продолжался до конца 1970-х гг. Поскольку постепенно стал доминировать автомобильный транспорт, а железнодорожный медленно уступал ему свои позиции, сохраняя при этом важную роль в транспортной системе Турции, мы назвали его переходным. Территориально развитие транспортной системы страны сместилось из центральных и восточных регионов страны в западные. Это может объясняться как насыщением восточных регионов страны прежде всего железнодорожной сетью, так и снижением военно-стратегического значения автомобильного и воздушного транспорта. Трубопроводный транспорт стал развиваться за счет постройки нефтепроводов, взаимодействуя с морским транспортом и обслуживая экономические потребности страны.

Третий этап, начавшийся в 1980-х гг., длится наших дней. Его можно охарактеризовать как автомобильно-морской. В этот период особенно интенсивно развивался автомобильный транспорт, который занял первое место во внутренних грузовых и пассажирских перевозках [2]. В этот же период в стране были построены первые

скоростные автострады [2]. С началом проведения внешне ориентированной политики Т. Озала (начало 1980-х гг.) импульс к развитию получил и морской транспорт, грузооборот которого стал быстро увеличиваться. Трубопроводный транспорт перестал ориентироваться исключительно на морские порты; началось формирование сети магистральных трубопроводов, в частности, газопроводов. На этом этапе наблюдалась территориальная экспансия воздушного транспорта, а железнодорожный перешел в состояние стагнации. Причем, если объем перевозок грузов на нем оставался примерно на одном и том же сравнительно невысоком уровне, то объем пассажирских перевозок, достигнув пика в 1987 г. (129,9 млн. чел.) [12], начал сокращаться. В первую очередь это связано с тем, что Турция достигла максимального для нее уровня насыщения территории сетью железных дорог; при этом остро встала проблема технического совершенствования как самих дорог, так и подвижного состава. Наиболее интенсивно развивается транспортная сеть в северо-западных и западных регионах Турции.

В 2000-е годы наблюдалось небольшое сокращение роли морского транспорта и увеличение роли автомобильного. Была проведена техническая модернизация ж.-д. транспорта (в т.ч. в конце 2000-х гг. построены первые скоростные железные дороги и осуществлена электрификация магистральных направлений). На воздушном транспорте при доминировании международных авиаперевозок (в силу выгодного

транзитного географического положения страны) резко возросло значение внутренних перевозок, что связано с преодолением Турцией экономического кризиса конца 1990-х гг. и начавшимся в 2000-х гг. ростом уровня жизни жителей страны. Таким образом, в настоящее время транспортная система Турции – это сухопутно-морская система с доминированием автомобильного транспорта и автодорожной сети.

Библиографический список

1. Веселов В. Т. Транспорт современной Турции. – М.: Наука, 1969. – 143 с.
 2. Гачечиладзе Р. Г. Турция. – М.: Мысль, 1983.
 3. Даркот Б. География Турции. – М., пер. с тур., 1959.
 4. Джиллов Х. Экономика Турции. – М.: Наука, 1971. – 340 с.
 5. История Османского государства, общества и цивилизации под ред. Э. Ихсаноглу. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2006. – 604 с.
 6. Лудшувейт Е. Ф. Турция. Экономико-географический очерк. – М.: Географгиз, 1955. – 400 с.
 7. Реферат статьи [Морской торговый флот Турции]. Owners delight in shipping policy changes/Bond Mary//Turk shipping. – 1989. – с 9-11. – Реферативный журнал «География», 1990, №5
 8. Современная Турция: справочник. – М., 1958.
 9. Современная Турция: справочник. – М.: Наука, 1965.
 10. Турецкая Республика: справочник. – М.: ИИИиБВ, 2000. – 344 с.
 11. Турецкая Республика: справочник. – М.: Наука, 1975. – 568 с.
 12. Турецкая Республика: справочник. – М.: Наука, 1990. – 382 с.
 13. Ульченко Н. Ю. Экономическая география Турции: Учебник. – М.: Ключ – С, 2008. – 187 с.
 14. Государственный Институт статистики Турции, разделы «Население»: http://www.turkstat.gov.tr/VeriBilgi.do?alt_id=39
 15. Государственный Институт статистики Турции, разделы «Транспорт и коммуникации»: http://www.turkstat.gov.tr/VeriBilgi.do?alt_id=52
 16. Демоскоп Weekly http://demoscope.ru/weekly/app/world2010_1.php
 17. Илья Хатай <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/19229/ХАТАЙ>
 18. Справочник ЦРУ, раздел «Турция» <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu.html>
 19. Статистика морского транспорта Турции <http://www.denizcilik.gov.tr/tr/istatistik/istatistik.asp>
 20. Турецкие республиканские железные дороги <http://www.tcdd.gov.tr/>
-

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

А.М. Жданова (Москва)

ГЕОГРАФИЯ СЕТИ РЕСТОРАНОВ БЫСТРОГО ПИТАНИЯ «МАКДОНАЛДС» В МИРЕ

Zhdanova A.M.

THE GEOGRAPHY OF FAST-FOOD RESTAURANTS «MCDONALDS» IN THE WORLD

***Аннотация.** Большое самостоятельное значение имеет исследование территориального аспекта деятельности ресторанов быстрого питания в мире. В данной статье будут рассмотрены стратегии и факторы распространения и развития ресторанной сети «Макдоналдс».*

***Abstract.** The research of territorial aspect of world's fast-food restaurants business is significant itself. In this article will be considered strategies and factors of distribution and development of the restaurant chain «McDonald's».*

***Ключевые слова:** Рестораны быстрого питания, глобализация, ресторанная сеть, франчайзинг.*

***Key words:** Fast-food restaurants, globalization, restaurant chain, franchising.*

Индустрия общественного питания представляет собой неотъемлемую часть туристской индустрии. Большой популярностью у туристов пользуются рестораны. Они подразделяются на две основные группы: классические и быстрого обслуживания. Родоначальником ресторанов быстрого обслуживания являются США. Современная индустрия общественного питания США – одна из важнейших сфер экономики страны. Такое развитие рестораны быстрого питания получили благодаря созданию и развитию ресторанных сетей, которые в настоящее время отражают собой новую форму организации бизнеса в индустрии питания многих стран. Сети предприятий питания имеют единый центр управления, централизованное снабжение продуктами, сырьем и полуфабрикатами, стандартизированное меню с относительно ограниченным ассортиментом. Принято различать региональные, национальные и международные сети. Находясь в составе ресторанной сети, заведения быстрого питания пытаются добиться однообразия всех элементов функционирования, поскольку стандартизация облегчает распространение позитивного опыта и повышает

производительность труда. Важно, чтобы потребители знали, что позитивный опыт, достигнутый на одном предприятии, будет распространен по всей сети, независимо от места расположения ресторанов [1].

Одной из наиболее крупных международных ресторанных сетей является компания «Макдоналдс». Она является лидером по стоимости бренда на мировом рынке индустрии быстрого питания (табл. 1). Под торговой маркой «Макдоналдс» на середину июня 2009 г. работало более 32 тыс. ресторанов (в том числе около 14 тыс. из них расположены в США) [9].

В настоящее время успех ресторанных сетей США связан, прежде всего, с грамотно разработанной бизнес-политикой, четко продуманными стратегиями, детальным анализом рынка потребителей принимающей стороны, внедрением предприятий на новые рынки и контролем их последующей работы. Одной из наиболее популярных стратегий, используемой ресторанами быстрого питания, является франчайзинг. С середины 50-х гг. XX в. франчайзинг изменил темпы развития большинства компаний сначала в США, а затем и более чем в 100 странах мира [6].

Рейтинг самых дорогих брендов среди ресторанов быстрого питания [7]

Место	Бренд	Стоимость бренда в 2011 г млрд долл	Изменение к стоимости 2010 %
1	«Макдоналдс»	81,016	23
2	«Сабвей»	14,306	19
3	«Старбакс»	11,901	40
4	«КФС»	8,216	15
5	«Пицца Хат»	5,305	58
6	«Тим Хортонс»	2,678	-17
7	«Вендис»	1,994	-20
8	«Бургер Кинг»	1,931	9
9	«Тако Белл»	1,873	2
10	«Доминос Пицца»	0,620	н/д

В рейтинге 10 крупнейших франчайзинговых компаний различных отраслей, представленном исследовательским агентством «Франчайзи Директ» («Franchise direct») за 2010 г., «Макдоналдс» занимает первое место [8].

В данной статье будет проведен анализ развития и распространения сети ресторанов быстрого питания «Макдоналдс» в пределах США и на мировом рынке. Будут определены основные факторы территориального распространения сети, а также выявлены некоторые стратегии развития компании. Будет проведен анализ ключевых или, по словам И.М. Маергойза, «переломных» моментов развития компании на территории США и в мире [4]. Для анализа большой совокупности факторов, условий и предпосылок развития отрасли и для расстановки приоритетов Баранский и Саушкин предлагают историко-географический подход, то есть анализ исторической ситуации во время развития отрасли, и географических предпосылок к нему. Автором предлагается использование событийного подхода к выделению периодов развития компании, который сводится к анализу событий и распространению сети в связи с этими событиями. Подробнее остановимся на социальных, экономических, политических предпосылках возникновения первого ресторана «Макдоналдс» в США, факторах формирования сети, ее расширения и превращения в ТНК.

Значительно увеличившаяся в конце XIX – начале XX в. пространственная свобода размещения в условиях промышленной революции привела не к рассредоточению, а к концентрации производства. Равномерное

размещение производства, характерное для доиндустриальной эпохи, сменилось высоко дифференцированным размещением с резкой локализацией производства. Всё больший эффект начинает оказывать агломерационное явление – скопление крупных городов, фабрик в крупных промышленных городах. Капиталистическая промышленность всё больше начинает ориентироваться на рынки сбыта.

В 1945–1970 г. в Соединенных Штатах отмечался значительный экономический подъем, в связи с этим произошли некоторые пространственные сдвиги, которые в дальнейшем привели к развитию сферы услуг и общественного питания по всей стране. Изменилась и структура размещения населения в США, можно выделить две основные тенденции: во-первых, происходила концентрация населения в определенных районах. В связи с развитием промышленных городов Северо-Востока в XIX – начале XX в. сюда устремилась значительная часть населения всего района. Вторая тенденция характерна именно для XX в. Речь идет о том, что рост населения и развитие промышленности заставляют выходить за пределы городов. Промышленные комплексы США располагались как в сельских районах с населением не более 2,5 тыс. чел. (Солон, Огайо), так и в черте крупных городов. Можно выделить основные районы концентрации промышленного производства:

- Тихоокеанское побережье (штаты Калифорния, Вашингтон) и основные метрополисы Лос-Анджелес, Сан-Франциско и Калифорния;

- Новая Англия (штаты Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Хемпшир, Род-Айленд и Вермонт), где промышленное производство концентрируется в районе Бостона, в штате Массачусетс;
- Северные штаты и штаты Иллинойс, Индиана, Мичиган, Огайо и Висконсин; промышленное производство сконцентрировано вокруг Чикаго, в Иллинойсе, а половина промышленных комплексов штата Техас сконцентрирована в крупных конурбациях – Хьюстон и Даллас [5].

Усовершенствование средств коммуникации и системы транспорта в XX в. в значительной мере способствовало разрастанию городов по всей территории США. Основными мегаполисами в 1965 г. являлись такие города, как Сент-Поль, Чикаго, Лос-Анджелес, Детройт, Нью Йорк, Филадельфия, Бостон, Кливленд, Питтсбург, Балтимор, Вашингтон, Сан Франциско, Хьюстон. Для этого времени характерна ещё одна форма переселения американцев – из городских центров на окраины. На окраинах стали расти большие торговые центры, где позднее развивались предприятия общественного питания.

С 1940-х г. сфера общественного питания распространилась по всей стране.

История развития компании «Макдоналдс» начинается с открытия небольшого придорожного кафе в г.Сан-Бернардино, штат Калифорния, США. Расположенный приблизительно в 50 милях к востоку от Лос-Анджелеса, этот небольшой город в начале 1940-х г. стал быстрорастущим рабочим предместьем, где основной целевой аудиторией являлся рабочий класс. Именно в такой промышленной зоне был открыт первый ресторан «Макдоналдс». В данном случае открытию ресторана способствовали два основных фактора: инфраструктурный (в частности транспортный) и социально-демографический (высокая концентрация людей со средним достатком, нехваткой свободного времени на приготовление пищи). Первый «Макдоналдс» располагался на пересечении двух крупных трасс: Сан-Бернардино и Риверсайд, что способствовало привлечению определенной целевой аудитории – водителей трюков на шоссе.

С 1952 по 1954 г., выделяется первый, начальный этап развития и распространения

по территории США ресторанов быстрого питания «Макдоналдс», который можно обозначить, как «Хаотичное развитие ресторанной сети в стране». Основатели компании продавали лицензии на открытие ресторанов без контроля дальнейшего управления ими и качества выпускаемой продукции. Именно это послужило беспорядочному распространению ресторанов по всей стране. Не было стандартизации контроля качества и контроля работы франчайзеров, не было зависимости от поставщиков качественной продукции. Опыт распространялся среди всех желающих и лицензии продавались практически всем, кто желал работать в подобном бизнесе. Единой концепции ведения бизнеса не существовало. Большинство ресторанов открывались в небольших городах и населенных пунктах, где основным населением являлись работники промышленных предприятий.

С 1955 по 1967 г. можно говорить о новом этапе в территориальной организации ресторанов быстрого питания «Макдоналдс» - открытие ресторанов в крупных городах и промышленных центрах. Одной из тенденций открытия ресторанов в данный период на территории США стало появление их в крупных городах, которые являлись промышленными, экономическими или политическими центрами. Период заканчивается 1967 г. потому что именно тогда были открыты первые рестораны «Макдоналдс» за пределами США в Канаде и Пуэрто-Рико.

Говоря о социально-экономической обстановке и внутренней политике США в 50-е г., необходимо прежде всего отметить некоторые важные демографические сдвиги, среди которых выделялись быстрый рост населения и дальнейшее усиление и углубление процесса урбанизации. С 1950 до 1960 г. население США выросло на 19% – с 151,7 млн. до 180,9 млн. В течение того же периода городское население увеличилось на 30% – с 96,5 млн. до 125,3 млн. [4]. Быстрее всего росли города Северо-Востока, но одновременно начался бурный рост городов Приозерья, затем Среднего Запада и Тихоокеанских штатов. В 1955 г. был построен собственный ресторан компании «Макдоналдс» на северо-востоке США, в Дес-Плейнсе, Чикаго. Чикаго являлся в то время крупным промышленным очагом, население в городской черте составляло более 3 млн. жителей. [4]

Месторасположение ресторана было выбрано неслучайно: именно здесь была наибольшая концентрация основных факторов развития сети, таких как социально-демографический, инфраструктурный (транспортный). Политика управления этим рестораном отличалась жесткой стандартизацией всех процессов, ресторан представлял собой точную копию первого «Макдоналдс», открытого в Сан-Бернардино. По примеру успешной работы ресторана в г. Дес-Плейнс, следующие «Макдоналдс» стали появляться в таких крупных городах, как Вашингтон, Цинциннати, Питсбург. Каждый из них являлся крупным промышленным или политическим центром, где работники предприятий нуждались в быстром и качественном питании. Также можно говорить о появлении нового подфактора социально-демографического фактора развития сети: места скопления большого количества людей (парки, зоны отдыха, магазины, главные улицы больших городов). Вскоре данный подфактор станет одним из основных, определяющих открытие ресторанов «Макдоналдс» на той или иной территории.

На конец периода, 1967 г., общее количество ресторанов в стране превосходило 800. Ежегодный доход ресторанов «Макдоналдс» составлял более 200 млн. долл. [9].

Определяющим фактором в данном периоде является социально-демографический, имели менее сильное влияние инфраструктурный и экономический (доходы населения, их структура) факторы. Происходит переориентация социального фактора от рабочих на промышленных предприятиях на семьи с детьми среднего класса, меняется маркетинговая политика «Макдоналдс».

Следующий период развития компании с 1968 по 2000 г. «развитие ресторанов по всей стране». Данный период характеризуется сильным ростом сети. Этот рост не был зависим от политических или экономических изменений, происходящих в стране. В 1972 г. новые рестораны «Макдоналдс» открываются каждый день. Сеть начинает более равномерно распространяться по всем Соединенным Штатам. В этом же периоде сеть «Макдоналдс» активно открывает рестораны на международном рынке.

Современный этап развития сети на территории США выделяется с 2001 г. по настоящее время, обозначим его ««Макдоналдс»

как символ глобализации». Период начинается в 2001 г., когда обостряется антиреклама ресторанов быстрого питания. Действия антиглобалистов, направленные, в основном, против ресторанов «Макдоналдс», общепризнанный вред быстрого питания, многочисленные суды насчет сомнительного качества продуктов «Макдоналдс» не повлияли на развитие компании. С 2001 г. «Макдоналдс» также стабильно и уверенно развивается в США и по всему миру. Динамика роста количества ресторанов в США с 2008 по 2010 г. составляла в среднем 80–90 филиалов ежегодно.[9] Основным фактором развития сети также является социально-демографический.

Соответственно, можно определить некоторые тенденции развития компании в США. Компания «Макдоналдс» начала своё развитие в 1940 г. с Юго-Запада страны, штата Калифорния. В данном случае открытию ресторана способствовали два основных фактора: инфраструктурный (в частности транспортный) и социально-демографический (высокая концентрация людей со средним достатком, нехваткой свободного времени на приготовление пищи). Далее, с 1952 по 1954 г., компания хаотично распространяла рестораны по всей стране. основополагающими факторами размещения ресторанов явились социально-демографический и инфраструктурный (транспортный). С 1955 по 1967 «Макдоналдс» имеет основной вектор развития: большая концентрация ресторанов происходит на северо-востоке страны. Интересным является открытие ресторанов концентрированно по штатам (в одном штате появляется сразу несколько ресторанов, как правило, от 3 до 10). Рестораны продолжают появляться в крупных городах: Нью Йорк, Даллас, Вашингтон, Бостон и тд. Основным фактором в это время становится социально-демографический. Следующий период развития компании с 1968 по 2000 г., когда сеть начинает распространяться по всем Соединенным Штатам.

Рассмотрим факторы распространения компании в мире. Следует отметить, что, начиная с 1970-х г. в мире произошел сдвиг к трехполюсной структуре, не только в мировом хозяйстве в целом, но и в мировом туризме в частности – наряду с США главными центрами стали Европа (во главе с Германией) и Азиатско-Тихоокеанский регион (во

главе с Японией) [2]. Доллар стал основной валютой в международной финансовой системе. Американские производители снабжали весь мир товарами массового потребления и оборудованием. Активное развитие производств в мире способствовало выходу данной ресторанной сети на зарубежные рынки. Внедрение сети ресторанов быстрого питания «Макдоналдс» в новые страны это, прежде всего, внедрение культуры быстрого питания туда, где наблюдалось ускорение ритма жизни и потребность в быстром и недорогом питании.

Автором выделяется несколько периодов развития компании за рубежом. Каждый период характеризуется векторами развития, факторами развития сети.

Первый период с 1967 г. по 1970 г. Распространение компании происходит на приграничные и близлежащие территории, территории, которые находились под влиянием США, зависели от этой страны. Страны и территории, где открылись рестораны, представляли собой традиционные рынки сбыта американской продукции или становились ими в 1960–1970 г., их можно отнести к экономически слаборазвитым (развивающимся) странам, относительно зрелого капитализма, странам зависимого плантационного хозяйства.

К приграничным и близлежащим территориям относится Канада. Главной специфической чертой Канады в 50-е 60-е г. стало стремительное развитие сырьевых отраслей промышленности под влиянием экономического союза с США. Первый «Макдоналдс» в этой стране был открыт в 1967 г. в г. Ричмонд, Британская Колумбия. Британская Колумбия, благодаря Ванкуверу, являлась главным банковским центром Канадского Запада. К экономически слаборазвитым (развивающимся) странам, относительно зрелого капитализма, странам зависимого плантационного хозяйства, где открылись первые рестораны «Макдоналдс», относятся Коста-Рика, Пуэрто-Рико, а так же такие территории, как Виргинские острова, Гуам. В этой категории основными макрофакторами для развития сети являлось то, что территории были зависимы от США. Также, одним из факторов развития сети быстрого питания здесь являлось развитие туризма для американцев.

Второй период выделяется с 1971 по 1983 г., когда компания «Макдоналдс» ха-

рактеризуется выходом на европейский и азиатский рынки. Рестораны появляются в главных высокоразвитых странах, небольших высокоразвитых странах Западной Европы, и в развивающихся странах относительно зрелого капитализма. Основным фактором развития сети на макроуровне здесь является экономическое состояние стран. Обзор данных рынков начнем с главных высокоразвитых экономических стран, где были открыты рестораны «Макдоналдс» с 1971 по 1983 г.: ФРГ, Франция, Япония, Великобритания. Именно стремительный экономический рост ФРГ, Франции, Японии с 50-х г. привлек в эти страны рестораны быстрого обслуживания «Макдоналдс». Наряду с происходящими изменениями в экономике этих стран, происходили изменения и в образе жизни людей, распределением доходов, свободного времени.

Стабильное экономическое развитие небольших высокоразвитых стран Западной Европы (Австрия, Швеция, Швейцария, Ирландия, Дания, Бельгия, Норвегия, Нидерланды) и высокий уровень благосостояния их граждан способствовал открытию в них ресторанов «Макдоналдс». Рестораны предлагали качественную и вкусную продукцию, быстрое обслуживание по сравнительно низкой цене. Питание в ресторанах «Макдоналдс» по сравнительно низкой цене стало альтернативой питания дома.

В этот же период сеть появляется в экономически слаборазвитых странах относительно зрелого капитализма внешнеориентированного приспособленческого развития, таких как Сингапур, Малайзия. В этой категории основными макрофакторами развития сети являлись показатели экономического роста с 1950-х г. Сингапур называют «азиатским тигром» – страна, демонстрирующая высокие темпы экономического развития с начала 60-х г. Основным фактором появления сети здесь является экономическое состояние стран и перспективы их стремительного экономического развития.

Другим вектором распространения сети в этот период остаются экономически слаборазвитые (развивающиеся) страны, относительно зрелого капитализма, страны зависимого плантационного хозяйства: Багамские острова, Никарагуа, Гватемала. Основными макрофакторами развития сети здесь являлось то, что территории были зависимы от США.

Следующий этап развития сети выделяется с 1984 по 1991 г., характеризуется открытием большого количества ресторанов в развивающихся азиатских и латиноамериканских странах. Рестораны сети появляются в странах относительно зрелого капитализма, таких, как Венесуэле, Кубе, Аргентине, Южной Корее, Индонезии, Уругвае.

Рестораны появляются в ключевых развивающихся странах: Мексика, Китай. В Индии первый «Макдоналдс» появляется немного позднее, в 1996 г.

В этот же период «Макдоналдс» открывается в России. В Мексике и Китае размещены 500 крупнейших промышленных корпораций мира, и они в списке стран, владеющих 100 крупнейшими банками. Соответственно, Россия, Мексика и Китай стали новым рынком компании «Макдоналдс» с 1984 по 1991 г.

В этот же период развитие сети продолжается в высокоразвитых и среднеразвитых странах Западной Европы, таких странах, как Финляндия, Андорра, Люксембург, Италия, Венгрия, Греция, Португалия. Факторами развития сети здесь явились стабильное экономическое развитие этих стран и достаточно высокий уровень благосостояния их граждан.

Следующий период выделяется с 1992 по 2000 г. Основная тенденция этого периода – выход компании «Макдоналдс» на африканский и арабские рынки и устойчивый стабильный рост количества ресторанов на всех уже освоенных ранее рынках. Рестораны сети появляются в развивающихся странах относительно зрелого капитализма, финансовоизбыточных крупных нефтеэкспортерах: Саудовская Аравия, Бахрейн, Оман, Кувейт, ОАЭ, Катар, Йемен. «Макдоналдс» открывается именно в этих странах потому, что там прослеживается активное экономическое развитие, рост благосостояния населения, появление большого числа рабочих мест и повышение уровня жизни. Все это способствует появлению спроса на быстрое, качественное и недорогое питание.

В этот же период рестораны появляются в развивающихся африканских странах относительно зрелого капитализма: Египет, Марокко, ЮАР. Основным фактором для открытия ресторанов здесь является развитие туризма. Одна из маркетинговых стратегий компании состоит в том, что «Макдоналдс»

стремится вписаться с осваиваемый рынок, максимально учесть его специфику. Для европейского рынка в этот период характерно активное развитие сети в странах Центрально-Восточной Европы, в странах со средним уровнем развития: Польша, Чехословакия (1992 г.), Болгария, Латвия, Эстония, Румыния, Мальта, Словения, Хорватия, Литва, Кипр, Молдова. С 1990-х г. это – промышленно развитые страны, начинающие свое постиндустриальное развитие.

С 2000 по 2011 г. выделяется современный этап развития сети. «Макдоналдс» появляется на таких неосвоенных рынках, как Черногория, Босния и Герцеговина, Тринидад и Тобаго. Основными макрофакторами развития сети на современном этапе является стабильная политическая ситуация, общий экономический рост стран: появление свободного времени и средств у местного населения для питания «вне дома». За последние 10 лет наблюдается тенденция активного расширения сети в пределах тех рынков, на которых рестораны были открыты ранее.

Данные исследования помогают сделать ряд выводов. Компания «Макдоналдс» является крупнейшей сетью ресторанов быстрого питания. Основной стратегией её распространения в мире является франчайзинг. Изначально до 1967 г. компания развивалась по территории США. Основным фактором развития являлся инфраструктурный (в частности транспортный) и социально-демографический (высокая концентрация людей со средним достатком, нехваткой свободного времени на приготовление пищи). С 1952 по 1954 г., прослеживается небольшой сдвиг в распределении факторов, лидирующим становится социально-демографический. Инфраструктурный (транспортный) фактор становится вспомогательным. С 1955 по 1967 «Макдоналдс» имеет следующие векторы развития: большая концентрация ресторанов происходит на северо-востоке страны, в таких штатах, как Иллинойс, Индиана, продолжается открытие новых ресторанов на юго-западе страны в штате Калифорния и на юге в штате Техас. Рестораны появляются в крупных городах страны. Основным фактором в это время становится социально-демографический. В это же время компания выходит на международный рынок. Основным факто-

ром становится социально-экономический. Изначально «Макдоналдс» открывался на зависимых от США территориях. Далее сеть стала расширяться и распространяться в такие страны, где экономика обладала наибольшим потенциалом. Если рассмотреть открытие ресторанов «Макдоналдс» по регионам мира, можно сделать вывод о том, что сеть распространилась из Север-

ной Америки, стран Карибского бассейна и Центральной Америки в Австралию и Океанию, далее в страны Азии, Европы, Южной Америки и, последний макрорегион, где были открыты рестораны – Африка. На современном этапе развития компании «Макдоналдс» основными факторами являются экономическое состояние стран и перспективы их экономического развития.

Библиографический список:

1. Александрова А.Ю. Международный туризм. Учебник, 2-е изд-е доп. и перераб. – М.: КНОРУС, 2010.
2. Александрова А.Ю. Структурно-функциональный анализ туристического пространства мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2009. – № 4.
3. Маергойз И.М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
4. Мальков В.Л. История США (1945–1980) – М.: Наука, 1987, Том 4.
5. Сборник реферативной информации. Размещение производительных сил. Отв. С.А. Дебабов. Вып. 13. – М.: Наука, 1969.
6. Скопин А.О., Невиницына И.В. Интернационализация и интенсификация технологий франчайзинга на мировом рынке Управление экономическими системами. Вып. 1, 2007. Электронная версия журнала: <http://www.uecs.ru/predprinematelstvo/item/67-2011-03-21-07-09-1>
7. <http://www.brandz.com/output/> – Официальный сайт компании «Брендс»
8. <http://www.franchisedirect.com/top100globalfranchises> - Официальный сайт издательство журнала «Франчайзи Директ»
9. www.mcdonalds.com – Официальный сайт компании «Макдоналдс»

И.Н. Панкратов (Москва)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ ПРОМЕЖУТОЧНЫМИ ТОВАРАМИ КЛЮЧЕВЫХ ТОРГОВЫХ РЕГИОНОВ

Pankratov I.N.

INTERNATIONAL TRADE IN INTERMEDIATE GOODS OF THE KEY TRADING REGIONS

Аннотация. В статье рассматривается географическая структура торговли промежуточными товарами ключевых торговых регионов. Делается попытка объяснения причин формирования сложившейся структуры. Приводятся фундаментальные предпосылки развития торговли промежуточными товарами.

Abstract. The article deals with the geographical structure of trade in intermediate goods of the most important trading regions. An attempt to explain the causes of the shaping of such a structure is made. The fundamental reasons for trade in intermediate goods are present.

Ключевые слова: международная торговля, промежуточные товары, предпосылки торговли, внутрирегиональная торговля.

Key words: international trade, intermediate goods, reasons for trade, intraregional trade.

Со времен великих географических открытий до второй половины XX в. главной предпосылкой развития международной торговли являлись природно-географические различия между странами: на мировом рынке приобретались лишь те товары, которые страны были не

в состоянии произвести самостоятельно, или в достаточном количестве. Благодаря «уникальности» продукта стоимость его была достаточно высокой, чтобы покрыть транспортные издержки, которые в связи со слабым развитием транспорта были достаточно высоки.

Первая промышленная революция привела к заметному прогрессу в обрабатывающей промышленности, при этом важным фактором успешного промышленного предприятия являлась концентрация производственного процесса в рамках одной фабрики, «под одной крышей». Без территориальной близости (концентрации всех стадий производства в одном месте) было бы крайне сложно координировать усилия всех рабочих, а также собирать сделанные ими полупродукты в готовое изделие. С точки зрения международной торговли подобная география производства способствовала росту доли готовых изделий в экспорте и импорте стран, а также укреплению на мировом рынке позиций государств, первыми вставших на путь индустриального развития.

В связи с процессом индивидуализации спроса во второй половине XX в. в промышленно развитых странах фирмы начали постепенный переход от выпуска мало различающихся продуктов к товарам с большим числом модификаций. Это нашло выражение в выпуске большого числа взаимозаменяемых компонентов (деталей и узлов), которые, будучи собранными в разных комбинациях, обеспечивали различные свойства готовым продуктам.

Одновременно с этим во второй половине XX в. происходила настоящая революция на транспорте и в средствах коммуникации, которая позволила быстро и дешево перемещать товары из одного конца Земли в другой, а также использовать преимущества размещения производства в других странах. Современные средства коммуникации дали возможность осуществлять контроль над всеми стадиями производственного процесса даже в условиях географической децентрации.

Вышеназванные обстоятельства привели к тому, что фирмы получили возможность использовать дешевые факторы производства по всему миру, что выразилось в географическом разделении разных стадий производства.

Традиционная фабрика XIX в., включающая в себя весь производственный цикл, была заменена на рубеже тысячелетий сетью независимых поставщиков, специализирующихся на определенных стадиях выпуска товара. Расположение таких поставщиков в

разных странах привело к заметному росту торговли полупродуктами, которые перемещаются из одного государства в другое с целью доработки или использования в качестве составных частей конечного продукта.

Региональный аспект

Торговля промежуточными товарами характерна как для развитых, так и для развивающихся стран, однако, характер их участия проявляется по-разному. Развитые экономики, обладающие высококвалифицированным трудом и передовыми технологиями, экспортируют промежуточные товары, качеством которых определяется качество конечного продукта. Развивающиеся государства, активно участвующие в глобальном производственном процессе, напротив, импортируют довольно много полупродуктов, используемых в производстве готовых товаров, как для последующего экспорта, так и для внутреннего потребления. В данной статье мы рассмотрим торговлю промежуточными продуктами четырех важнейших торговых регионов мира – Западной Европы, Северной Америки (включая Мексику), Восточной и Юго-Восточной Азии.

Западная Европа¹ на протяжении многих лет является ведущим мировым экспортером и импортером, однако, удельный вес этого региона сокращается: в 1995 г. на него приходилось 43% мирового экспорта и 40% импорта, а в 2009 г. каждый из этих показателей составил 35%.

Доля промежуточных продуктов в экспорте рассматриваемого региона в 2009 г. составляла 42%, и последние годы демонстрировала тенденцию к сокращению (1995 г. – 50%). Европейские страны на протяжении нескольких столетий ориентированы на торговлю друг с другом. Подобная ориентация еще более усилилась в связи с отменой торговых пошлин в рамках ЕС. Находясь примерно на одинаково высоком уровне развития, государства Западной Европы, не имеют резко контрастных сравнительных преимуществ, что делает малооправданным использование этими странами друг друга лишь в качестве сборочных площадок. Взаимный обмен промежуточными продуктами друг с другом в данном случае, скорее, обусловлен производственной кооперацией и специ-

¹ Проанализирована торговля 10 стран: Германии, Франции, Великобритании, Италии, Нидерландов, Бельгии, Испании, Швеции, Швейцарии, Австрии.

ализацией стран на выпуске технологически сложных изделий, производить которые полностью самостоятельно государства Западной Европы не могут.

Этими обстоятельствами, на наш взгляд, определяется относительно невысокая доля полупродуктов (ниже среднемирового показателя – 44%) в экспорте рассматриваемых стран.

Снижение доли промежуточных изделий происходило на фоне роста удельного веса готовых товаров в экспорте региона: так, за 1995–2009 гг. последний показатель вырос с 44 до 51%. В свою очередь, готовые изделия, даже будучи произведенными с использованием некоторых одинаковых комплектующих, не теряют необходимых предпосылок для приобретения их другими странами. Большое значение имеет различие между продуктами, создаваемое брендами, которые придают товарам в глазах потребителей определенные свойства, вытекающие в качественные различия между аналогичными товарами.

Главным рынком сбыта промежуточных продуктов Западной Европы выступают сами страны рассматриваемого региона, удельный вес которых сегодня составляет примерно 60%. Западноевропейские государства имеют тесные кооперационные связи, чем объясняется столь высокая доля внутрирегиональной торговли. Несмотря на это, значение регионального рынка последние годы снижается, главным образом, за счет усиления позиций стран Центрально-Восточной Европы, куда западноевропейские фирмы переносят сборочные производства, и поставляют компоненты. Стоит добавить, что удельный вес стран Европы, как Западной, так и Центрально-Восточной в качестве рынков сбыта промежуточных товаров несколько выше, аналогичного показателя для совокупного экспорта Западной Европы (56%).

Если рассматривать импорт стран Западной Европы, то сегодня доля промежуточных товаров в нем составляет 38–40%, заметно сократившись за последние годы: 1995 г. – 48%. Подобное сокращение происходило на фоне роста удельного веса топлива в структуре импорта, при достаточно стабильной доле готовой продукции. Главными поставщиками промежуточных товаров в страны Западной Европы являются страны этого региона (64%), однако, данный показатель последние годы устойчиво сокращается (1995 г. – 72%)

на фоне усиления позиций Восточной Азии (10% импорта), а также стран Центрально-Восточной Европы (8%).

Высокая доля внутрирегионального импорта промежуточных товаров может быть объяснена высоким уровнем развития стран, входящих в регион, приобретающих детали извне, как правило, в случае неспособности самостоятельно произвести аналогичную по сложности или качеству продукцию. Европейские государства с высоким уровнем развития способны и, в некотором роде, даже вынуждены выходить на мировой рынок именно с такой продукцией. В качестве косвенного подтверждения данного тезиса можно добавить, что доля внутрирегионального импорта в торговле промежуточными товарами выше аналогичного показателя для импорта Западной Европы в целом (58%).

При объяснении причин подобной географической структуры импорта нельзя забывать о большой роли в международной торговле ТНК. Растущие доли Восточной Азии и Центрально-Восточной Европы в импорте полупродуктов странами Западной Европы, скорее всего, связаны с участием рассматриваемого региона в глобальных производственных цепочках при одновременной специализации на «верхних» этапах технологического процесса.

Несмотря на снижение относительного значения в международной торговле, *Северная Америка* сегодня остается одним из важнейших партнеров для большинства регионов мира. За 1995–2009 гг. удельный вес рассматриваемого региона в мировом экспорте и импорте снизился с 15 до 11% и с 18 до 15% соответственно.

Для экспорта данного региона характерны схожие с Западной Европой доли промежуточных продуктов, а также их сокращение за последние годы с 49% до 41% за 1995–2009 гг. Стоит отметить, что для экспорта стран региона значение полупродуктов различно. Так, у Канады и Мексики в 2009 г. на полупродукты пришлось 37% и 33% экспорта соответственно. Объясняется это повышенной долей топлива и сырья в структуре экспорта двух стран, а также относительно низким уровнем развития Мексики. Стоит, однако, отметить, что доля полупродуктов в экспорте Канады превышает аналогичный показатель для готовых изделий. В то же время США, являющиеся крупнейшей экономикой

мира, первыми приступили к масштабному переносу производства в страны с дешевыми факторами производства, что определило повышенную долю промежуточных продуктов в американском экспорте. Значительную часть потребляемых готовых изделий под американскими брендами США приобретают в других странах, куда, для обеспечения надлежащего качества, вынуждены поставлять комплектующие.

Внутрирегиональный экспорт промежуточных компонентов, несмотря на сокращение удельного веса в 2000-е гг. с 53 до 47%, сегодня остается важнейшим для Северной Америки. Другими крупными рынками сбыта выступают Западная Европа (18-19%), чья доля стабильна, а также Восточная Азия, удельный вес которой в 1995–2009 гг. сократился с 17 до 14%. Здесь также стоит отметить Латинскую Америку, доля которой за 2000-е гг. выросла с 6 до 8%.

Значение внутрирегионального экспорта для Канады и Мексики заметно выше среднего показателя для Северной Америки: 73 и 83% соответственно. Это говорит о крайне сильной ориентированности двух стран на кооперационные связи с США. В свою очередь у США данный показатель заметно ниже – 35%.

В импорте Северной Америки удельный вес полупродуктов в 2009 г. составил 33%, сократившись с 42% в 1995 г. Подобное падение обусловлено, прежде всего, ростом доли топлива в импорте рассматриваемого региона в 2000-х гг. Характерно, что для Мексики рассматриваемый показатель превышает долю импорта готовой продукции (56% против 34% в 2009 г.), благодаря зоне Макиладорас, а также другим районам, работающим преимущественно на экономику США. Для США и Канады напротив, удельный вес готовых изделий в импорте на протяжении многих лет превышает аналогичный показатель полупродуктов. Как и в случае с государствами Западной Европы, в связи с высокой стоимостью рабочей силы две крупнейшие американские страны не ориентированы на импорт большого количества частей с целью их сборки в конечный продукт. В свою очередь, высокая доля промежуточных продуктов в экспорте двух стран обуславливает импорт готовых продуктов, значительная часть которых изготовлена с использованием американских и канадских деталей.

В импорте Северной Америки преобладают полупродукты регионального производства (2009 г. – 37%), однако их доля последние годы устойчиво снижается (2000 г. – 46%). Другими важными поставщиками промежуточных товаров выступают Восточная Азия (25-26%) и Западная Европа (19-20%), чьи позиции в целом стабильны. Одновременно с этим можно отметить некоторый рост удельного веса Латинской Америки (с 3 до 5% в 1995–2009 гг.).

Благодаря разному уровню экономического развития стран Северной Америки, значения тех или иных регионов как поставщиков полупродуктов различны от страны к стране. Так, для Мексики и Канады характерна повышенная доля внутрирегионального импорта (52 и 64% соответственно), а также заметно растущая доля Восточной Азии. Вместе с тем для США значение двух других государств Северной Америки как партнеров по импорту промежуточных изделий заметно ниже среднего показателя – 27%, в то время как удельный вес Восточной Азии превышает его (30%), а Западной Европы – находится приблизительно на североамериканском уровне (25%). Это говорит о заметно более широких кооперационных связях ведущей экономики мира по сравнению с ее важнейшими торговыми контрагентами, активно стремящимися к диверсификации партнеров.

Позиции *Восточной Азии* в международной торговле последние годы становятся все прочнее. Сегодня на регион приходится 22% мирового экспорта и 19% мирового импорта, в то время как в 1995 г. эти показатели находились на уровне 19 и 17% соответственно. Присутствие в составе региона Китая, который часто называют «мировой фабрикой», во многом обусловило высокую и, в целом, стабильную долю полупродуктов в региональном экспорте, находящуюся последние годы на уровне 46–47%.

Почти у всех стран данного региона доля промежуточных продуктов в экспорте выше показателя готовых товаров (единственное исключение – Китай). В случае с Японией и Республикой Корея – наиболее развитыми странами региона – причиной этого может служить высокая стоимость некоторых факторов производства, что заставляет их искать территории с низкими ценами на эти факторы и перемещать туда производство продукции.

Специфический случай представляет собой Гонконг, в экспорте которого, благодаря выгодному географическому положению велика доля ре-экспорта (примерно 95% [2]). Около половины экспорта Гонконга поступает в Китай, т.е. экспорт Гонконга во многом направлен на удовлетворение спроса на те или иные товары в Китае, приобретающем полупродукты в больших объемах.

Китай оправдывает статус «мировой фабрики», поставляя на внешние рынки, главным образом, готовые изделия (60% экспорта), в то время как на полупродукты в его экспорте сегодня приходится 38%.

Для географии экспорта промежуточных товаров Восточной Азии характерна высокая доля внутрирегиональной торговли, увеличившаяся за 1995–2009 гг. с 40 до 47%. Данный показатель вырос на фоне сокращения удельного веса внутрирегиональной торговли у ранее рассмотренных регионов. Одновременно с этим за рассматриваемый период заметно сократились доли Северной Америки (с 21 до 11%) и Юго-Восточной Азии (с 17 до 12%), в то время как позиции Западной Европы остались без значительных изменений (11%). Вместе с тем, для Восточной Азии последние годы все большее значение в качестве рынков сбыта полупродуктов приобретают Латинская Америка, а также Южная и Юго-Западная Азия.

Почти для всех стран Восточной Азии доля внутрирегиональной торговли близка или превышает 50%. Исключением является лишь Китай, удельный вес восточноазиатских государств в экспорте которого последние годы снижался и в 2009 г. достиг 1/3. Высокая доля внутрирегиональной торговли во многом обусловлена присутствием Китая, куда экономически более развитые страны поставляют комплектующие для последующего производства конечного продукта. В свою очередь, промежуточная продукция из Китая – страны с более низким технологическим уровнем, чем большинство стран Восточной Азии – не представляет слишком большого интереса для более развитых партнеров. Сегодня для КНР все большее значение в качестве рынков сбыта полупродуктов приобретают Зарубежная Европа и Северная Америка, приобретающие китайские полупродукты как для производства собственных промежуточных, так и готовых изделий. Медленно, но верно усиливается для китай-

ского экспорта полупродуктов значение развивающихся регионов мира.

В импорте стран Восточной Азии доля полупродуктов также высока и стабильна, как и в экспорте, и составляет последние годы 45–47%. Столь высокое значение промежуточных товаров связано, главным образом, с импортом Китая, для которого этот показатель составляет 53%, и обеспечивающим 42% совокупного импорта Восточной Азии. Тем не менее, доля промежуточных товаров в импорте таких стран, как Республика Корея и Гонконг также высока и превышает аналогичный показатель для готовых изделий. Подобная структура импорта Республики Кореи может быть объяснена ее глубокими кооперационными связями с другими субъектами мирового хозяйства, а также невозможностью самостоятельно производить весь спектр компонентов, необходимых для выпуска продукции следующего звена технологической цепи.

Единственной страной Восточной Азии, в импорте которой готовые изделия превышают значение полупродуктов, является Япония. Развитая страна, Япония приобретает значительную долю потребляемых готовых изделий на внешних рынках, эффективно используя различия в стоимости факторов производства между странами.

Для импорта полупродуктов странами Восточной Азии, равно как и для их экспорта, характерна высокая и последние годы растущая доля внутрирегиональной торговли. Так, за 1995–2009 гг. данный показатель увеличился с 44 до 55%. Аналогичную тенденцию продемонстрировали страны Юго-Восточной Азии (с 10 до 13%). Рост доли названных регионов был отмечен на фоне ослабления позиций Северной Америки (с 20 до 10%) и Западной Европы (с 15 до 12%).

Рост доли внутрирегионального импорта был характерен для всех стран Восточной Азии, кроме Китая, в котором наблюдалась противоположная тенденция. Одновременно с этим в КНР был зафиксирован рост доли стран Юго-Восточной Азии, а также Западной Европы и Латинской Америки.

Высокий уровень внутрирегионального импорта компонентов между наиболее развитыми странами региона можно объяснить высоким уровнем производственной кооперации в связи с высокой сложностью и технологичностью выпускаемой продукции и

невозможностью самостоятельного производства полного спектра необходимых для этого комплектующих. Что касается роста доли внутрирегионального импорта промежуточных продуктов, то он вызван, прежде всего, развитием Китая, возможностью производить в нем все более широкий спектр операций, а также его присоединением к ВТО в конце 2001 г.

Еще одним важным регионом международной торговли выступает *Юго-Восточная Азия*, доля которой в мировом экспорте и импорте последние годы в целом стабильна и составляет 5–6%.

Несмотря на отсутствие в составе региона развитых стран, доля промежуточных продуктов в совокупном экспорте является самой высокой среди всех ранее рассмотренных регионов. Данный показатель на протяжении 1995–2009 гг. демонстрировал рост с 45 до 50%.

Многие страны региона участвуют в так называемом внутрирегиональном разделении труда, в рамках которого обмениваются полупродуктами, производимыми внутри стран при одновременном импорте недостающих компонентов с целью возможного производства конечного продукта в рамках национальной экономики. Также стоит отметить роль Сингапура, выступающего важным центром перераспределения продуктов для региона с большой долей ре-экспорта (около 50%). Сегодня Сингапур обеспечивает 1/3 совокупного экспорта Юго-Восточной Азии, причем на полупродукты приходится более 57%.

Третьей возможной причиной высокой доли промежуточных продуктов в экспорте стран ЮВА может служить их участие в глобальных цепочках создания добавленной стоимости, когда в данных странах производятся некоторые детали и узлы, впоследствии экспортируемые в другие страны как для окончательной сборки, так и для дальнейшей переработки.

Стоит отметить, что не у всех стран рассматриваемого региона доля промежуточных продуктов в экспорте превышает показатель готовых изделий. Например, для Камбоджи и Вьетнама характерно резкое преобладание готовых изделий в экспорте (55 и 60% соответственно), а у Таиланда удельный вес готовых и промежуточных изделий примерно равны (по 45–46%).

Для географической структуры экспорта полупродуктов странами Юго-Восточной

Азии не характерна доминирующая роль внутрирегиональной торговли. Так, на взаимный экспорт стран региона в 2009 г. пришлось 26% против 31% в 1995 г. За указанный период спад также был зафиксирован у позиций Северной Америки (с 17 до 8%) и Западной Европы (с 15 до 12%). Одновременно с этим заметно вырос удельный вес Восточной Азии (с 28 до 38%), главным образом, за счет поставок в Китай, в т.ч. через Гонконг.

На наш взгляд, слабое развитие внутрирегиональной торговли можно объяснить тем, что в Юго-Восточной Азии нет ярко выраженной страны-лидера в технологическом отношении, способной производить ключевые компоненты, критичные для качества готового изделия, и поставлять их на сборочные площадки, расположенные в странах с заметно контрастной стоимостью факторов производства. Страны региона пока еще не находятся на достаточно высоком уровне технологического развития для взаимной закупки промежуточных компонентов даже в условиях со схожей стоимостью факторов производства (как, страны Западной Европы). Кроме того, в непосредственной географической близости от стран Юго-Восточной Азии располагается Китай, который, несмотря на схожую, а иногда даже и более высокую стоимость труда, способен выпускать массовые готовые изделия с высокой эффективностью на предприятиях фордистского типа.

В импорте государств Юго-Восточной Азии, равно как и в экспорте, преобладают промежуточные товары, однако, их доля на протяжении последних лет сокращалась, прежде всего, за счет роста доли топлива: за 1995–2009 гг. с 58 до 53%. Стоит добавить, что абсолютно у всех рассматриваемых стран Юго-Восточной Азии доля полупродуктов в импорте выше доли готовых изделий, т.е. не наблюдается различий между странами, как это было в случае с экспортом.

География импорта полупродуктов странами Юго-Восточной Азии характеризуется стабильно высокой долей поставок из Восточной Азии, прежде всего, из Японии и Китая (44% в 2009 г.). Заметны позиции внутрирегиональной торговли, удельный вес которой за 1995–2009 гг. вырос с 17 до 22%. Одновременно с этим наблюдается ослабление позиций Северной Америки и Западной Европы (12% в 2009 г. против 15% в 1995 г.).

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на усиление глобализации, в международной торговле до сих пор велико значение региональной торговли, доля которой превышает удельный вес прочих рынков почти для всех рассмотренных регионов.

2. Относительное значение развитых стран в торговле полупродуктами последние годы ослабевает за счет роста доли государств Восточной и Юго-Восточной Азии в географической структуре торговли.

3. Степень «региональности» экспорта и импорта полупродуктов нередко определяют

культурно-исторические факторы, тарифное регулирование, а также уровень развития стран региона. В последнем случае – чем выше уровень развития стран, тем, как правило, выше региональная составляющая в торговле промежуточными товарами. Если же уровень развития государств региона не очень высокий, то для высокой доли региональной торговли необходим заметный контраст между странами в стоимости осуществления тех или иных стадий производства. Если эти условия не выполняются, то, скорее всего, большее развитие получит межрегиональная торговля.

Библиографический список

1. Handbook of Statistics 2010 / New York and Geneva / UNCTAD, 2010.
2. International Trade Statistics 2010 / Geneva / WTO, 2010.
3. Trade patterns and global value chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks / Geneva / IDE-JETRO and World Trade Organization, 2011.
4. <http://comtrade.un.org/db> - United Nations Commodity Trade Statistics Database.

СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

В.С. Белозеров, В.В. Чихичин,
А.Н. Панин, И.Ю. Коржов (Ставрополь)

РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ¹

Belozеров V.S., Chihichin V.V., Panin A.N., Korzhov I.J.
RUSSIAN-KAZAKHSTAN BORDER REGION: THE THEORY AND PRACTICE
OF RESEARCH ON THE SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES

Аннотация. В работе на примере регионов, расположенных по обе стороны российско-казахстанской границы, обосновывается феномен пограничья как пространства сложного экономического и социокультурного взаимодействия людей с особой моделью поведения и идентичностью.

Abstract. On the example of regions located on both sides of the Russian-Kazakhstan border, borderland phenomenon is justified as a space of complex economic, social and cultural interaction of people with a special model of behavior and identity.

Ключевые слова: пограничье, Россия, Казахстан, критерии пограничной территории, демографические, миграционные и этнические процессы.

Key words: frontier, Russia, Kazakhstan, the criteria of the border area, demographic, migratory and ethnic processes.

Граница между Россией и Казахстаном – это самая длинная в мире сплошная сухопутная граница, по обе ее стороны расположены 12 российских и 7 казахских регионов. Между этими двумя странами практически нет природных рубежей, за исключением горных хребтов юго-западной части Республики Алтай и Алтайского края. Российско-казахстанский рубеж достаточно контактен, что усиливается 16 железнодорожными магистралями и примерно 200 автодорогами, которые его пересекают.

В пределах российско-казахстанского пограничья, в качестве которого будем рассматривать территории регионов, расположенных непосредственно на границе двух государств, сосредоточены значительные потенциалы этих стран. Со стороны России – это не просто более 25 млн. ее населения, а огромный отрезок основной оси расселения страны, где на крупнейшие транзитные магистрали, связывающие Восточную Сибирь и Дальний Восток с Европейской частью,

нанизаны огромные города, являющиеся стратегически важными промышленными центрами. Со стороны Казахстана к границе примыкают области с населением более 5,5 млн. человек. Здесь находится основная часть ресурсного потенциала этой страны: наиболее богатые месторождения нефти и газа, каменного угля, черных и цветных металлов, большинство предприятий.

За столетия совместного существования в пределах современного российско-казахстанского пограничья сформировались не только общая инфраструктура, но и единая территориальная общность людей. Распад СССР отразился на ней очень болезненно, были разрушены налаженные связи, что серьезно повлияло не только на экономики соседних регионов, но на судьбы отдельно взятых жителей, которые вынуждены были внести существенные коррективы в привычный образ жизни, личные контакты и свою территориальную идентичность.

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках проекта «Геоинформационный мониторинг социально-демографических процессов российско-казахстанского пограничья». № 10-06-00388-а.

В постсоветское время на границе между Россией и Казахстаном из-за ее относительной прозрачности сформировался целый ряд социально-экономических проблем. Да и в целом, двусторонние отношения многих стран СНГ характеризуется противоречиями, проблемами и нестабильностью, что отражает молодость государств, слишком короткую историю взаимных отношений на государственном уровне при долгой истории существования в одном государстве, различиями в видении своего будущего [3].

Сегодня основной задачей политики на этом участке границы должен стать переход от стихийного остаточного взаимодействия к цивилизованному взаимовыгодному сотрудничеству. Успешность управленческих решений по развитию территории во многом зависит от качества и жизненных приоритетов живущего на ней населения. Для получения репрезентативной картины демографических, миграционных, этнических процессов, особенностей социальной трансформации на территории российско-казахстанского пограничья (и не только) с целью планирования его развития важно не ограничиваться изучением проблем на уровне стран или регионов, но и «спускаться» ниже – до административных районов и отдельных населенных пунктов.

В данной статье на примере российско-казахстанского пограничья раскрывается методика комплексного полимасштабного исследования социально-демографических особенностей этого особого территориального образования на стыке двух соседствующих государств, которые не так давно были единым целым. В качестве «ступеней» полимасштабного исследования выступают Уральский федеральный округ и Челябинская область со стороны России, Костанайская область – со стороны Казахстана, приграничные административные районы. При этом локальный уровень, то есть уровень населенных пунктов на данном этапе исследования не охвачен с прицелом на дальнейшие экспедиционные изыскания.

Методика комплексного исследования пограничья через призму определения его критериев

Методика изучения пограничья разработана нами на основе подобного рода исследований, опубликованных за последние

пятнадцать лет. Многие из них посвящены изучению социальных трансформаций пограничья: методологическим аспектам изучения социокультурных феноменов в приграничье [6], разработке методики моделирования социального взаимодействия в приграничных регионах [22], выявлению этнической структуры миграционных потоков из Центральной Азии [14], описанию демографической ситуации на Ставрополье в новых геополитических условиях приграничья [21], анализу географии населения российско-украинского приграничья [17, 18] и др. Много публикаций посвящено проблемам развития российско-белорусского пограничья, в некоторых из них рассмотрены экономические, социологические, политические и экологические аспекты, нет недостатка и в географических исследованиях [8]. Опубликована коллективная монография, посвященная комплексному анализу ситуации в российско-украинском пограничье [20].

Количество специальных исследований по проблемам российско-казахстанской границы и, шире, пограничной зоны, как считает С.В. Голунов, пока не велико [5]. Основная их часть посвящена анализу ситуации на региональных участках. При этом работы, в географическом плане охватывающие всю российско-казахстанскую границу, пока очень редки.

В монографии уже упомянутого С.В. Голунова «Российско-казахстанская граница: проблемы безопасности и международного сотрудничества» [5] предпринимается попытка комплексной характеристики ситуации в зоне российско-казахстанской границы, включая оценку ресурсного, коммуникационного, демографического и других видов потенциала, проблемы безопасности и выработки политики трансграничного сотрудничества. Но указанное, наверное, самое полное на сегодняшний день исследование российско-казахстанского пограничья практически не опускается ниже регионального уровня, ситуация в ней анализируется в разрезе областей.

Для того, чтобы понять пограничье, выявить его территориальные рамки, изучить особенности социально-экономического развития и образа жизни населения, необходимо определить критерии пограничности, опираясь на которые можно провести комплексный анализ этого феномена не просто как терри-

тории, расположенной в непосредственной близости от государственной границы, а пространства сложного экономического, социокультурного взаимодействия людей с особой моделью поведения и идентичностью.

Критерий природной выраженности границы, способствующей или препятствующей взаимодействию территорий на рубеже двух стран. Государственная граница, обладающая ярко выраженными природными барьерными функциями, обуславливает пониженную активность сотрудничества, отсутствие стабильных производственных, торговых, социальных и культурных связей. Понятия «пограничье» и «приграничье», которые мы часто воспринимаем как синонимы, могут различаться именно на основе данного критерия. Соседние территории, отделенные друг от друга мощным природным рубежом и в связи с этим слабо взаимодействующие, предлагаем называть приграничьем. Яркий пример Северный и Южный Кавказ, которые отделены друг от друга горной системой. На локальном уровне экономическое и социокультурное взаимодействие на большей части границы здесь крайне затруднено, оно прослеживается только, к сожалению, через криминальные каналы. Открытую же территорию, где граница – это только контрольно-пропускной пункт, предлагаем называть пограничьем.

Критерий исторической зрелости границы. В этом смысле границы России с бывшими республиками Советского Союза представляют особый весьма специфический случай. На многих участках они не обладают убедительными признаками как естественного, так и исторического, в том числе этноареального, предела [12]. Таким образом, постсоветское пограничье хорошо выражено, особенно на западных рубежах нашей страны и с Казахстаном, еще и потому, что границы между странами молодые и обозначенные без особой логики.

Критерий расселения (периферийности). Распространена точка зрения, что приграничные территории вследствие своего окраинного, периферийного положения испытывают значительные трудности в социально-экономическом развитии и обычно бывают депрессивными регионами [10]. Периферийность может проявляться в сложившейся территориальной структуре, в политических процессах, в демографиче-

ских параметрах населения, а именно обуславливать естественную и механическую убыль, в характере расселения, в низкоконкурентоспособной структуре экономики, невысоком уровне развития третичного сектора и т.д. [15].

Однако, в пределах новых границ бывшего СССР социально-экономическая ситуация часто вполне благополучная, когда на основе сложившейся совместной инфраструктуры, старых связей, свободных трудовых ресурсов (мигрантов) развиваются экономика и социальная сфера. Есть мнение, что пограничные территории сопредельных стран, будучи перифериями для этих государств, находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Периферийность положения приграничных районов побуждает значительную часть их населения смотреть на сопредельные территории как на самого перспективного партнера [5]. Настоящее пограничье может характеризоваться более развитой системой расселения и не так периферийно, как территории внутри региона. Города-лидеры, узлы опорного каркаса расселения, расположенные в пределах пограничья, обладают наибольшими возможностями для межгосударственного сотрудничества, и должны быть организаторами этого процесса. Изучение особенностей системы расселения пограничья необходимо для обоснования путей оптимизации его территориальной организации – совершенствования транспортной инфраструктуры, создания транспортных коридоров и для ближайшей интеграции, и для межгосударственных связей [18].

Критерий этнической мозаичности населения. Пограничье, как правило, более полиэтнично, чем остальная территория региона. Чаще всего государственная граница является рубежом между этническими группами, иногда – конфликтующими цивилизационными или другими идентичностями. В ряде случаев эту территорию целесообразно рассматривать также и как зону, имеющую особые этнокультурные характеристики, образовавшиеся на основе взаимодействия элементов, принадлежащих к традициям сопредельных стран [5]. Здесь складывается своеобразная этническая общность с индикаторами этноса, отличными от эталонных. Это переходный тип говоров, наличие смешанных элементов в культуре, традициях, обычаях и пр. [18].

Критерий особой демографической ситуации и миграционной активности. Можно с большой долей вероятности предполагать, что пограничные территории отличаются относительно высоким миграционным приростом населения. В ряде случаев они должны считаться наиболее удобными на фоне всей страны местами для размещения мигрантов [18]. Эмигранты с сопредельного государства, даже если они переселяются на постоянное место жительства и меняют место приложения труда, в наибольшей степени являются «связующим звеном» с местом исхода. Миграции напрямую влияют на демографические процессы. В территориях прибытия мигрантов часто отмечаются более высокая рождаемость, приостановление процесса «старения», повышенная доля трудоспособного населения.

Критерий экономического взаимодействия. Граница может, как препятствовать экономическому сотрудничеству, так и способствовать ему [11]. Приграничные регионы – особый тип регионов, специфика развития которых определяется функциональным дуализмом границы, сочетающей функции барьерности и контактности [13].

Пограничье в экономическом плане часто характеризуется хаосом на рынке товаров и услуг, развитыми экономической преступностью и теневым сектором экономики. В тоже время появление пограничных барьеров повышает шансы для развития отдельных секторов экономики приграничных регионов, которые в условиях существования единого народнохозяйственного комплекса СССР из-за конкуренции соседей были существенно ниже. Некоторые компании получили возможность строить бизнес на существующих между странами различиях по уровню заработной платы, налогов, энерготарифов и т.д. [3].

Иногда – в случае недружественных отношений между странами – границы становятся непреодолимыми барьерами для осуществления коммуникаций. В других случаях – в условиях развивающегося сотрудничества между соседями – через них проходят мощные потоки товаров, услуг, населения. В таких случаях приграничные регионы становятся «коридорами развития» [9].

Приграничность дает при определенных условиях дополнительные возможности для развития: создание совместных предприятий, регулирование рынка рабочей силы,

развитие транспортно-транзитной функции у региона и связанной с ней инфраструктуры и т.д. [15].

Критерий социокультурного взаимодействия. Граница подвергает кардинальным изменениям привычное социальное пространство, разрушая прежние связи и стимулируя в принципиально изменившихся условиях создание новых социальных сетей. Жители, ещё недавно внутренних районов единого государства, оказавшись в приграничной зоне, сталкиваются с необходимостью решать новые для них проблемы, связанные с расхождением в системах образования, с доступностью социальных услуг, различиями в оплате труда и т.д. Прошло почти 20 лет, как появились новые границы на постсоветском пространстве, а приграничное население обоих государств до сих пор далеко не до конца приспособилось к новым реалиям, по-прежнему воспринимают границу как ненужный барьер, препятствующий нормальному течению жизни. Под влиянием изменившихся границ изменилась и повседневная жизнь населения, проживающего на приграничной территории [2].

Критерий пограничной идентичности. Пограничье понимается не только как два близлежащих региона по обе стороны границы, но как некое сакральное пространство, то есть пограничье – это не просто территория, а еще и определенная идентичность живущего на ней населения. Феномен границ вообще трудно изучать в отрыве от идентичностей, которые зачастую многослойны и более подвижны, нежели рубежи между государствами. Один и тот же человек, живущий в пограничье, может идентифицировать себя с определенной страной (и даже сразу с обеими странами), приграничным регионом, с этнической или конфессиональной общностью, пространственное позиционирование и жесткость границ которых меняются в конкретных обстоятельствах [5].

Государственная граница часто выступает и как социальная конструкция, которая определяет территориальные и культурные рамки национальной, этнической и других идентичностей, причем они не всегда совпадают, особенно в условиях новых границ. Российской культуре вообще часто приписывается так называемая «аспатиальность», т.е. внепространственность, равнодушие к месту, которое перетекает и в равнодушие к

границам [23]. Необходимым условием исследования в данном случае является установление тех факторов, которые оказывают воздействие на идентичность, а также маркеров или объектов, которые выступают в роли «компас» в процессе самоидентификации. Важно установить взаимосвязи между современными и прошлыми социокультурными и социополитическими процессами, этнокультурной ситуацией, а также с современной исторической памятью населения, его представлениями о пределах своей территории (малой родины), ее уникальности, специфичности. Последняя может заключаться в значительной культурной дистанции между пограничьем и внутренней («глубинной») Россией, ядром и периферией, а также в существенных внутрирегиональных различиях в самоидентификации населения [6].

Коротко остановимся на методах сбора и источниках информации для определения пограничного пространства по указанным критериям. Изучение выраженности природных рубежей, исторической зрелости границ, особенностей расселения, демографических, этнических процессов, отчасти миграций и экономического сотрудничества возможно посредством анализа документов, картографического материала, региональной и муниципальной статистики, стратегий и программ развития. Полноценное исследование миграционных настроений, особенностей этнического взаимодействия, планов по развитию совместной экономики, социокультурные контакты, а самое главное степень выраженности пограничной идентичности, а также пополнение статистической информации на уровне населенных пунктов невозможно без привлечения *экс-педиционных методов*, в частности, таких как социологические опросы (анкетирование, опросы экспертов).

Выявление пограничья и анализ его особенностей по указанным критериям даст больший эффект, если оно будет не только комплексным, но и *полимасштабным*. Для выработки действительно эффективных практических рекомендаций по регулированию процессов, происходящих в пределах пограничья его необходимо изучать как минимум на двух территориальных уровнях – приграничные области и административные районы. При этом районный уровень более «глубокий», так как именно он позво-

ляет выявить интенсивность трансграничного взаимодействия. Применение полимасштабного подхода даст более значимые результаты, если использовать *картографические методы* исследования, то есть разработку картографического материала с отображением динамики демографических, миграционных, этнических, социально-экономических процессов.

Упор при изучении пограничья на указанные критерии и на полимасштабный анализ позволит выявить пограничную полосу, которая может как совпадать с административными границами, так и иметь неодинаковые размеры. Такой подход даст возможность аргументировать проведение региональной политики в пограничье.

В данных материалах приводятся лишь некоторые результаты исследования российско-казахстанского пограничья в разрезе трех критериев – расселенческого, демографического и миграционного, этнического.

Система расселения и инфраструктура

Важная особенность российско-казахстанского пограничья заключается в том, что это более плотно населенная территория, чем российские регионы к северу и казахстанские – к югу. Фактически, во многих местах, за исключением западного и восточного участков, новая граница прошла по самой середине главной полосы расселения бывшего СССР.

Регионы России, приграничные с Казахстаном, достаточно успешны в социально-экономическом плане. К субъектам Российской Федерации, имеющим относительно высокий уровень производства ВРП на душу населения, относятся 6 из 10. Количество регионов с лучшими, чем в среднем по РФ показателями динамики промышленного производства, составляет 5 из 10 [10].

В 7 приграничных муниципальных образованиях Челябинской области из 43, занимающих 29% площади региона, проживает 13% ее населения (без Челябинска и Магнитогорска) и расположено 22% населенных пунктов, из которых один город с численностью 82 тыс. человек. Для Алтайского края эти цифры еще более показательны: 15 из 71 муниципального образования, 21% территории, 24% населения, 18% населенных пунктов, из которых три города, в том числе Рубцовск с населением 147 тыс. чел. Указан-

ные территории двух регионов трудно назвать периферией, по крайней мере, в плане расселения.

По уровню урбанизации большинство российских приграничных регионов заметно превосходит своих казахстанских соседей. При этом число проживающих в сельской местности часто оказывается вполне сопоставимым. Данное соотношение отражает не только различия в структуре экономики сопредельных регионов (с казахстанской стороны доля сельского хозяйства заметно выше), но и объективно далеко не одинаковое для них социальное значение приграничных районов. С российской стороны эти районы в значительном большинстве случаев представляют собой периферию, играющую второстепенную роль в социальной жизни соответствующих регионов. В Казахстане же приграничные районы – более развитые с социально-экономической точки зрения.

Взаимодействие между населением приграничных областей всегда были достаточно оживленными. Однако степень коммуникационной контактности региональных участков границы существенно различается. Со стороны России количество пунктов пропусков составляет 69, а со стороны Казахстана на 5 больше. Наименее контактны участки Республики Алтай, Новосибирской и Тюменской областей. Челябинский, курганский, оренбургский и омский участки границы в этом плане находятся в более лучшем положении [5].

Таким образом, гипотеза о том, что приграничные районы периферийны, по крайней мере, в случае российско-казахстанского пограничья не работает. Наоборот, это населенная территория с мощной инфраструктурой, чем можно и нужно пользоваться при планировании мероприятий в рамках социально-экономического сотрудничества.

Демографическая и миграционная «особость» российско-казахстанского пограничья

Анализируя численность населения приграничных областей Российской Федерации можно отметить, что процентное отношение количества населения пограничья относительно всего населения России растет. Это объясняется особой миграционной, а отсюда и демографической ситуацией на этой территории.

Макроуровень (пограничье в целом).

Если в России, начиная с 1993 г., наблюдается сокращение общей численности населения, которое продолжается и в настоящий период, то в приграничных областях до 1996 г. идет рост общей численности населения за счет миграционного притока. В период с 2001 по 2007 г. в российско-казахстанском пограничье с численностью населения происходит та же ситуация, что и по России в целом.

Динамика естественного движения российской части населения российско-казахстанского пограничья, в основном повторяет общероссийскую, хотя естественный прирост здесь стабильно несколько выше (в 2010 г.: в России – -1,7‰, в Уральском федеральном округе – 1,1‰, в Челябинской области – -1‰).

В приграничных же областях Казахстана, как и в целом в этой стране, численность населения с 1989 по 2005 гг. неуклонно сокращалась, с 2006 г. начинается постепенный рост, при этом больше всех потеряли население Северо-Казахстанская (убыль 28,9%) и Костанайская (27,3%) области. Это объясняется имеющимся преобладанием на этой территории русскоязычного населения, которое составило львиную долю эмиграции в Российскую Федерацию.

В начале 1990-х гг. уровень рождаемости у казахов опустился до уровня простого воспроизводства населения, а европейских этносов – еще ниже. Кроме того, резко увеличился миграционный отток европейского населения, которое в условиях превращения административных границ между республиками в государственные было поставлено перед жесткой необходимостью определиться со своим гражданством. Поскольку европейские этносы накануне распада СССР в Казахстане численно преобладали, его население к концу 1990-х гг. заметно сократилось.

В целом деструктивные процессы на территории бывшего СССР, с одной стороны, подстегнули стремление населения, прежде всего, русских, к переезду из постсоветских стран в Россию, который достиг максимума в 1994 г. (1,1 млн. прибывших), с другой – лишили эти страны привлекательности для россиян, выезд которых туда в первые годы после распада СССР сократился почти в 3 раза.

Весь миграционный процесс в российско-казахстанском пограничье можно разбить на четыре периода:

- *период наибольшего притока эмигрантов по всей территории Российской Федерации (1993–1994 гг.)* – в 1993 г. коэффициент миграционного прироста в РФ составил 2,7‰, в Уральском федеральном округе – 6,3‰, в 1994 г. произошел пик миграции, прирост в России составил 5,5‰, в Уральском федеральном округе – 11,4‰, в Челябинской области – 7,8‰;
- *период снижения темпов эмиграции в Россию (1995–1997 гг.)* – в 1996 г. коэффициент миграционного прироста в РФ составил 2,3‰, в Уральском федеральном округе – 3,6‰;
- *посткризисный период (1998–2005 гг.)* – начиная с 1998 по 2002 годы общероссийский миграционный коэффициент падал (с 1,9‰ до 0,4‰ г.), в Уральском федеральном округе – с 2,9‰ до 0,1‰; в 2000 г. в Челябинской области миграционный прирост составил 0,1‰, в 2002 г. отмечается миграционная убыль; в 1999 г. коэффициент миграционного прироста в российском пограничье составил 1,5‰, а с казахстанской стороны в пограничье коэффициент убыли составил (-10,8‰). Среди приграничных регионов Республики Казахстан наибольшей убылью (-30,5‰) выделилась Костанайская область;
- *современный период (2005–2009 гг.)* – медленное увеличение миграционного прироста по всему пограничью, в 2008 г. в России миграционный прирост составил 1,8‰, в Уральском федеральном округе – 1,3‰, в Челябинской области – 1,6‰; в 2005 г. на казахстанской территории коэффициент миграционной убыли в пограничье составил (-2,2‰), в Костанайской области он был выше в 3 раза общего показателя (-6,8‰); в 2009 г. общий коэффициент убыли в казахском пограничье составил -3,5‰, в Костанайской области с -5,8‰.

Истощение миграционных ресурсов и динамичное развитие Казахстана в новом тысячелетии привело к снижению миграционных потоков в Россию. Регионы российско-казахстанского пограничья продолжают оставаться для мигрантов «транзитной зоной». Разумеется, данные статистики не отражают

реального количества трудовых мигрантов, прибывающих в Россию из этих стран. Трудовая миграция из центрально-азиатских стран, первоначально ориентированная на более развитые западные регионы России, постепенно становится все более заметной и в сибирских регионах. Перспективы транзитной миграции также будут зависеть не только от привлекательности России, но и от социально-экономической ситуации в Казахстане [7].

В ряде приграничных регионов, например, в Курганской, Оренбургской областях, а в последние годы также Астраханской, Омской, Тюменской областях, Алтайском крае внешняя миграция компенсировала также миграционную убыль в обмене населением с другими регионами России. Население приграничных казахстанских областей понесло большие потери, отток в наибольшей степени затронул области, расположенные ближе к России. В последние два года в Казахстане вновь отмечается небольшое увеличение коэффициента убыли, но это не достаточно для компенсации даже в приграничных регионах.

Сравнение такого показателя, как увеличение численности населения, позволяет в какой-то мере определить миграционный потенциал приграничных регионов. Среди приграничных областей Республики Казахстан численность населения увеличивается лишь в Атырауской области, которая имеет самый высокий показатель рождаемости, так как в ней проживает в основном казахское население. В то же время эта территория притягательна для мигрантов по причине наличия нефтяных месторождений и возможности высоких заработков.

Иммиграция в Россию оказывает положительное влияние на половозрастную структуру населения. В потоках выбытия из Казахстана основную долю составляли лица в трудоспособном возрасте (в 2009 г. – 78% иммигрантов). В этой связи закономерно, что в республике растет число лиц старше трудоспособного возраста и соответственно усилилась тенденция «старения населения». В тоже время доля населения Российской Федерации в трудоспособном возрасте сокращается естественным образом, отсюда потребность в трудоспособном населении при условии социально-экономического развития увеличивается. В этом случае необхо-

дима продуманная миграционная политика, основанная на понимании внешней миграции как основного источника пополнения убывающего российского населения. В качестве первоочередной задачи следует рассматривать содействие переселению в Россию русских и других русскоязычных граждан бывшего СССР, а также представителей других коренных народов России (татар, башкир и других), оказавшихся вне пределов России, но желающих в нее вернуться.

Мезоуровень (два региона). Челябинская область как экономически развитый регион «притягивает» мигрантов, имея четко выраженные потребности в рабочей силе, располагая рынками труда с возможностями трудоустройства и более высоким уровнем заработков, развитой социальной инфраструктурой. Значение миграции для Челябинской области сложно переоценить в связи с тем, что в среднем количество всех мигрантов (по всем видам и потокам) здесь превышает в год 110 тысяч человек. В конце 1990-х годов коэффициент миграционного прироста в Челябинской области был выше, чем в каждой из областей Уральского региона и превышал российский уровень более чем в 2 раза. Пик притока мигрантов в область наблюдался в 1997–1998 гг. Естественная убыль населения в эти годы покрывалась миграционным приростом. С 1999 г. произошёл резкий спад миграции населения в Челябинскую область, в 2002–2004 гг. миграционный прирост сменился миграционной убылью, в 2006–2008 годах миграционный поток вновь стал положительным. Наибольший миграционный прирост в область традиционно складывается с Казахстаном (38%).

В Костанайской области за период с 1989 по 1999 гг. область имела убыль населения на 206,2 тыс. чел., во многом за счет миграции. В конце 2000-х гг. миграционная убыль сокращается, что можно объяснить оживлением экономической активности: создание новых производств, поощрением развития малого предпринимательства.

Микроуровень (муниципальные районы). В семи приграничных с Казахстаном муниципальных образованиях Челябинской области: Троицком городском округе и Брединском, Карталинском, Варненском, Чесменском, Октябрьском, Троицком муниципальных районах последние 20 лет наблюдался в основном наибольший коэффициент

миграционного прироста. Так, в 1994 г., в Брединском районе он составил 15,9‰, в Карталинском – 17,2‰, в Троицком – 9,3‰, в Чесменском – 17,5‰. В 2000 г. миграционный прирост в приграничных районах сохранялся.

В начале XXI века приграничные территории, кроме Троицка, имели миграционную убыль, обусловленную миграцией населения из приграничных в центральные районы области. С 2007 г. на этих территориях отмечается небольшой миграционный прирост населения.

Численность населения в данных районах в динамике не дает резких скачков за счет постоянного притока эмигрантов из сопредельной территории Казахстана. На общем фоне выделяется г. Троицк, так как находится на федеральной трассе и имеет железнодорожное сообщение, рядом с городом находится пункт международного пропуска. В приграничном Брединском районе миграционный прирост компенсировал естественную убыль с 1990–1995 гг. и в 1997–1998 гг.

В разрезе городов и районов Челябинской области демографическая картина одинаково сложная, но не однозначная. Естественного прироста населения в 2002–2004 гг. не наблюдалось ни в одной территории, везде зафиксирована естественная убыль. Но вместе с тем, в некоторых из территорий наблюдался миграционный прирост, и он оказал некоторое положительное влияние на общий прирост населения.

В целом в Челябинской области преобладают территории с миграционным приростом, а в Костанайской области – с миграционной убылью.

Этнические особенности российско-казахстанского пограничья

В пределах российско-казахстанского пограничья процессы изменения этнического состава проходят достаточно активно. Диверсификации этнической структуры населения России и Казахстана, в основном, способствует международная миграция.

Макроуровень. Доля титульных народов России в общем миграционном притоке растет с запада на восток: в Астраханской и Волгоградской областях она составляет 59% и 61% соответственно, в Алтайском крае – достигает 79%. Среди прибывших в Астраханскую, Оренбургскую области и Республи-

ку Алтай была значительна доля казахов. За период с 1989 по 2002 гг. в двух российских областях – Астраханской и Самарской – возросло количество казахов, а русских уменьшилось. В Тюменской области выросло население обоих народов. В Челябинской области наблюдался прирост русских, прирост же казахов был незначительным.

Казахи резко выделяются своим миграционным поведением на фоне всех народов Центральной Азии. Это единственный этнос, который мало проявил стремление к выезду из своей страны. Более того с периодом с 2001 по 2007 г. Россия потеряла почти 12 тыс. казахов.

Наиболее заметным изменением этнического ландшафта Казахстана стало значительное увеличение численности титульного этноса. Накануне распада СССР здесь проживало 40,1% казахов и 37,4% русских, в 1999 г. доля казахов увеличилась до 53,4%. В приграничных территориях Казахстана в 1990-е гг. доля русских сократилась с 37% в 1989 г. до 30% в 1999 г., доля казахов в это время увеличилась с 41% до 54% [1].

В целом за 1992–2009 гг. свыше 65% всех прибывших из Казахстана в Россию составили этнические русские, порядка 12% пришлось на другие титульные народы Российской Федерации. Таким образом, более 75% миграционных потоков являлись репатриационными. Более того, в последние годы регистрируемая иммиграция – это в основном прибытие лиц, уже имеющих российское гражданство. Так, в 2009 г. среди международных мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию, доля граждан Российской Федерации составила свыше 78% [16]. При этом к настоящему моменту потенциал русской репатриации в значительной степени исчерпан и, по оценкам экспертов, не превышает 4 млн. человек [19].

Причины эмиграции «некоренного» населения из Казахстана связаны с целым комплексом факторов, главным из которых является курс на построение казахского национального государства, где прочим этносам отводится роль этнических диаспор. Наиболее ярким проявлением этого курса является повсеместное введение казахского языка в документооборот. Эти закономерные процессы становления национального государства вызывают у русских вполне обоснованные опасения за будущее своих

детей, заставляющие их задуматься о переезде в Россию. Примечательно, что именно с середины 2000-х гг., когда началось введение казахского языка, эмиграция славянского населения из Казахстана вновь усилилась [4]. В этих непростых условиях Казахстан в ближней и среднесрочной перспективе почти наверняка столкнется с продолжением, а возможно – и усилением миграционного оттока европейского населения.

Пограничные области Казахстана продолжают оставаться регионами, в которых сосредоточено русское население, в настоящее время здесь проживает 48% русских страны, что превышает показатель 1989 г. (46%).

Мезо- и микроуровень. Согласно данным переписи населения 2002 г. процентный состав в Челябинской области возрос в следующих этносах: русские, башкиры, казахи, армяне, азербайджанцы.

Значительно ниже среднеобластного уровня удельный вес лиц русской национальности в общей численности населения в районах: Кунашакском (14%); Аргаяшском (30%); Нагайбакском (42%); Кизильском (64%). В общем национальном составе области казахов лишь 1%. В разрезе территорий картина несколько иная: имеются муниципальные образования, удельный вес населения казахской национальности в которых гораздо выше, в основном это территории, граничащие с Казахстаном. В Кизильском районе представители данной национальности составляют 17% от общей численности населения, в Нагайбакском районе – 14%, в Брединском – 10%, в Агаповском – 8%, в Чесменском – 8%, в Варненском – 7%, в Верхнеуральском – 7%.

Если по Республике Казахстан казахи составляли в 1999 г. 53%, русские – 30% всего населения, то в Костанайской области казахов 31%, русских 42%, в Павлодарской области: 39% и 42%, в Северо-Казахстанской области: 30% и 50% соответственно [5].

Рост численности казахов (хотя и менее значительный, чем в целом по стране) отмечен во всех трех областях, что было обусловлено более высокими показателями рождаемости у казахов, значительными масштабами миграции из других регионов Казахстана, репатриацией из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Этнический состав населения российско-казахстанского пограничья будет меняться и

в дальнейшем. По прогнозам казахстанских аналитиков только по программе переселения соотечественников в Россию из Казахстана может переселиться до 600 тыс. человек, что составляет около 1/7 всего русского населения республики. В течение двух-трех десятилетий удельный вес титульного этноса может составить 70–80% населения, приблизившись к уровню соседних республик Средней Азии, а русские, численность которых накануне распада СССР была сопоставимой с титульным этносом, окончательно займут место этнического меньшинства. Как следствие, этнический облик Казахстана, в том числе и его приграничной с Россией территорией, будет становиться все более «азиатским» [4].

В качестве заключения отметим, что исследование демографических, миграционных и этнических процессов в регионах российско-казахстанского пограничья подтвердило гипотезу о том, что эта территория явно отличается от «остальной» части страны, и требует поэтому особого к себе вни-

мания. Важным институтом совершенствования механизмов взаимодействия между Россией, Казахстаном и Белоруссией, в том числе в приграничных регионах, является Таможенный союз.

Важно понимать и то, что эти отличия гораздо лучше видны на локальном уровне. Пограничье – реально существующее пространственное и ментальное образование, не всегда совпадающее с контурами административно-территориального деления. Его развитие обусловлено разделяющей и одновременно консолидирующей ролью границы. Постсоветское пограничье уникально еще и тем, что оно появилось недавно. Новая граница, что называется, по живому разделила экономики, народы, общности, семьи. Комплексное и отраслевое изучение феномена пограничной территории историками, социологами, политологами, культурологами, географами, безусловно, будет продолжено. Географы в данном случае занимают нишу комплексных полимасштабных исследований, попытка которого была предпринята в данной статье.

Библиографический список

1. Белозеров В.С., Коржов И.Ю. Миграционные процессы в российско-казахстанском приграничье: этнический аспект // Центральная Азия – крупнейший донор в Евразии. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Худжант, 2011.
2. Бредникова О., Воронков В. Граница и реструктурирование социального пространства (случай Нарвы-Ивангорода). URL: http://www.indepsocres.spb.ru/bredvv_r.htm (дата обращения: 5.09.2011).
3. Вардомкий Л.Б. Некоторые особенности экономического развития российско-украинского порубежья // Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. Сб. трудов XXIV сессии экономико-географической секции МАРС. – М.: ИГ РАН, 2007. – С. 308–324.
4. Верещагина А.А. Язык Пушкина в статусе иностранного...Этнополитическая ситуация в Казахстане имеет тенденцию к обострению. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=21323> (дата обращения: 5.09.2011).
5. Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: проблемы безопасности и международного сотрудничества. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.
6. Гриценко А.А. Методологические аспекты изучения социокультурных феноменов в приграничье с позиции географии // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: Сборник научных статей. – Смоленск: Универсум, 2011. – С. 182–186.
7. Ионцев В. А. Международная миграция: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир / под ред. В. А. Ионцева. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 53–105.
8. Катровский А.П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 70–75.
9. Клемешев А.П., Федоров Г.М. От изолированного эксклава – к «коридору развития»: альтернативы российского эксклава на Балтике. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004.
10. Корнеев В.С. Классификация приграничных регионов России // Региональные исследования. – 2010. – № 10. – С. 48–53.
11. Кутузов М. Концепция приграничной безопасности. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/kutuzov/?library=1058> (дата обращения: 7.10.2011).
12. Малявина Д.А. Основные подходы к исследованию приграничных территорий и их значимость для российско-украинского приграничья. URL: www.nikolaenko.ru (дата обращения: 7.10.2011).
13. Межевич Н.М. Региональная экономическая политика Российской Федерации: влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.

14. Мкртчян Н.В. Этническая структура миграционных потоков из Центральной Азии в Российское приграничье. // Россия – Казахстан: фронтьерские миграции. Сб. науч. Трудов. – М.-Уральск, 2002. – С. 52–64.
15. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 61–69.
16. Население России 2002: десятый ежегодный демографический доклад. – М.: КДУ, 2004.
17. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья: автореф. дис. ... докт. геогр. наук. – М., 2007.
18. Попкова Л.И. Методика этногеографического изучения приграничного пространства // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: Сборник научных статей. – Смоленск: Универсум, 2011. – С. 389–393.
19. Программа развития Организации Объединенных наций. Ежегодный отчет 2009. URL: http://www.beta.undp.org/content/dam/undp/library/corporate/UNDP-in-action/2009/RU_FINAL.pdf (дата обращения: 10.10.2011).
20. Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / отв. ред.: В.А. Колосов и О.И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011.
21. Рязанцев С.В. Ставрополье в условиях приграничья // Природа. – 2000. – № 7. – 2000. – С. 70–84.
22. Симонян Р.Х. Моделирование процессов социокультурного взаимодействия в приграничных регионах // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М., 2008. – С. 87–88.
23. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: Материалы семинара. МОНФ. – М., 1999. – С. 108–111.

Е.С. Данилюк (Гродно, Беларусь)

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Daniliuk E.S.

METHODOLOGY AND PRINCIPLES FOR ORGANIZING THE CROSS-BORDER COOPERATION OF THE REGIONS OF THE EUROPEAN UNION

Аннотация. На основании исследования значительного количества нормативных документов Европейского Союза предпринята попытка выделить, систематизировать и проанализировать ключевые элементы в методологии организации трансграничного сотрудничества. Рассмотрены принципы организации трансграничного сотрудничества регионов Европейского Союза. Сформулированы выводы и рекомендации о возможном применении опыта Европейского Союза в направлении организации трансграничного сотрудничества в регионах стран Единого экономического пространства.

Abstract. The attempt to emphasize, systematize and analyze the key elements in the methodology of cross-border cooperation organization has made in the article. This effort is based on studies of large quantity of the normative documents of the European Union. The principles for organizing of the EU's regions cross-border cooperation are also presented in the article. Summary and recommendations, which concern probable application the European Union experience in the direction of the organization of cross-border cooperation with the Single Economic Space countries regions, are formulated in the article.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, приграничные регионы, методология, принципы, Европейский Союз, Единое экономическое пространство.

Keywords: cross-border cooperation, border regions, methodology, principles, the European Union, the Single Economic Space.

В соответствии с Декларацией о евразийской экономической интеграции, подписанной главами государств Беларуси, Казахстана и России в ноябре 2011 года, основным содержанием дальнейшей интеграции будет полная реализация потенциала Таможенного

союза и Единого экономического пространства. Для достижения этой цели определены основные направления взаимодействия стран, среди которых выделяют развитие межрегионального и приграничного сотрудничества, формирование эффективных

структур межрегионального взаимодействия [3]. Действительно, международное сотрудничество приграничных регионов сопредельных стран (трансграничное сотрудничество) может успешно содействовать решению социально-экономических проблем взаимодействующих территорий, оказывая влияние на их устойчивое развитие и, одновременно способствуя их интегрированию в мировое хозяйство. Однако полномасштабная реализация возможностей данного направления интеграции все же сдерживается недостаточным развитием методологической базы в организации трансграничного сотрудничества регионов стран ЕЭП, несмотря на институционально-правовую основу и имеющийся опыт такого сотрудничества среди регионов стран-членов СНГ [6]. С этой точки зрения изучение методологии организации трансграничного сотрудничества регионов Европейского Союза представляет определенный интерес, поскольку их взаимодействие с сопредельными территориями может осуществляться как на внутренних, так и на внешних границах Сообщества. Кроме того, немаловажным является тот факт, что опыт методологического обеспечения такого сотрудничества в ЕС насчитывает более двух десятилетий.

Исследованию и анализу как теоретических, так и практических аспектов взаимодействия приграничных регионов посвящены многочисленные публикации в белорусских и российских научных изданиях. Так, например, изучению принципов, ключевых определений в понятийном аппарате трансграничного сотрудничества посвящены статьи белорусских авторов М.Е. Белицкого, Л.Н. Давыденко, А.И. Литвинюка [1, 2]. Социально-экономическим, географическим, территориально-отраслевым и другим аспектам развития и взаимодействия приграничных регионов уделяется большое внимание в статьях российских исследователей. Так, в журнале «Региональные исследования» за последнее время опубликованы работы В.С. Корнеевца, А.П. Катровского, К.А. Морачевской, В.И. Часовского и др. [4, 5, 7, 8]. В данной статье на основе изучения значительного количества нормативных документов ЕС, впервые предпринята попытка выделить ключевые элементы в методологии организации трансграничного сотрудничества, система-

тизировать их, рассмотреть и сделать выводы относительно возможности использования европейского опыта в рамках ЕЭП.

За долгие годы своего становления в системе внутренней и внешней политики Европейского Союза трансграничное сотрудничество стало важным элементом регионального направления, сосредоточенным на интегрированном территориальном развитии через активное взаимодействие регионов на внутренних и внешних границах. Анализ основных правовых норм, регулирующих вопросы организации трансграничного сотрудничества регионов ЕС, показал следующее. Вне зависимости от территории взаимодействия приграничных регионов (на внутренних или внешних границах) в методологии организации их сотрудничества можно выделить следующие ключевые элементы:

- цель и приоритеты;
- общий стратегический подход к планированию;
- система управления, мониторинга и контроля над программами и проектами;
- институциональные участники программ и проектов;
- критерии приемлемости регионов для получения финансирования;
- критерии отбора проектов;
- инструменты реализации программ и проектов;
- общие условия финансового обеспечения программ и проектов со стороны ЕС.

Однако при непосредственном изучении методологии принципиальное значение имеет деление ее основных составляющих на три группы. Это дает возможность исследовать специфику организации трансграничного сотрудничества между внутренними регионами ЕС, между регионами ЕС и регионами стран-кандидатов на вступление в Евросоюз, и, наконец, между регионами ЕС и странами, не планирующими в ближайшем будущем интеграции с Евросоюзом. Таким образом, подробная характеристика ключевых элементов методологии (см. табл. 1) позволяет сформировать полное представление об организации трансграничного сотрудничества регионов вдоль внутренних и внешних границ ЕС.

Анализ ключевых элементов методологии организации трансграничного сотрудниче-

Таблица 1

Методологические основы и условия финансового обеспечения трансграничного сотрудничества в Европейском Союзе (программный период 2007–2013 гг.)

Элементы методологии	Основные характеристики
	<p>трансграничное сотрудничество на внутренних границах ЕС в рамках цели «европейское территориальное сотрудничество» – одна из трех целей политики сплоченности</p>
Цель и приоритеты	<p><u>Цель:</u> содействовать устойчивому и интегрированному территориальному развитию сотрудничающих приграничных регионов ЕС через реализацию совместных региональных или местных инициатив.</p> <p><u>Приоритеты:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> – поддержка предпринимательства, в частности развитие предприятий малого и среднего бизнеса, туризма, культуры и трансграничной торговли; – поддержка совместного управления и защиты природных и культурных ресурсов, предотвращение природных и техногенных рисков; – поддержка связей между городскими и сельскими районами; – снижение изоляции через улучшение доступа к транспортным, информационным и коммуникационным сетям, а также трансграничным водам, очистным сооружениям и энергетическим системам; – развитие сотрудничества в совместном использовании инфраструктур здравоохранения, культуры, туризма и образования.
Общий стратегический подход к планированию	<p><u>Стратегические руководящие принципы политики сплоченности Сообщества (СРП) / Community strategic guidelines on cohesion (CSGC)</u> (разрабатывает Европейская Комиссия в соответствии с приоритетами Сообщества)</p> <p>документ направлен на усиление связи между фондами Сообщества, задействованными в реализации политики сплоченности и Лиссабонской программой, содержащей стратегические цели развития ЕС; является руководством для разработки национальных стратегий и оперативных программ.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p><u>Национальные стратегические рамки (НСР) / National strategic reference framework (NSRF)</u> (разрабатывает государство-член с учетом Национальных программ регионального развития и СРП)</p> <p>содержат стратегию реализации трех целей политики сплоченности, перечень оперативных программ для их достижения и предварительное распределение финансовых ассигнований.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p><u>Оперативные программы (ОП) / Operational programs (OP)</u> (разрабатывают заинтересованные государства-члены с учетом вышеуказанных документов)</p> <p>включают: анализ сильных и слабых сторон регионов, имеющих право на получение субсидий; конкретные цели, основанные на ключевых приоритетах СРП и НСР; план финансирования; процедуру реализации программ (назначение органов управления, оценки и аудита); а также перечень крупных проектов.</p>
Система управления, мониторинга и контроля над программами и проектами	<p><u>Единый орган управления (ЕОУ) / Single managing authority (SMA)</u> несет ответственность за управление и выполнение ОП в частности</p> <p>обеспечивает отбор проектов в рамках ОП, проверку расходов и сбор данных по реализации проектов, дает оценку выполнения ОП, составляет ежегодный и окончательный отчеты по выполнению ОП.</p> <p><u>Единый орган сертификации (ЕОС) / Single certifying authority (SCA)</u> несет ответственность за отчетность по расходованию средств на проекты и финансовое обеспечение проектов в частности</p> <p>составляет и направляет в Европейскую Комиссию отчеты о расходах по проектам, на основании заявок получает платежи от Еврокомиссии и зачисляет их в пользу бенефициаров, участвующих в финансируемых проектах.</p>

Таблица 1. Продолжение

	<p><u>Единый орган аудита (ЕОА) / Single audit authority (SAA)</u> обеспечивает проверку эффективности функционирования систем управления и контроля ОП в частности проверяет исполнение отдельных проектов и ОП с целью удостовериться в том, что основные органы ОП проводят проверки равномерно в течение всего программного периода, направляет в Еврокомиссию ежегодный доклад о функционировании систем управления и контроля ОП. ЕОА – орган независимый от государств-членов.</p> <p><u>Мониторинговый комитет (МК) / Monitoring Committee (MC)</u> обеспечивает эффективность и качество реализации ОП в частности рассматривает и утверждает критерии отбора проектов, отчеты по выполнению ОП, периодически дает оценку достижению задач и установленных целевых показателей ОП на основании документов, предоставленных ЕОУ, вносит предложения по улучшению управления ОП.</p> <p><u>Совместный технический секретариат (СТС) / Joint technical secretariat (JTC)</u> помогает работе ЕОУ и МК, при необходимости ЕА, в рамках осуществления ими своих обязанностей.</p>
Институциональные участники программ и проектов	<ul style="list-style-type: none"> – органы местной и региональной власти приемлемых приграничных территорий, их ассоциации и организационные структуры; – государственные организации/учреждения; – негосударственные и некоммерческие организации, осуществляющие свою деятельность в сферах, соответствующих приоритетам сотрудничества; – образовательные, научно-исследовательские и учебные учреждения, университеты; – предприятия малого и среднего бизнеса, которые осуществляют свою деятельность в сферах, соответствующих приоритетам сотрудничества.
Критерии приемлемости регионов для получения финансирования	<p>регионы должны:</p> <ul style="list-style-type: none"> – относиться к третьему уровню (согласно Номенклатуре территориальных единиц для целей статистики, разработанной статистической службой ЕС – NUTS); – располагаться вдоль всех внутренних и некоторых внешних сухопутных или вдоль морских границ, отделенных друг от друга не более чем на 150 км.
Критерии отбора проектов	<ul style="list-style-type: none"> – проекты должны быть направлены на развитие трансграничной деятельности и включать бенефициаров, по крайней мере, из двух стран, одна из которых должна быть государством-членом; – проекты должны соответствовать, как минимум двум из нижеуказанных условий: совместная разработка, совместная реализация, совместный персонал и совместное финансирование.
Инструменты реализации программ и проектов	<p><u>Финансовые:</u> Европейский фонд регионального развития, Европейский инвестиционный банк, ресурсы государств-членов и иных бенефициаров, участвующих в проектах.</p> <p><u>Институциональные:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> – Европейская группировка территориального сотрудничества (ЕГТС) – направлена на усиление территориального сотрудничества между регионами государств-членов ЕС, имеет статус юридического лица; – Группировка еврорегионального сотрудничества (ГЕС) – направлена на поддержку и развитие трансграничного и межтерриториального сотрудничества регионов стран-членов ЕС, имеет статус юридического лица; – еврорегион или иной тип трансграничного региона – призван содействовать сотрудничеству приграничных регионов, может иметь статус юридического лица.

Таблица 1. Продолжение

Общие условия финансового обеспечения программ и проектов со стороны ЕС	<p>– вклад ЕФРР не должен превышать <u>75 %</u> от допустимых расходов для ОП в рамках цели «европейское территориальное сотрудничество». Если хотя бы один из участников принадлежит государству-члену, где средний ВВП на душу населения ниже 85 % от среднего по ЕС-25 в период с 2001 по 2003 гг., то вклад ЕФРР может составлять до <u>85 %</u>.</p> <p>– ЕФРР может финансировать расходы, понесенные при осуществлении проектов на территориях, прилегающих к приемлемым для финансирования регионам (до <u>20 %</u> от суммы вклада ЕФРР в ОП). При условии, что достижение целей проектов затруднительно без участия партнера с прилегающей территории.</p> <p>– ЕФРР может финансировать расходы, понесенные при осуществлении проектов на территориях стран-соседей ЕС (до <u>10 %</u> от суммы вклада ЕФРР в ОП). При условии, что понесенные расходы сделаны в пользу регионов ЕС.</p> <p>ОБЪЕМ ФИНАНСИРОВАНИЯ трансграничных программ вдоль внутренних границ ЕС – 5,6 млрд. евро (64,4 % от общего объема ассигнований ЕФРР для цели «европейское территориальное сотрудничество»).</p>	
трансграничное сотрудничество на внешних границах ЕС в рамках Инструмента помощи по подготовке к вступлению (ИППВ) – один из инструментов внешней политики		
Цель и приоритеты	<p><u>Цель:</u> содействовать развитию добрососедских отношений, взаимному укреплению стабильности, безопасности и благополучия сотрудничающих стран, их гармоничному, устойчивому и сбалансированному развитию через реализацию совместных инициатив на региональном или местном уровнях, объединяя цели внешней помощи и политики сплочения.</p> <p><u>Приоритеты:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> – поддержка предпринимательства, в частности развитие предприятий малого и среднего бизнеса, туризма, культуры и трансграничной торговли; – поддержка совместного управления и защиты природных и культурных ресурсов, предотвращение природных и техногенных рисков; – поддержка связей между городскими и сельскими районами; – снижение изоляции через улучшение доступа к транспортным, информационным и коммуникационным сетям, а также трансграничным водам, очистным сооружениям и энергетическим системам; – развитие сотрудничества в совместном использовании инфраструктур здравоохранения, культуры, туризма и образования; – содействие развитию правового и административного сотрудничества; – обеспечение эффективного управления границами, через содействие законной торговле и пересечению границ при их одновременной защите от контрабанды, торговле людьми, организованной преступности, инфекционных заболеваний и незаконной миграции, в том числе транзитной; – поддержка трансграничных контактов на региональном и местном уровнях за счет усиления обменов и углубления экономического, социального, культурного и гуманитарного сотрудничества между местными сообществами; – содействие интеграции трансграничных рынков труда, местным инициативам в сфере занятости, гендерному равенству и равным возможностям, обучению и социальной интеграции; – стимулирование человеческих контактов и поддержка возможностей проведения научных исследований и развития технологий. 	
Общий стратегический подход к планированию	<p><u>Соглашения о партнерстве по присоединению (СПП) / Accession partnerships (AP)</u></p> <p>для стран-кандидатов на вступление в ЕС</p>	<p><u>Соглашения о европейском партнерстве (СЕП) / European partnerships (EP)</u></p> <p>для потенциальных стран-кандидатов к интеграции в ЕС</p>

Таблица 1. Продолжение

Общий стратегический подход к планированию	<p>(разрабатывает Европейская Комиссия совместно со странами-кандидатами)</p> <p>содержат принципы, приоритеты и условия развития отношений между Сообществом (СЕП) и странами-кандидатами; создают политические рамки для предоставления помощи в рамках Инструмента помощи по подготовке к вступлению.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p>Каждая страна-бенефициар с учетом СПП или СЕП разрабатывает перечни мер, направленных на достижение приоритетов сотрудничества с ЕС, а также сроки их реализации. Они могут быть включены в национальные планы развития или планы по интеграции с ЕС.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p><u>Документ о стратегии (ДС) / Strategy paper (SP)</u> (разрабатывает Европейская Комиссия с учетом СПП или СЕП) содержит анализ актуальных проблем, характерных для стран-кандидатов, основные направления и оценку результатов их сотрудничества с ЕС, а также выводы и рекомендации, как общего характера, так и по каждой стране в отдельности; создает политические рамки для предоставления помощи в рамках Инструмента помощи по подготовке к вступлению.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p><u>Многолетние индикативные финансовые рамки (МИФР) / Multi-annual indicative financial framework (MIFF)</u> (разрабатывает Европейская Комиссия с учетом СПП / СЕП, а также ДС) предоставляют информацию о запланированном Еврокомиссией распределении средств с разбивкой по компонентам помощи в рамках ИППВ по каждой стране-бенефициару, а также по многострановым программам.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p><u>Многолетние индикативные планы (МИП) / Multi-annual indicative planning documents (MIPD)</u> (разрабатывает Европейская Комиссия совместно со странами-участницами с учетом НП, ДС и МИФР) могут быть разработаны как для каждой страны-кандидата в отдельности, так и по многострановым программам; содержат основные приоритеты и условия стратегического планирования по компонентам помощи, а также перечень и краткое описание программ, финансируемых в рамках Инструмента помощи по подготовке к вступлению.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p><u>Трансграничные программы / Cross-border programs</u> (разрабатывают страны-участницы совместно с заинтересованными участниками с учетом вышеуказанных документов) включают: анализ сильных и слабых сторон регионов, имеющих право на получение субсидий; цель, перечень приоритетов и мер сотрудничества; условия финансового и организационного обеспечения реализации программ.</p>
Система управления, мониторинга и контроля над программами и проектами	<p>В зависимости от состава сотрудничающих сторон выделяют следующие типы управления:</p> <ul style="list-style-type: none"> – <i>совместное управление (shared management)</i> применяют при трансграничном сотрудничестве между бенефициарами из государств-членов и стран-кандидатов. В этом случае система управления аналогична системе управления ОП трансграничного сотрудничества на внутренних границах Европейского Союза (см. выше). – <i>централизованное или децентрализованное управление (centralized or decentralized management)</i> применяют при трансграничном сотрудничестве между бенефициарами из стран-кандидатов. В этом случае система управления может быть построена следующим образом. <p style="text-align: center;"><u>Национальные ИППВ координаторы / National IPA coordinator(s)</u> обеспечивают общую координацию помощи в рамках ИППВ в частности</p> <p>обеспечивают тесную связь своей страны с Еврокомиссией, координируют участие своей страны в программах трансграничного сотрудничества, составляют и направляют в Еврокомиссию</p>

Таблица 1. Продолжение

	<p>и Национальным полномочным представителям* ежегодный и окончательный отчеты о предоставлении помощи в рамках ИППВ. *Национальный полномочный представитель несет общую ответственность за управление финансовыми ресурсами, предоставляемыми в рамках ИППВ, эффективное функционирование системы управления и контроля.</p> <p style="text-align: center;"><u>Управляющие структуры (УС) / Operating structures (OS)</u> несут ответственность за управление и реализацию программ в рамках ИППВ в частности совместно с УС из стран-партнеров отвечают за разработку и мониторинг выполнения программ, а также ежегодный и окончательный отчеты по ним, обеспечивают условия для отбора проектов в соответствии с утвержденными критериями и их реализации в соответствии с правилами Еврокомиссии и национальными правилами в случае <i>централизованного управления</i> <i>децентрализованного управления</i></p> <p>несут ответственность за проведение тендеров, заключение контрактов, осуществление платежей и финансовую отчетность по проектам в части исполнения программ в соответствующей стране.</p>		
	<table border="0" style="width: 100%; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 50%; vertical-align: top;"> <p>↓</p> <p><u>Исполнительные бюро / Implementing agency (IA)</u></p> <p>входят в состав УС каждой страны-участницы</p> </td> <td style="width: 50%; vertical-align: top;"> <p>↓</p> <p><u>Представительства Европейской Комиссии / Commission delegations</u></p> <p>формируют для каждой страны-участницы</p> </td> </tr> </table>	<p>↓</p> <p><u>Исполнительные бюро / Implementing agency (IA)</u></p> <p>входят в состав УС каждой страны-участницы</p>	<p>↓</p> <p><u>Представительства Европейской Комиссии / Commission delegations</u></p> <p>формируют для каждой страны-участницы</p>
<p>↓</p> <p><u>Исполнительные бюро / Implementing agency (IA)</u></p> <p>входят в состав УС каждой страны-участницы</p>	<p>↓</p> <p><u>Представительства Европейской Комиссии / Commission delegations</u></p> <p>формируют для каждой страны-участницы</p>		
	<p style="text-align: center;"><u>Совместный мониторинговый комитет (СМК) / Joint monitoring committee (JMC)</u></p> <p>несет ответственность за эффективность и качество реализации программ в частности рассматривает и утверждает критерии отбора проектов, осуществляет отбор проектов, составляет отчеты по выполнению программ, периодически оценивает достигнутые задачи, установленные в программах трансграничного сотрудничества по документам, предоставленным УС каждой страны-участницы; вносит предложения по улучшению управления программами в случае <i>централизованного управления</i> Еврокомиссия оставляет за собой право утверждать критерии отбора проектов для финансирования по программам трансграничного сотрудничества, а также сами проекты, отобранные СМК.</p> <p><u>Совместный технический секретариат (СТС) / Joint technical secretariat (JTC)</u> оказывает помощь в работе УС и СМК в рамках осуществления ими своих обязанностей.</p> <p style="text-align: center;"><u>Орган аудита (ОА) / Audit authority (AA)</u></p> <p>обеспечивает проверку эффективности функционирования систем управления и контроля над трансграничными программами в частности направляет в Еврокомиссию ежегодный отчет об аудиторской деятельности, функционировании систем управления и выявленных в них недостатках, заключение по отчету о расходовании средств. ОА – орган независимый от стран-участниц.</p>		
Институциональные участники программ и проектов	<ul style="list-style-type: none"> – органы местной и региональной власти приемлемых приграничных территорий, их ассоциации и организационные структуры; – государственные организации/учреждения; – негосударственные и некоммерческие организации, осуществляющие свою деятельность в сферах, соответствующих приоритетам сотрудничества; – образовательные, научно-исследовательские и учебные учреждения, университеты; – предприятия малого и среднего бизнеса, которые осуществляют свою деятельность в сферах, соответствующих приоритетам сотрудничества. 		

Таблица 1. Продолжение

Критерии приемлемости регионов для получения финансирования	<p>регионы должны:</p> <ul style="list-style-type: none"> – относиться к регионам третьего уровня (согласно Номенклатуре территориальных единиц для целей статистики, разработанной статистической службой ЕС – NUTS) или, при отсутствии данной классификации, быть приравнены к ним; – располагаться вдоль сухопутных границ между Сообществом и странами-бенефициарами или между странами-бенефициарами; – либо располагаться вдоль морских границ между Сообществом и странами-бенефициарами или между странами-бенефициарами, разделенных не более чем на 150 км.
Критерии отбора проектов	<ul style="list-style-type: none"> – проекты должны включать бенефициаров, как минимум, из двух стран-участниц, которые должны сотрудничать, по крайней мере, в одном из следующих направлений по каждому проекту: совместная разработка, совместная реализация, совместный персонал и совместное финансирование; – проекты, касающиеся реализации трансграничных программ с участием бенефициаров из ЕС, должны включать, как минимум, по одному бенефициару из государств-членов Сообщества и стран-бенефициаров; – отобранные проекты, отвечающие вышеуказанным условиям, могут быть реализованы в одной стране, при условии, что они обеспечивают четкую трансграничную выгоду.
Инструменты реализации программ и проектов	<p><u>Финансовые:</u> Европейский фонд регионального развития, Европейский инвестиционный банк, Инструмент помощи по подготовке к вступлению, ресурсы стран-участниц и иных бенефициаров, задействованных в проектах.</p> <p><u>Институциональные:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> – Группировка еврорегионального сотрудничества (ГЕС) – направлена на поддержку и развитие трансграничного и межтерриториального сотрудничества регионов стран-членов Совета Европы, имеет статус юридического лица; – еврорегион или иной тип трансграничного региона – призван содействовать сотрудничеству приграничных регионов, может иметь статус юридического лица.
Условия финансового обеспечения программ и проектов со стороны ЕС	<ul style="list-style-type: none"> – вклад Сообщества для программ трансграничного сотрудничества не должен превышать <u>85 %</u> от допустимых расходов и не должен быть меньше <u>20 %</u> от допустимых расходов по каждому приоритету; – проект может получить финансовую помощь со стороны Сообщества одновременно только в рамках одной программы трансграничного сотрудничества; – Сообщество может финансировать расходы, понесенные при осуществлении проектов на территориях, прилегающих к регионам, включенным в программу трансграничного сотрудничества, в пределах <u>20 %</u> от суммы вклада Сообщества в эту программу. В исключительных случаях это допущение может быть расширено до регионов уровня-2 или эквивалентных им территорий (при отсутствии установленной классификации), в которых расположены приемлемые регионы. Расходы партнеров, находящиеся вне территории программы как определено выше, считают приемлемыми для финансирования, если цели проектов могут быть достигнуты только при участии этих партнеров. <p>ОБЪЕМ ФИНАНСИРОВАНИЯ трансграничных программ в рамках ИППВ:</p> <ul style="list-style-type: none"> – за счет вкладов из ЕФРР – 246,7 млн. евро (3,0 % от общего объема ассигнований ЕФРР для цели «европейское территориальное сотрудничество»); – за счет вкладов из ИППВ – 353,3 млн. евро (3,1 % от общего объема ассигнований в ИППВ).

Таблица 1. Продолжение

трансграничное сотрудничество на внешних границах ЕС в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП) – один из инструментов внешней политики			
Цель и приоритеты	<p><u>Цель:</u> содействовать устойчивому социально-экономическому и экологическому развитию приграничных регионов, их комплексному территориальному развитию через внешнюю границу Сообщества посредством реализации совместных инициатив на локальном уровне.</p> <p><u>Приоритеты:</u> – содействие социально-экономическому развитию в регионах по обе стороны от общей границы; – решение общих задач в таких областях, как окружающая среда, здравоохранение, профилактика и борьба с организованной преступностью; – обеспечение действенных и безопасных границ; – поддержка местных трансграничных межличностных коммуникаций.</p>		
Общий стратегический подход к планированию	<p><u>Соглашения об ассоциации (СА) / Association agreements (AA)</u></p> <p>для стран Средиземноморья</p>	<p><u>Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) / Partnership and cooperation agreements (PCA)</u></p> <p>для стран Восточной Европы и Южного Кавказа</p>	<p><u>Иные соглашения / Other agreements</u></p> <p>для иных стран при отсутствии СА / СПС</p>
<p>(разрабатывает Европейская Комиссия совместно со странами-партнерами) содержат общие положения о сотрудничестве в политической, экономической, правовой, культурной и финансовой сферах по широкому кругу вопросов; создают политические рамки для предоставления помощи в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p style="text-align: center;">Каждая страна-партнер при разработке национальных стратегий и программ развития принимает во внимание положения Соглашений.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p style="text-align: center;"><u>Планы действий (ПД) (иные заменяющие их документы) / Action plans (other equivalent documents)</u></p> <p>(разрабатывает Европейская Комиссия совместно со странами-партнерами) содержат приоритеты сотрудничества, которые охватывают множество ключевых сфер и являются основой для конкретных взаимодействий между ЕС и странами-партнерами. Планы учитывают интересы сторон и особенности стран-партнеров, создают стратегические рамки для предоставления помощи в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p style="text-align: center;"><u>Стратегический документ по трансграничному сотрудничеству (СД ТГС) / Cross-border cooperation strategy paper (CBC SP)</u></p> <p>(разрабатывает ЕК в тесном сотрудничестве со странами-партнерами) устанавливает общие приоритеты сотрудничества, дает оценку социально-экономической ситуации на приграничных территориях сотрудничающих стран; содержит перечень совместных оперативных программ и предварительные объемы их финансирования, а также список территориальных единиц, имеющих право на участие в каждой программе.</p> <p style="text-align: center;">↓</p> <p style="text-align: center;"><u>Совместные оперативные программы трансграничного сотрудничества (СОП ТГС) / Joint operational programmes (JOP CBC)</u></p> <p>(разрабатывают государства-члены ЕС и страны-партнеры) устанавливают приоритеты сотрудничества и индикаторы их достижения, включают перечень мер в рамках согласованных приоритетов и предварительный план их финансирования, также содержат описание системы управления и процедуры реализации программы. Для реализации СОП ТГС Еврокомиссия с каждой страной-партнером заключает Соглашение о финансировании, которое должно быть завизировано Совместным органом управления программой.</p>			

Таблица 1. Продолжение

<p>Система управления, мониторинга и контроля над программами и проектами</p>	<p><u>Совместный орган управления (СОУ)</u> несет общую ответственность за управление и реализацию СОП ТГС в частности</p> <p>подготавливает ежегодный бюджет СОП ТГС, организует систему контроля и внутреннего аудита программы, составляет ежегодный отчет о реализации программы и финансовый отчет, направляет их в СМК и Еврокомиссию, подписывает контракты с бенефициарами на реализацию проектов, подготавливает платежные требования, осуществляет платежи в пользу бенефициаров и контроль над расходованием средств, выполняет текущий мониторинг проектов. СОУ размещается, как правило, в государстве-члене ЕС.</p> <p><u>Совместный мониторинговый комитет (СМК)</u> несет ответственность за эффективность и качество реализации СОП ТГС в частности</p> <p>устанавливает критерии отбора проектов и принимает окончательное решение по их отбору и размеру финансовых ассигнований для их реализации, оценивает и контролирует прогресс в достижении целей СОП ТГС, изучает отчеты, предоставленные СОУ, и принимает соответствующие меры, при необходимости.</p> <p><u>Совместный технический секретариат (СТС)</u> несет ответственность за оперативное управление СОП ТГС в частности</p> <p>оказывает помощь в работе СОУ и СМК в рамках осуществления ими своих обязанностей. При необходимости может создавать небольшие отделения в странах-партнерах с целью информирования потенциальных бенефициаров о мероприятиях, запланированных в рамках СОП ТГС.</p>
<p>Институциональные участники программ и проектов</p>	<ul style="list-style-type: none"> – органы местной и региональной власти и их ассоциации; – государственные организации / учреждения; – негосударственные структуры (неправительственные организации, организации, представляющие национальные и / или этнические меньшинства; кооперативы, профсоюзы, организации, представляющие экономические и социальные интересы различных групп населения; потребительские, женские и молодежные организации, учебные, культурные и научно-исследовательские учреждения, университеты, церкви, религиозные объединения и общины, СМИ, трансграничные объединения, независимые фонды); – физические лица; – компании, фирмы, другие частные организации и предприятия; – финансовые учреждения, которые предоставляют, поддерживают и финансируют частные инвестиции в партнерских странах и регионах; – международные организации, включая региональные и финансовые, а также банки развития и учреждения ЕС в той мере, в которой они вносят вклад в достижение целей Европейского инструмента соседства и партнерства.
<p>Критерии приемлемости регионов для получения финансирования</p>	<p>к приемлемым регионам относят следующие:</p> <ul style="list-style-type: none"> – все территориальные единицы, соответствующие третьему уровню (согласно Номенклатуре территориальных единиц для целей статистики, разработанной статистической службой ЕС – NUTS) или эквивалентные ему, которые расположены вдоль сухопутных границ между государствами-членами и странами-партнерами или вдоль морских путей, имеющих существенное значение; – все прибрежные территориальные единицы, соответствующие второму уровню (согласно Номенклатуре территориальных единиц для целей статистики, разработанной статистической службой ЕС – NUTS) или эквивалентные ему, которые расположены в морском бассейне, общем для государств-членов и стран-партнеров.

Таблица 1. Окончание

Критерии отбора проектов	<p>– проекты должны включать, как минимум, по одному партнеру из государств-членов ЕС и стран-партнеров;</p> <p>– проекты должны быть реализованы в пределах территории программы, которая состоит из территории непосредственного сотрудничества и прилегающих к ним территорий, указанных в СД ТГС. При этом проекты с участием партнеров с прилегающих территорий могут быть реализованы только при условии, что достижение целей этих проектов затруднительно без таких партнеров.</p> <p>– проекты должны выполняться заявителями и партнерами, которые относятся к одному из возможных типов институциональных участников проектов;</p> <p>– проект должен относиться к одному из трех видов: а) <i>интегрированные</i> проекты, в которых каждый партнер выполняет часть мероприятий совместного проекта на собственной территории; б) <i>симметричные</i> проекты, в которых аналогичные мероприятия проводятся параллельно по обеим сторонам границы в государствах-членах ЕС и в странах-партнерах; в) <i>простые</i> проекты, реализуемые преимущественно или полностью, с одной стороны границы государства-члена ЕС или страны-партнера, но к выгоде всех или некоторых из партнеров, участвующих в СОП ТГС.</p>
Инструменты реализации программ и проектов	<p><u>Финансовые:</u> Европейский фонд регионального развития, Европейский инвестиционный банк, Европейский инструмент соседства и партнерства, ресурсы стран-партнеров и иных бенефициаров, задействованных в проектах.</p> <p><u>Институциональные:</u> – Группировка еврорегионального сотрудничества (ГЕС) – направлена на поддержку и развитие трансграничного и межтерриториального сотрудничества регионов стран-членов Совета Европы, имеет статус юридического лица; – еврорегион или иной тип трансграничного региона призван содействовать сотрудничеству приграничных регионов, может иметь статус юридического лица.</p>
Условия финансового обеспечения программ и проектов со стороны ЕС	<p>– вклад Сообщества для СОП ТГС не должен превышать <u>90 %</u> от допустимых расходов;</p> <p>– финансовые ассигнования могут быть переданы от одного приоритета программы к другому, но не более чем на <u>20 %</u> средств, первоначально выделенных для каждого приоритета программы;</p> <p>– финансирование деятельности территории на прилегающей территории не может превышать 20 % общего бюджета СОП ТГС.</p> <p>ОБЪЕМ ФИНАНСИРОВАНИЯ трансграничных программ в рамках ЕИСП: – за счет вкладов из ЕФРР – 591,28 млн. евро (6,8 % от общего объема ассигнований ЕФРР для цели «европейское территориальное сотрудничество») – за счет вкладов из ЕИСП – 527,16 млн. евро (5,0 % от общего объема ассигнований в ЕИСП)</p>

Источник: разработано автором на основании [12, 13, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 24]

ства регионов ЕС позволяет сделать следующие выводы. Цели и приоритеты сотрудничества имеют конкретную направленность. При их разработке приняты во внимание не только общие приоритеты Сообщества, но и принадлежность сотрудничающих регионов к той или иной стране (государство-член, страна-кандидат на вступление в ЕС или страна-сосед). Система стратегического планирования представляет собой вза-

имоувязанную, четко структурированную иерархию планов, учитывающих интересы Сообщества, стран и регионов. Поскольку в планировании стратегии трансграничного сотрудничества задействованы субъекты управления различного уровня: от чиновников Еврокомиссии до представителей центральных, региональных и местных органов власти в государствах-членах ЕС. Система управления, мониторинга и контроля над

программами и проектами трансграничного сотрудничества основана на четком разделении функций между соответствующими органами, что способствует эффективному достижению целей и приоритетов сотрудничества. Кроме того, данная система предполагает наличие различных типов управления программами в зависимости от степени вовлеченности сотрудничающих стран в интеграционные процессы на территории ЕС, а также имеющегося опыта взаимодействия их регионов. В целом следует отметить, что система программирования, реализации и управления программами трансграничного сотрудничества основана на концепции универсального программного цикла. Согласно этой концепции любая программа проходит через пять этапов, которые объединяются в две фазы: подготовительная (планирование, идентификация, подготовка) и основная (реализация, оценка и аудит). Институциональные участники программ и проектов трансграничного сотрудничества представлены субъектами различного уровня: от международных организаций, государственных, региональных и местных органов власти до общественных организаций и частных лиц. Это способствует наиболее эффективной и полной реализации программных приоритетов сотрудничества, так как существует возможность не только учитывать интересы многочисленных субъектов, но и привлекать их ресурсы для совместного финансирования проектов сотрудничества. При этом необходимо отметить, что наиболее полным и вместе с тем наиболее жестким является перечень субъектов для финансирования программ трансграничного сотрудничества в рамках ЕИСП. Критерии приемлемости регионов и отбора проектов представляют собой набор четких и прозрачных требований, предъявляемых к регионам и проектам, которые претендуют на получение финансирования. Очевидно, что это является фактором, способствующим действенному функционированию всей системы реализации и контроля над программами трансграничного сотрудничества. Вместе с тем, обращает на себя внимание следующий факт. С одной стороны, критерии приемлемости регионов, безусловно, учитывают специфику сотрудничающих сторон. С другой, – существует определенная целесообразность создать единообразную систему критериев отбора про-

ектов, претендующих на финансирование, независимо от принадлежности участников к той или иной стране. Поскольку проекты трансграничного сотрудничества, как правило, реализуются при участии хотя бы одного участника из государства-члена ЕС, а большая часть средств на реализацию проектов поступает, как правило, из бюджета Сообщества. Финансовые и институциональные инструменты реализации программ и проектов определены всей логикой процесса трансграничного сотрудничества. А многообразие этих инструментов, предлагаемых не только Евросоюзом, но и другими международными организациями, государствами и регионами, лишь подчеркивает всеобъемлющий характер трансграничного сотрудничества. Условия финансового обеспечения программ и проектов, со стороны Сообщества, проработаны в ходе многолетней практики трансграничного сотрудничества. Они содержат четко установленные пределы финансирования из фондов и инструментов ЕС в зависимости от принадлежности сотрудничающих сторон к той или иной территории, а также конкретные объемы финансирования, выделенные под определенные цели и приоритеты сотрудничества. При этом наибольший вклад со стороны Сообщества предусмотрен для проектов, реализуемых с участием приграничных территорий стран-соседей.

Отдельного внимания заслуживает изучение принципов организации трансграничного сотрудничества, так как именно они определяют правила взаимодействия всех участников такого сотрудничества на всех уровнях (см. табл. 2). При этом необходимо отметить следующее. Трансграничное сотрудничество основано на общей системе приоритетов ЕС, сочетает в себе цели, вытекающие из его внутренней и внешней политики, ресурсы для поддержки этого компонента выделяются из фондов, предназначенных для реализации мер как политики сплоченности, так и Европейской политики соседства [10, 11, 14, 15, 17, 18, 24]. Поэтому есть основания утверждать, что трансграничное сотрудничество вдоль внутренних и внешних границ ЕС построено на общих принципах управления фондами и инструментами Сообщества, предназначенными для оказания содействия всестороннему развитию регионов.

Общие принципы трансграничного сотрудничества регионов ЕС объединяют в

*Общие принципы организации
трансграничного сотрудничества в Европейском Союзе*

Наименование принципа русский / английский язык	Характеристика
1. Взаимодополняемость / Complementarity	ресурсы фондов и инструментов ЕС должны обеспечивать предоставление помощи, которая дополняет соответствующие мероприятия на национальном, региональном или местном уровнях или содействует этим мероприятиям.
2. Согласованность / Coherence	программы и проекты, финансируемые из фондов и инструментов Сообщества, должны согласовываться с его политикой, быть связаны с его приоритетами (для реализации трансграничных программ на внутренних границах), а также соответствовать соглашениям, заключенным Сообществом и его государствами-членами со странами-партнерами (для реализации трансграничных программ на внешних границах).
3. Партнерство / Partnership	тесное сотрудничество между Еврокомиссией и государствами-членами ЕС (для реализации трансграничных программ на внутренних границах) или странами-бенефициарами (для реализации трансграничных программ на внешних границах) на стадиях подготовки, реализации, мониторинга и оценки соответствующих программ и проектов. При необходимости и в соответствии с национальными нормами права к сотрудничеству на различных этапах могут привлекаться национальные, региональные и местные органы власти, иные организации и партнеры, заинтересованные сотрудничестве.
4. Координация / Coordination	взаимодействие Еврокомиссии и государств-членов ЕС для обеспечения координации между помощью от фондов и других финансовых инструментов Сообщества (для реализации трансграничных программ на внутренних границах), а также эффективной координации и сотрудничества с многосторонними и региональными организациями, иными финансирующими организациями, не входящими в ЕС (для реализации трансграничных программ на внешних границах).
5. Программирование / Programming	ресурсы фондов и инструментов Сообщества должны расходоваться в соответствии с системой многолетнего планирования, организованной в несколько этапов и включающей определение приоритетов развития, финансирование, а также систему управления и контроля.
6. Дополнительность / Additionality	взносы, поступающие из структурных фондов ЕС на развитие регионов, не должны замещать средства, которые расходуются государствами-членами на региональную политику (для реализации трансграничных программ на внутренних границах).
7. Софинансирование / Co financing	помощь, поступающая из ЕС, должна, финансироваться совместно со странами-бенефициарами из государственных средств, взносов от бенефициаров или из др. источников (для реализации трансграничных программ на внешних границах).
8. Концентрация / Concentrating	ресурсы фондов и инструментов Сообщества должны быть сосредоточены на ограниченном количестве приоритетных целей и направляться в те регионы, которые действительно нуждаются в поддержке.
9. Совместимость / Compatibility	программы внешней помощи государств-членов и Сообщества должны быть скоординированы в соответствии с установленными в ЕС принципами и процедурами реализации таких программ с целью повышения эффективности и результативности в оказании внешней помощи.
10. Субсидиарность / Subsidiarity	распределение прав и обязанностей по исполнительной вертикали с делегированием полномочий на тот территориальный уровень, где они могут исполняться наиболее эффективно.
11. Пропорциональность / Proportionality	обязанности государств-членов и Еврокомиссии в отношении выбора показателей для оценки оперативных программ, их контроля и мониторинга распределяются в зависимости от сумм расходов сторон на реализацию этих программ.

Источник: составлено автором с использованием [9, 10, 15, 18, 20, 24]

себе как принципы деятельности фондов Сообщества, а фактически политики сплоченности, так и принципы сотрудничества стран в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства. Такой синтез дает возможность многочисленным институциональным участникам трансграничных программ и проектов наиболее полно учитывать и эффективно использовать весь накопленный опыт применения правил взаимодействий регионов, как на внутренних, так и на внешних границах Европейского Союза.

Таким образом, анализ основных составляющих методологии и принципов организации трансграничного сотрудничества регионов вдоль внутренних и внешних границ Европейского Союза позволяет сделать следующие выводы. Ключевые элементы методологии полностью описывают весь процесс планирования, управления, реализации и контроля над программами и проектами трансграничного сотрудничества. Построение методологии организации трансграничного сотрудничества дает возможность четко разграничивать и учитывать интеграционную принадлежность сотрудничающих сторон к Европейскому Союзу. Принципы организации охватывают все уровни взаимодействия занятых в трансграничном сотрудничестве сторон: наднациональный, межгосударственный, национальный, региональный и местный, вплоть до уровня отдельных заинтересованных организаций и партнеров. Такой подход в формировании принципов свидетельствует о полноценном

учете интересов и специфики всех участников трансграничного сотрудничества, подчеркивает его всеобъемлющий характер.

В целом, опыт ЕС может быть использован при формировании методологической базы для организации трансграничного сотрудничества регионов стран-участниц ЕЭП с учетом существующих особенностей их взаимодействия. При этом в первую очередь, следует обратить внимание на принципы организации сотрудничества приграничных регионов. Так, например, применение принципов взаимодополняемости, партнерства, дополнительности, софинансирования и субсидиарности повышает финансовую и организационную ответственность заинтересованных сторон. Эти принципы четко указывают на то, что Сообщество никогда не берет на себя ни полной ответственности, ни полного финансирования той или иной программы трансграничного сотрудничества. В результате финансирование из фондов и инструментов ЕС выступает лишь в качестве своеобразного катализатора, направленного не только на решение конкретных задач сотрудничающих приграничных регионов, но и на их активное развитие. Кроме того, отдельные положения методологии, касающиеся планирования, мониторинга и контроля над выполнением программ и проектов, а также отбора регионов, которые имеют право на получение помощи со стороны Сообщества, могут быть использованы и на национальном уровне при формировании соответствующих программных документов по организации трансграничного сотрудничества.

Библиографический список

1. Белицкий, М.Е. Трансграничное сотрудничество регионов: методологические основы развития и роль в интеграционных процессах / Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст. / ФМО БГУ. – Минск, 2008. – Вып. 5. – С. 74–91.
2. Давыденко, Л.Н., Принципы трансграничного сотрудничества / Л.Н. Давыденко, А.И. Литвинюк // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст. / ФМО БГУ. – Минск, 2010. – Вып. 7. – С. 50–64.
3. Декларация о евразийской экономической интеграции. 18 ноября 2011 года // Известия. Специальная полоса ЕврАзЭС [Электронный ресурс]. – 13.12.2011. – Режим доступа: <http://www.evrazes.com/docs/view/568>. – Дата доступа: 18.06.2012.
4. Катровский, А.П. Смоленское приграничье: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию? // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 70–75.
5. Корнеевец, В.С. Классификация приграничных регионов России // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 48–53.
6. Межрегиональное и приграничное сотрудничество // Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.e-cis.info/index.php?id=248>. – Дата доступа: 07.06.2012.
7. Морачевская, К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России / К.А. Морачевская // Региональные исследования. – 2010. – № 4. – С. 61–69.
8. Часовский, В.И. Российско-белорусское приграничье: изменения в территориально-отраслевой структуре хозяйства в постсоветский период развития // Региональные исследования. – 2010. – № 2. – С. 82–90.

9. Cohesion policy 2007–13. Commentaries and official texts // European Commission. [Electronic resource]. – January 2007. – Mode of access: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/regulation/pdf/2007/publications/guide2007_en.pdf. – Date of access: 12.01.2010.
10. Commission communication to the Council and the European Parliament. Financial Perspectives 2007 – 2013. COM (2004) 487 of 14 July 2004 // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2004:0487:FIN:EN:PDF>. – Date of access 15.04.2010.
11. Commission Communication. A new partnership for cohesion: convergence, competitiveness, cooperation. Third report on economic and social cohesion. COM(2004) 107 of 18 February 2004 // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52004DC0107:EN:HTML> – Date of access 06.05.2010.
12. Commission Regulation (EC) No 718/2007 of 12 June 2007 implementing Council Regulation (EC) No 1085/2006 establishing an instrument for pre-accession assistance (IPA) // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:170:0001:0066:EN:PDF>. – Date of access: 02.12.2011.
13. Commission Regulation (EC) No 951/2007 of 9 August 2007 laying down implementing rules for cross-border cooperation programmes financed under Regulation (EC) No 1638/2006 of the European Parliament and of the Council laying down general provisions establishing a European Neighbourhood and Partnership Instrument // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:210:0010:0025:EN:PDF>. – Date of access: 13.09.2008.
14. Commission working document. Revised Proposal for renewal of the Interinstitutional Agreement on budgetary discipline and improvement of the budgetary procedure. COM (2006) 36 final of 1 February 2006 // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2006:0036:FIN:EN:PDF>. – Date of access 15.04.2010.
15. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Building our common Future: Policy challenges and Budgetary means of the Enlarged Union 2007–2013. COM (2004) 101 final/2 of 26 February 2004 // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2004:0101:FIN:EN:PDF>. – Date of access 15.04.2010.
16. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Instrument for Pre-accession Assistance (IPA) revised Multi-Annual Indicative Financial Framework for 2012-2013. COM (2011) 641 final of 12 October 2011 // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0641:FIN:EN:PDF> – Date of access: 23.01.2012.
17. Communication from the Commission. European Neighbourhood Policy. Strategy paper. COM (2004) 373 final of 12 May 2004 // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2004:0373:FIN:EN:PDF> – Date of access: 03.12.2007.
18. Council Regulation (EC) No 1083/2006 of 11 July 2006 laying down general provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund and the Cohesion Fund and repealing Regulation (EC) No 1260/1999. OJ L 210, 31.7.2006, p. 25–78 // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:210:0025:0078:EN:PDF>. – Date of access 11.04.2010.
19. Council Regulation (EC) No 1085/2006 of 17 July 2006 establishing an Instrument for Pre-Accession Assistance (IPA) // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:210:0082:0093:EN:PDF>. – Date of access: 24.10.2010.
20. European Neighbourhood & Partnership Instrument. Cross-Border Cooperation. Strategy Paper 2007 – 2013. Multi-annual Indicative Programme 2011 – 2013 // European Commission. [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: http://ec.europa.eu/world/enp/docs/2011-2013_crossborder_mip_en.pdf. – Date of access: 16.02.2012.
21. Proposal for a Decision of the European Parliament and of the Council amending the Interinstitutional Agreement of 17 May 2006 on budgetary discipline and sound financial management as regards the multiannual financial framework, to address additional financing needs of the ITER project. COM (2011) 226 final of 20 April 2011 // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0226:FIN:EN:PDF> – Date of access: 05.01.2012.
22. Protocol No. 3 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning Euroregional Co-operation Groupings (ECGs). CETS No. 206 // The Council of Europe's official Treaty Office [Electronic resource]. – Utrecht, 16.XI.2009. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/206.htm> – Date of access: 03.08.2010.
23. Regulation (EC) No 1080/2006 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2006 on the European Regional Development Fund and repealing Regulation (EC) // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:210:0001:0011:EN:PDF>. – Date of access 11.04.2010.
24. Regulation (EC) No 1638/2006 of the European Parliament and of the Council of 24 October 2006 laying down general provisions establishing a European Neighbourhood and Partnership Instrument // EUR-Lex Access to European Union law [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:310:0001:0014:EN:PDF>. – Date of access 15.07.2008.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

А.И. Алексеев (Москва)

КАКИМ МОЖЕТ БЫТЬ «ИДЕАЛЬНОЕ» ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ? (предварительные замечания)

Alekseev A.I.
WHAT CAN BE «IDEAL» SOCIAL-GEOGRAPHICAL STUDY?
(preliminary observations)

Аннотация. В статье перечисляются требования, которым должно удовлетворять «идеальное» общественно-географическое исследование: методологическая рефлексия, критический анализ информации, историчность, вариативность и др.

Abstract. The article lists the requirements to be met by the «ideal» social and geographical research: methodological reflection, critical analysis of information, historical approach, variability, etc.

Ключевые слова: общественная география, методология, вариативность, критический анализ.
Key words: social geography, methodology, variability, critical analysis.

Прошедший в августе 2012 г. 32-й Международный географический конгресс в Кельне еще раз показал, насколько велики отличия российской общественной географии от мировой науки. Во-первых, в западных странах общественная география (Human Geography) занимает большую часть всей географической науки. Например, четыремя главными темами конгресса были определены:

- 1) глобальные процессы и глобализация;
- 2) общество и его среда обитания;
- 3) риски и конфликты;
- 4) урбанизация и демографические изменения [10].

Таким образом, в основном они были связаны с тематикой общественной географии.

Во-вторых, западные географы гораздо лучше, чем российские, знакомы с новейшими достижениями смежных наук¹ – экономи-

ки, социологии, политологии, антропологии (этнологии) и их работы «вписаны» в общий контекст гуманитарных наук, они говорят на понятном для смежников языке. Считается почти обязательным вначале сказать, на какую именно теорию опирается автор, каковы его подходы, и только потом (и в свете этого) анализировать конкретную информацию. Более того, в большинстве случаев географы совсем не боятся выходить «за рамки» предмета географии: если их работу посчитают не географической, а, например, социологической – для них это вовсе не упрек (как, скажем, на моем родном географическом факультете МГУ), а совершенно нормальное явление. В книге о гуманитарной географии, вышедшей в 2012г., ее редакторы пишут: «Открытость становится всеобщей для всех живых интеллектуальных дисциплин. Гра-

¹ Вспомним, что 90 лет назад, в 1922 г., крупнейших ученых России советское правительство выслало из страны на «философском пароходе», и последующие почти 70 лет наша страна была оторвана от развития мировой гуманитарной науки. Если эту ситуацию спроектировать на естественные науки, это означало бы, что в начале 1990-х гг. наши физики впервые услышали бы о теории Эйнштейна, об атомной бомбе, о лазерах, о том, что появились искусственные спутники Земли и люди летают в космос, и т.д. Но с физикой такого не произошло – она нужна была СССР для развития ВПК, а гуманитарное знание, как казалось тогдашним властям, особо не нужно – всю эту «буржуазную лженауку» с успехом заменит марксизм. Но как показывают последние десятилетия российской истории, непонимание обществом самого себя является одной из главных причин наших неудач. Вспомним, что еще в первых работах Римского клуба было сказано, что одна из самых больших угроз для мира – неосознанность происходящего.

ницы между ними уже не охраняются с той энергией, что лет тридцать назад» [3, стр.79].

В-третьих, бросается в глаза гораздо более высокая методологическая и методическая дисциплина: в каждом исследовании обязательно четко обозначен предмет, цели работы; подробно описана методика – например, как выбирались объекты исследования, как проводилась выборка, ее объем, репрезентативность, ошибка выборки и т.д.

Все это порождает чувство «белой зависти» и стремление «подтянуть» уровень наших исследований². Это и было главным фактором написания данной статьи. Другой фактор – попытка сформулировать требования к квалификационным работам наших студентов и аспирантов (курсовым, дипломным, диссертациям). В результате родилось что-то вроде «идеального образа» общественно-географического исследования.

Не претендуя на строгость и полноту, перечислим теперь (не в порядке значимости) те требования, которым, по нашему мнению, должна удовлетворять «идеальная» работа в области общественной географии³:

1. Вписанность в мировой контекст. Любая работа, даже посвященная селу Дедюевка (на Сатинском полигоне геофака МГУ в Калужской области), должна начинаться с обзора мирового опыта такого рода исследований. В этом обзоре должно быть не просто перечисление работ, но и эволюция подходов: исповедуемая авторами методология, «научные моды» (парадигмы), существующие теории и т.п.

2. Методологическая рефлексия. Рассмотрев имеющийся опыт подобных исследований, автор должен определить специфику своей методологии данного исследования: что является предметом изучения, какие цели ставятся в работе, на какие теории опирается автор, какие методы используются.

3. Критический анализ источников информации. Это особенно относится к статистике, но также и к мнениям, оценкам и т.п. Для этого, в частности, надо помнить и использовать принцип «кому выгодно?». Должно быть ясное понимание того, как и кем использованные материалы собирались

и обрабатывались, и в целом – насколько искажено «кривое зеркало статистики».

Для меня очень показательным является широкое использование почти всеми нашими авторами данных о миграциях населения, базирующихся на текущем учете. Точность такого учета была невелика и в советское время, а за последние 20 лет стала гораздо меньше. Об этом, в частности, хорошо написала Ольга Чудиновских [9]. Тем не менее, постоянно встречаешься с такими расчетами, когда, например, число прибывших лишь незначительно превышает число выбывших, а автор делает вывод о миграционном притоке. Но ведь точность этого учета такая, что делать выводы можно лишь самые общие, и только в тех случаях, когда соотношение величин таково, что результаты очевидны (например, приток превышает отток в несколько раз).

Относительно точно рассчитать миграцию можно только за межпереписной период, о чем писал еще В.И. Переведенцев [4]: из общего сальдо динамики населения между переписями вычтешь сальдо естественного движения, и получится сальдо миграций. Карта, составленная по результатам такого расчета для периода между переписями 1989 и 2002гг., проведенного Е.М. Андреевым, размещена на сайте Независимого института социальных исследований [7].

Особую проблему представляет всеобщая приверженность студентов к скачиванию информации из Интернета. По большому счету, нужны бы методические рекомендации по проверке таких сведений, их критическому анализу. И, конечно, обязательным следует считать проверку всех текстов на плагиат.

4. Полимасштабность. Любой объект должен рассматриваться в разных масштабах – от глобального до локального. Например, то же село Дедюевка может быть рассмотрено на фоне мира, Восточно-Европейской равнины, Московского региона, Боровского района и Сатинского «муниципального поселения» и (или) станции МГУ. Таким образом, в частности, решается задача «видеть глобальное в локальном».

А если в конкретном исследовании поставлена задача, скажем, изучить какое-то

² Аналогичные, и даже порой более сильные чувства, вызывали посещения конференции Ассоциации Американских географов [2].

³ При этом не будем перечислять общеизвестные требования типа необходимости делать ссылки, проанализировать основную литературу по теме и т.д.

явление по регионам России (на профессиональном жаргоне – «погонять статистику по субъектам»)? Тогда, на мой взгляд, нужно оговорить, что это – только часть, этап более широкого исследования, которое впоследствии должно данное явление рассмотреть и на более низких уровнях: районов и городов, муниципальных поселений, населенных пунктов.

Примером полимасштабного подхода могут служить кандидатские диссертации, написанные под руководством С.А. Ковалева по отдельным регионам России. В них исследование всегда шло «сверху вниз»: регион в целом, его отдельные районы и города, затем два – три «ключевых» района (в т.ч. – пригородный и периферийный), в каждом из ключевых районов – два-три ключевых сельсовета (близ райцентра и в «глубинке»), и в каждом из них – по несколько населенных пунктов. Понятно, что такое построение исследования позволяет гораздо глубже понять проблемы территории, чем простой анализ статистики по административным единицам.

5. Историчность. Анализируя любые процессы на территории, например, в постсоциалистических странах, следует выяснять, как они проходили при социализме (если они были вообще; если нет – то как решались подобные проблемы), и какие изменения в них происходят. В идеале, конечно, исследование должно выявлять не только пространственные, но общие пространственно-временные закономерности явлений. Подобно «эволюционному страноведению» [8], должно быть и «эволюционное районоведение (регионоведение)».

6. Вариативность. Необходимо рассматривать набор вариантов развития территории:

- 1) в прошлом:
 - а) почему был выбран именно этот вариант;
 - б) что было бы, если бы были приняты другие варианты;
 - в) как реализация принятого варианта отличалась от задуманного и почему, и как это сказалось на достижении целей развития;

2) в будущем – при различных внешних условиях.

По аналогии с полимасштабностью это можно назвать «поливариантностью».

Вспомним, что в учебниках по архитектуре и геурбанистике принято рассматривать

различные предложенные в прошлом варианты развития (например, варианты развития Москвы, разработанные в 1930-х гг. Ле Корбюзье, Н. Ладовским и другими [105, стр. 187-189]). Нереализованные в одном случае варианты порой были использованы в других условиях и даже безотносительно этого представляют собой этапы развития науки. А из истории географии транспорта известно множество случаев, когда отвергнутые варианты трасс использовались гораздо позже.

Аналогично, при исследовании любой территории целесообразно рассмотреть не только реализованные варианты, но и отвергнутые. Например, какова была бы география Западной Сибири в результате строительства Нижне-Обской ГЭС? Или – какие перспективы были бы у России на Тихом океане, если бы главным портом там оставался Охотск? Ведь проведение границы по Амуру и Усури – в значительной степени заслуга нескольких конкретных личностей. Тривиальный тезис «история не знает сослагательного наклонения» здесь не работает: при рассмотрении возможных в будущем вариантов развития района, знание вариантов прошлого развития делает наш подход более широким, не ограниченным «шорами современности».

7. Функционирование в различных временных циклах. Следует рассматривать не только развитие (трансформацию) объекта, но и его функционирование в различных временных циклах: суточном, недельном, годовом и др. По аналогии с полимасштабностью, этот принцип можно назвать «поливременностью». В ряде случаев состояние объекта меняется коренным образом в зависимости от времени рассмотрения: например, село Дедюевка летом и зимой, в будний или в выходной день, днем и ночью – это совершенно разные села.

В учебнике Н.Н. Баранского 1937 г. можно видеть один из очень немногих примеров описания временных изменений. Это характеристика Куринской низменности, неорошенные пространства которой «имеют большое значение в качестве зимних пастбищ. Осенью, когда здесь проходят дожди и земля покрывается травой, с горных пастбищ Большого и Малого Кавказа, гонимые наступающей там стужей, спускаются на низменности Азербайджана многочисленные стада. ... Эти зимние пастбища называются

кишлагами (киш – зима, лаг – стан). Зимой в кишлаках большое оживление... В мае, подкормившись на свежей весенней траве, и набрав сил для перекочевки на эйлаги (летные горные пастбища), стада покидают низменность. Стихает бляенье овец и лай овчарок, скрип арб и шум автомобилей, степь снова желтеет и надолго превращается в знойную, безрадостную пустыню, по обширным опаленным пространствам движутся лишь тучи гонимого ветром песка» [1]. К сожалению, в наше время таких ярких характеристик уже не встретишь...

8. Виртуальный подход. Каков образ нашего объекта у разных групп населения? Какова «медиа-политика» (если она есть), или какой она может быть в формировании нового образа объекта?

Каков образ Дедюевки у разных групп населения (студентов, москвичей-рекреантов, местных жителей других деревень и др.)? Какова «медиа-политика» (если она есть), или какой она может быть по формированию образа «Нью-Дедюевки» (или, наоборот, «аутентичной «старой Дедюевки» – сохранившей ауру времен Российской империи и др...)?

По аналогии с полимасштабностью, поливариантностью и поливременностью это может быть названо «многообразностью».

9. Качественные («не-позитивистские») подходы. Обязательно использование качественных методов (глубинных интервью, экспертных оценок, «фокус-групп» и неформальных бесед) и пр. Обязательно описание «типичных ситуаций» – конкретных примеров поведения отдельных людей, семей, организаций / предприятий, органов власти и др.

Еще в 1947 г. Ю.Г. Саушкин писал: «В экономико-географическом исследовании контакт с населением, начиная от руководящих работников до рядовых колхозников и рабочих, совершенно необходим и означает половину дела» [6]. Можно сказать, что сейчас такой контакт еще более значим, в том числе и для того, чтобы исследование соответствовало следующему требованию – многосторонности оценок. Методические рекомендации для использования качественных методов в географии еще предстоит разработать.

10. Многосторонность оценок. Это означает, что автор, как правило, не должен становиться на точку зрения какой-либо одной

стороны, даже если ею является государство (но даже и в таком случае надо разобраться, каким именно государственным органам/ группам влияния выгодны данные оценки/ подходы/решения). Любые процессы на территории следует оценить, как минимум, с точки зрения разных социальных (и этнических, профессиональных, политических и др.) групп населения, их текущих и перспективных интересов. Например, рассматривая современные процессы в регионах России, их следует, как правило, оценить с точек зрения следующих групп: основной части населения (возможно с подразделением на слои по уровню жизни), предпринимателей (в т.ч. мелких и крупных; и не только местных, но и «пришлых», включая иностранных), муниципальных (региональных, федеральных) властей, политиков, отдельных социально уязвимых категорий населения (безработных, многодетных матерей, инвалидов, гастарбайтеров и др.), возможно – служителей церкви, деятелей культуры, краеведов, экологов и др.

По аналогии с полимасштабностью, поливременностью и др., это может быть названо «полисубъектностью», или «полиаксиологичностью», если иметь в виду разные системы ценностей у разных субъектов.

11. Заключение работы должно состоять из двух частей: 1) содержательные выводы из сделанной работы, в т.ч. выводы о том, что удалось, и что не удалось сделать в работе, и почему; 2) постановка задач для будущих исследований.

Понятно, что в каждой работе все эти требования вряд ли удастся выполнить; приведенный список, видимо, близок к максимальному. Но невыполнение каждого из требований должно быть объяснено – например, «мировой опыт не удалось обобщить из-за незнания иностранных языков (нехватки времени, отсутствия таких-то журналов)», и т.д.

Уже сейчас очевидно, что перечисленные требования – далеко не всё, что хотелось бы видеть в общественно-географических исследованиях. В частности, интересным представляется рассмотреть проблемы использования множественности интерпретаций, учета неполноты истины (истина неполна без оппонента), системного подхода и т.д. Так что создание «идеального образа» общественно-географического исследования требует дальнейшей работы.

Библиографический список

1. Баранский Н.Н. Экономическая география СССР. Учебник для 8-го класса средней школы. – М., 1937.
2. Гладкий Ю.Н., Петров А.Н., Алексеев А.И. О ежегодной конференции Ассоциации американских географов // География и экология в школе XXI века. – 2010. – № 9.
3. Голубчиков Ю.Н. Постдисциплинарная география постмодерна // Эволюция общественно-географической мысли / под ред. А.Г. Дружинина и А.И. Чистобаева. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 29-30 сентября 2012 г.). – СПб–Ростов н/Д, 2012.
4. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М., 1975.
5. Перцик Е.Н. География городов (геоурбанистика). – М., 1991.
6. Саушкин Ю.Г. Сбор материала // Баранский Н.Н. Советы и наставления аспирантам – экономико-географам по работе над диссертацией. – М.: Географический факультет МГУ, 1947.
7. Среднегодовая чистая миграция в межпереписной период. // http://www.socpol.ru/maps/1_2_20_map.gif
8. Фетисов А.С. От историко-географического очерка в экономико-географической характеристике страны к эволюционному страноведению // Общественная география: многообразие и единство / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 19. – М.– Смоленск, 2011.
9. Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. – 2004. – №4.
10. 32 International Geographical Congress // www.igc2012.org.

А.Н. Пилясов (Москва)

**ОТВЕТ НА ЗАМЕТКИ П.Я. БАКЛАНОВА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ
А.Н. ПИЛЯСОВА «НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ (НЭГ)
И ЕЕ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ»**

Pilyasov A.N.

**RESPONSE TO A NOTE BY P.YA. BAKLANOV ON THE ARTICLE OF A.N. PILYASOV
«THE NEW ECONOMIC GEOGRAPHY (NEG) AND ITS POTENTIAL
FOR THE STUDY OF THE PRODUCTIVE FORCES OF RUSSIA»**

Прежде всего хочу поблагодарить одного из лидеров современной российской экономической географии академика РАН П.Я. Бакланова за внимательное и заинтересованное прочтение моей статьи в журнале «Региональные исследования». Последние годы в выступлениях на научных конференциях, круглых столах и семинарах мне приходилось неоднократно с сожалением отмечать, что дух научной полемики, так украшавший нашу науку в 1960–1980-е годы, ныне совершенно угас. И как нам всем важно для укрепления интереса к российской экономической географии молодого поколения исследователей его возрождать. Об этом сказано и в недавно вышедшей книге «Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания». Отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: «Ойкумена». 2012.

Теперь я хотел бы подробно остановиться на сути тех замечаний, которые П.Я.Бакланов

выдвигает в своей статье. Мне представляется, что главное его недопонимание связано с тем, что он предьявил к моей статье, которая подробно описывает концепцию новой экономической географии, предложенную П. Кругманом, требования учета многолетней работы советской школы экономической географии в области размещения производительных сил. Но я не ставил такую задачу в своей статье!

Задел советской экономической географии и ее представителей, в том числе П.Я. Бакланова, не подвергается сомнению и мне хорошо известен. Многие из перечисленных П.Я. Баклановым советские экономико-географы, которые внесли свой вклад в создание теории и методологии размещения производительных сил в советской плановой индустриальной экономике либо были моими учителями, либо старшими коллегами. Непонятно только, почему идейный багаж советской экономической географии должен

нам мешать давать объективную оценку концепции Пола Кругмана, получившей мировое признание среди экономистов и экономико-географов.

Другое крупное недопонимание П.Я. Бакланова связано с тем, что он оценивает концепцию новой экономической географии П. Кругмана как попытку ревизии, теоретического обновления нашей науки. Справедливости ради нужно отметить, что аналогичные упреки неоднократно предъявлялись П. Кругману и в американском сообществе экономико-географов. Думаю, что это раздражение представителей экономико-географической школы и в России, и в США связано с самим термином «новая экономическая география» (П. Кругман сам спровоцировал эту критику), который порождает неверные ожидания: а что здесь действительно нового для нашей науки? Об этом неоднократно пишет и академик РАН П.Я.Бакланов в своих заметках по поводу моей статьи.

Здесь нужно четко сказать, что П. Кругман сам никогда не претендовал на радикальное обновление идейного багажа нашей науки. Он видел свой вклад в том, что, будучи экономистом американского мейнстрима, впервые обратил внимание своего научного сообщества на то, какую колоссальную роль играют факторы размещения в национальном экономическом росте – т.е. говоря словами даже его критиков, увязал национальный экономический рост с микроэкономическим механизмом, с тем, как на микроуровне фирмы, агенты экономики взаимодействуют друг с другом. А с учетом того, что это было доказано системой имитационных моделей, такая постановка проблемы стала новаторской для экономического сообщества. Скажу кратко: новая экономическая география – это не **НОВАЯ** экономическая география, а раздел экономической науки, который обосновывает роль факторов размещения в национальном экономическом росте.

Географические факторы как источники экономического роста в течение многих десятилетий игнорировались экономическим сообществом. Здесь нужно отметить новаторскую попытку академика РАН А.Г. Гранберга в середине 1980-х годов, который в работе «Экономика Сибири в разрезе широтных зон» впервые привлек внимание экономистов к зональным, т.е. географическим факторам экономических процессов.

Советские экономико-географы, о чем хорошо известно П.Я.Бакланову, проблемы национального экономического роста и размещения производительных сил в явном виде, на модельном уровне, никогда не увязывали между собой. В этом нет их вины. Адекватный модельный инструментарий, который позволяет в формальном виде увязывать эти вопросы, появился в работах Диксита и Стиглица конца 1970-х годов.

Должен был появиться «системный интегратор» Пол Кругман, который сумел увязать макроэкономические проблемы национального экономического роста и микроэкономические, экономико-географические проблемы размещения производительных сил в одной системе моделей. Это стало серьезным вкладом в развитие мировой экономической науки и вызвало огромный интерес мирового экономического сообщества, просто «моду» на «старую» экономическую географию. Думаю, что для нашего экономико-географического сообщества это хорошая новость. Наша капитализация и престиж среди молодого поколения исследователей в результате явно выросли.

Теперь хочу остановиться на вопросе, о каком именно размещении производительных сил идет речь в моделях П. Кругмана. Это необходимо потому, что здесь его подход радикально отличается от того, к которому привык П.Я. Бакланов. (Но тот факт, что он отличается, не означает, что он неверен).

Западная традиция исследования размещения производительных сил даже терминологическая (*location*, а не *location of productive forces*) – это атомарное наблюдение за пространственным поведением отдельной фирмы. Эта традиция идет от Й. Тюнена, который оказал на работы П. Кругмана значительное влияние. Модели П. Кругмана следуют этой традиции. Это взгляд «снизу» – как в результате пространственного размещения отдельных фирм начинают затем складываться системные закономерности, связанные с позитивными экстерналиями на общем рынке труда, общей инфраструктуре, общем пуле знания. Огромный вклад в создание этой традиции внес А.Маршалл, творчески переоткрытый в работах П. Кругмана спустя почти 80-лет.

Советская традиция изучения размещения, о чем хорошо пишет П.Я.Бакланов, была абсолютно другой: «первичным объектом в

процессе размещения производства является размещение не отдельного предприятия или фирмы, а формирование пространственной структуры (системы), состоящей из самого предприятия и пространственно-временных поставок ресурсов и сбыта готовой продукции в соответствии со спросом».

И здесь нужно не ругать «чужое», а признавать наличие разных исследовательских традиций в зарубежной и отечественной школах размещения. Что, например, делал академик РАН А.Г. Гранберг в своем учебнике «Основы региональной экономики», подробно излагая методические подходы изучения региональных проблем в СССР и в Западной Европе, открывая читателю идейные различия подходов, при этом относясь с уважением к чужому (нередко поучительному) опыту и практике региональной науки.

Именно промышленная и сервисная фирма и ее пространственное поведение являются основой моделей П. Кругмана. Здесь мы видим очень сильное влияние классической микроэкономики, которая изучает именно поведение фирм (до П. Кругмана игнорируя при этом факторы пространства). Это не «производительные силы», которые невозможно модельно ухватить в силу их сложного, многокомпонентного характера, а очень конкретный атомарный объект размещения. Да, это упрощение реальности. Но в модельном подходе это неизбежная плата за формальную строгость получаемых закономерностей.

У П.Я. Бакланова возникает вопрос, а как же, за счет каких механизмов происходит переход от уровня фирмы к уровню комплексов, структур хозяйства в моделях П. Кругмана? «Какой механизм лежит в основе формирования сочетания предприятий, фирм, объектов инфраструктуры?»

Огромную роль здесь играют агломерационный эффект, эффект позитивных экстерналий и принцип кумулятивной причинности Мюрдаля. В советской школе размещения некоторые из них признавались, но практически никогда механизм их зарождения не был адекватно объяснен.

Я очень хорошо помню, как в студенческие годы объяснение агломерационного эффекта моими старшими преподавателями проводилось на уровне «выдра потому так названа, что у нее выдрана шкурка»: агломерационный эффект, т.е. концентрация пред-

приятий в определенном пространственном ареале. И я был всегда не удовлетворен таким объяснением, потому что хотелось более твердых и эволюционных объяснений «наведения» этого эффекта в хозяйственном пространстве. Говорю это для того, чтобы у читателя заметок П.Я. Бакланова не возникло иллюзий по поводу «окончателности» решения размещенческих вопросов советской школой экономической географии. Очень многие работы наших старших коллег либо носили сугубо практический, прикладной характер (например, обслуживали потребности Госплана СССР в обосновании размещения производственных объектов на территории экономических районов), либо были не всегда убедительным теоретизированием на тему территориально-производственных комплексов, территориальных производственных систем.

Мне удивительно было прочитать, что выводы из формальных моделей П. Кругмана П.Я. Бакланов называет «обобщенными» и «нестрогими», а многолетние «метафоры» по поводу территориально-производственных комплексов при социализме некоторых моих старших коллег убедительными и логичными.

Обширный список авторов, который приведен П.Я. Баклановым в своей статье, не должен порождать у нас иллюзий: подлинно прорывных работ, которые обеспечивали новое знание по закономерностям размещения производительных сил, по агломерационному эффекту, на самом деле было очень мало. В их числе, конечно, первым нужно назвать работы выдающегося классика нашей науки Н.Н. Колосовского.

Мой старший коллега П.Я. Бакланов пишет в своей статье, что «спросу отведено мало места в концепции П. Кругмана». Но это неверно. Как раз размер рынка является важнейшим фактором в пространственной передислокации фирм, создании синергетических эффектов, когда процесс идет уже за счет самоусиления, срабатывания эффектов возрастающей отдачи. И заслуга П. Кругмана, что эти эффекты самоусиления он смог промоделировать.

В работе академика РАН П.Я. Бакланова поднимается важный вопрос о границах действия агломерационного эффекта. Его понимание агломерационного эффекта сугубо индустриальное, по материальным связям

хозяйственных предприятий. Но современная трактовка кластеров, в основе создания которых лежит все тот же самый агломерационный эффект, абсолютно другая - и мне приходилось уже неоднократно писать об этом (в том числе в рецензии на монографию И.В. Пилипенко «Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве», опубликованную в Известиях РГО). Это «мягкие» связи, которые определяются коммуникацией хозяйствующих субъектов, связи по информации, по знанию, которые получаются в результате регулярного личного общения. Но это означает, что границы такого агломерационного эффекта можно определить как предельную зону суточного коммутирования людей в рамках единого рынка труда, т.е. 100-120 километров. Мировая практика современных крупных городских агломераций показывает, что действительно, эти города-регионы, метрополитенские ареалы обычно не превышают этот диаметр.

Еще один момент, на котором мне хотелось бы остановиться. П.Я. Бакланов справедливо отмечает, что у П. Кругмана отсутствует фактор экономико-географического положения в его концепции. Меня многие годы также интересовал этот вопрос: почему наши зарубежные коллеги никогда в своих работах не используют этот мощный, системный инструмент экономико-географического анализа?

Дело в том, что зарубежная экономическая география находится под очень сильным влиянием формальных экономических моделей. Те феномены, которые легко формализуются, успешно и мощно развиваются в зарубежной экономической географии. Те же явления, которые в силу их системного характера пока не имеют модельной интерпретации, зачисляются в ранг «метафор» и отрабатываются исследовательскими усилиями ученых-одиночек вне научно-мейнстрима.

Так долгие годы факторы концентрации производственной деятельности в пространстве не могли быть содержательно проинтерпретированы в экономических моделях, потому что возрастающую отдачу, без которой невозможно описать концентрацию агентов экономики в локализованном пространстве, значительно труднее моделировать, чем постоянную или убывающую отдачу. Неудивительно, что тема центро-периферийной

структуры пространства, концентрации в пространстве просто выбрасывалась из учебников экономикс, в которых царствовали модели равновесия и совершенной конкуренции. Заслуга П. Кругмана как раз состоит в том, что он сумел подобрать ключи к этой проблеме: создал новый класс моделей (на базе моделей несовершенной конкуренции Диксита-Стиглица), способных объяснить концентрацию фирм в локализованном пространстве.

Теперь по поводу сравнения достижений П. Кругмана в новой экономической географии на фоне работ предшественников первого этапа Й. Тюнена, В. Вебера, А. Леша и В. Кристаллера. П.Я. Бакланов считает, что они невелики. Здесь я могу вспомнить К.Маркса, который, как известно, тоже ничего существенно нового не создал: просто соединил английскую политическую экономию, немецкую философию и французский утопический социализм в одном флаконе марксизма.

Однако талант творческих рекомбинаций из уже известных кусочков знания, который проявился и у К. Маркса, и у П. Кругмана сегодня признается как важнейший, как подлинная основа именно современной инновационной деятельности (ранее научные открытия совершались на других принципах). Именно так, по представлениям Т.Куна в его монографии «Структура научных революций», совершаются подлинные прорывы в науке – всегда на плечах прошлых гигантов, но в результате нового взгляда, новой комбинаторики привычных фактов и сведений.

Тот факт, что многие компоненты НЭГ (новой экономической географии) уже были известны задолго до П. Кругмана, никак не обесценивает его вклад. Просто для каждой научной эпохи характерны свои революционеры. Первые, которые идут на «чистый лист», совершают пионерное открытие. Но их последователи уже имеют меньше «белых пятен» и «чистых листов» и потому их открытия все в большей степени заключаются в комбинаторике из привычных, уже ранее известных, элементов.

Теперь о вопросах практического применения новой экономической географии. Я повторю снова, что вижу важнейший потенциал новой экономической географии для российских реалий в том, чтобы увидеть органичную связь степени внешнеторговой открытости российских регионов и закономер-

ности размещения производительных сил. Иначе говоря, увязку глобального и локального. Говоря еще грубее, есть две полярные группы российских регионов – открытые на внешний рынок и предельно закрытые. Так вот этот фактор, который никогда не изучался советской размещенческой школой экономической географии просто потому, что вся страна была закрыта на внешний рынок, есть важный фактор, драйвер их внутренней размещенческой динамики. Значит, приграничные регионы имеют свои закономерности размещения производительных сил, ресурсные – другие, а ориентированные на внутренний рынок регионы – третьи. И это должно стать предметом нового экономико-географического исследования и анализа.

Хочу резюмировать основное содержание своего ответа на заметки П.Я. Бакланова.

1. Искренне рад развернувшейся на страницах флагманского журнала нашей науки «Региональные исследования» дискуссии по поводу концепции новой экономической географии П. Кругмана и благодарен академику РАН П.Я. Бакланову за проявленную здесь инициативу. Это особенно важно в преддверии Конгресса европейской ассоциации региональной науки в Санкт-Петербурге в 2014 году. Мы в нашем сообществе должны вернуть интерес молодого поколения к нашей науке, обеспечить активное участие молодых экономико-географов в петербургском конгрессе. Опыт показывает, что жесткие научные дискуссии – это именно то, что привлекает внимание молодежи к нашей науке.

2. Не могу согласиться с упреком П.Я. Бакланова в недооценке вклада советской размещенческой экономико-географической школы. Цель цикла моих работ последних лет состоит в том, что познакомить российского, в том числе молодого, читателя, с достижениями мировой региональной науки последних 20 лет, т.е. именно того периода, когда мы находились в процессе тяжелой экономической трансформации и утратили ощущение пульса мировой региональной на-

уки. В этом я вижу свою ответственность как председателя российской секции европейской ассоциации региональной науки, выполнение научного завещания моего учителя – академика РАН А.Г. Гранберга.

Как директору Центра Совета по изучению производительных сил – головной организации, занимавшейся в советское время этой проблематикой, мне хорошо известны многочисленные достижения в теории и практике размещения моих старших коллег советского времени. Я готов предметно рассуждать на тему вклада каждой советской школы в формирование представлений о закономерностях развития и размещения производительных сил СССР с моим старшим коллегой П.Я.Баклановым. Но это тема другой статьи и другой дискуссии.

3. Считаю важной задачей для современных исследований размещения производительных сил России учет факторов агломерационного эффекта, позитивных экстерналий, размера рынка, впервые масштабно введенных в моделях П. Кругмана. Мы должны увидеть роль новых факторов внешнеэкономической открытости региона в размещении производительных сил. Мы должны уметь увязывать национальный экономический рост и размещение производительных сил на микроуровне отдельной агломерации и экономического кластера.

4. Считаю абсолютно недостаточным разработку тематики пространственного поведения малых и крупных фирм. У нас практически нет работ, которые детально анализируют процесс выбора площадки иностранным инвестором (а это никак не связано с инвестиционными рейтингами регионов), процесс принятия решения предпринимателем о месте дислокации своей фирмы. Такие работы по объективным причинам не выполнялись в советское время. Но сейчас они архиважны и сверхактуальны. Тихоокеанский институт географии РАН, который возглавляет мой друг и старший коллега академик РАН П.Я. Бакланов, мог бы выступить инициатором таких исследований в России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Александр Иванович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: alival@mail.ru

Белозеров Виталий Семенович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета
Email: vsbelozerov@yandex.ru.

Гладкий Александр Витальевич – доктор географических наук, доцент Киевского национального университета имени Т. Шевченко E-mail: gladkey@i.com.ua

Глушкова Вера Георгиевна – доктор географических наук, профессор, профессор кафедры «Региональная экономика» Финансового университета при Правительстве РФ

Голичев Владимир Дмитриевич – кандидат педагогических наук, профессор, директор Смоленского филиала Финансового университета при правительстве РФ

Голичева Н.Д. – доцент кандидат экономических наук, доцент Смоленского филиала Финансового университета при правительстве РФ

Голубчиков Юрий Николаевич – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Данилюк Елена Сергеевна – магистр экономических наук, старший преподаватель кафедры мировой экономики и международного бизнеса Гродненского государственного университета им. Я. Купалы
E-mail: elena_daniliuk@inbox.ru

Елацков Алексей Борисович – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета
Email: abelmail@mail.ru

Жданова Анна Михайловна – аспирантка кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова E-mail: zhammix@gmail.com

Кирпичев Виктор Васильевич – кандидат экономических наук, начальник отдела УФМС по Смоленской области E-mail: vikvas2029@rambler.ru

Коржов Илья Юрьевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета E-mail: 26foto_ru@mail.ru

Крейдено Татьяна Федоровна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов E-mail: t.krejdenco@mail.ru

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Лейзерович Евгений Ефимович – доктор географических наук

Марахов Дмитрий Игоревич – аспирант отдела социально-экономической географии Института географии РАН E-mail: MarakhovM@yandex.ru

Миронова Марина Николаевна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов E-mail: mitmar@yandex.ru

Немов Валерий Игоревич – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова E-mail: nameofvalery@gmail.com

Панин Александр Николаевич – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой картографии и геоинформатики Северо-Кавказского федерального университета E-mail: alex_panin@mail.ru

Панкратов Иван Николаевич – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова E-mail: ip1902@yandex.ru

Пилясов Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил, председатель Российской секции Европейской ассоциации региональной науки E-mail: pelyasov@mail.ru

Розанова Нина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления Смоленского государственного университета

Симагин Юрий Алексеевич – кандидат географических науки, доцент, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН E-mail: yas63@yandex.ru

Тикуннов Владимир Сергеевич – доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии мирового хозяйства, зав. лабораторией комплексного картографирования географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова E-mail: tikunov@geogr.msu.su

Умерова Ирина Алиевна – кандидат экономических наук, ассистент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов E-mail: irina.umerova@gmail.com

Фирсова Анастасия Владимировна – старший преподаватель кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета

Чихичин Василий Васильевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета E-mail: wawachi@yandex.ru

Щитова Наталия Александровна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии Северо-Кавказского федерального университета E-mail: stavgeo@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ
МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 4 раза в год, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.; текст – без использования знаков переноса)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция